

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a.

VIHİK 63 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ В 1893 г.

Ю. М. ЛОТМАН

АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ КАЙСАРОВ И
ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ
БОРЬБА ЕГО ВРЕМЕНИ



ТАРТУ 1958

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ВЫПУСК 63

Ю. М. Л О Т М А Н

**АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ КАЙСАРОВ И
ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ
БОРЬБА ЕГО ВРЕМЕНИ**

ТАРТУ 1958

Редакционная коллегия:

Б. Егоров (ответственный редактор), Э. Лаугасте, П. Аристэ, А. Каск,
Х. Мосберг, И. Сильвет.

*Светлой памяти
Николая Ивановича Мордовченко*

В в е д е н и е

В истории русской передовой общественной мысли первое десятилетие XIX в. занимает особое место. Значение этого времени для характеристики истоков декабристского движения бесспорно. Однако, несмотря на очевидную важность этого периода, — переходной эпохи от Радищева к декабристам, — рассмотрение его в исследовательской литературе все еще не может быть признано исчерпывающим.

Либеральная историческая наука культивировала легенду о решающем значении «правительственного либерализма» в формировании передовой общественной мысли первой четверти века. Считая, что «тайные общества и дело декабристов были естественным результатом брожения идей в александровское время», А. Н. Пыпин утверждал: «само правительство питало более смелые планы, чем кто-либо из передовых людей тогдашнего общества». ¹ «Общество не имело тогда, да и долго потом, никакой политической жизни . . . — писал Н. Н. Булич. — Правительство со своими планами преобразований стояло совершенно одиноко». ²

Результатом подобного подхода являлось сосредоточение внимания исследователей на правительственной деятельности «дней александровых прекрасного начала».

Советская историческая и историко-литературная наука, рассматривая идейную жизнь общества как отражение классовой борьбы в данной конкретно-исторической ситуации, положила в основу изучения декабристского движения ленинскую характеристику трех основных этапов развития революционного движения. Отталкиваясь от порочной либерально-буржуазной концепции о декабризме как течении, развивающем тенденции «правительственного либерализма», советские исследователи обратили внимание на конкретные обстоятельства, обусловившие формирование дворянской революционности как идеологического явления. Вполне закономерно внимание привлекли основные вопросы:

¹ А. Н. Пыпин, Исторические очерки: Общественное движение в России при Александре I, изд. 4-е, СПб., 1908, стр. II.

² Н. Н. Булич, Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX в. Второе издание, СПб., 1912, стр. 24.

эволюция мировоззрения декабристов, развитие их общественно-политической и литературной программы, связи их с творчеством Пушкина и Грибоедова, значение 1812 г. в формировании их идеологической системы. Вопрос о корнях теоретических воззрений дворянских революционеров в более раннюю эпоху не привлек еще пристального внимания науки и ждет своего исследователя. Касаясь этой проблемы, авторы работ обычно ссылаются на предметные связи с Радищевым, не делая, однако, этого существенного и весьма сложного вопроса предметом специального рассмотрения. В последние годы, в связи с появлением ряда новых работ и привлечением новых материалов по истории революционной мысли конца XVIII в., с одной стороны, и по истории развития декабристской идеологии, с другой, вопрос этот стал вполне научно-актуальным. «Идейные истоки тайного общества, — пишет М. В. Нечкина, — относятся к более раннему времени, чем принято думать. Вопрос об идейной атмосфере, в которой жило московское студенчество до 1812 г., представляет, оказывается, большой интерес и много поясняет об истоках декабризма». ¹

Постановка данной научной темы требует, однако, не только методологического пересмотра работ буржуазно-либеральных историков — она подразумевает значительное расширение наших фактических сведений об этой эпохе, рассмотренной в дореволюционной литературе с отнюдь не исчерпывающей полнотой и явно тенденциозным подбором фактов. В этом отношении весьма значительное явление представила собой книга В. Н. Орлова «Русские просветители 1790—1800-х годов». Хотя не все положения автора могут быть приняты безоговорочно, а часть его выводов представляется преувеличенной, книга имеет для разбираемого вопроса первостепенный интерес как итог многолетнего труда, обогатившего науку значительным количеством нового фактического материала. Тем не менее намеченная в конце книги схема: Радищев — «радищевцы» — декабристы не может не вызвать возражений, т. к. стремление автора заменить всю богатую и противоречивую картину возникающих и борющихся общественных тенденций первого десятилетия XIX в. рассмотрением одной, хотя и интересной, группировки объективно приводит к преувеличению ее общественного значения и искажению исторической перспективы. Необходимо всестороннее изучение *всей* полноты материала по истории общественной мысли этих лет. Теоретическое освещение вопроса в значительной мере оказывается в зависимости от появления исследований, уточняющих отдельные стороны общественно-политической и литературной жизни преддекабристской эпохи.

Настоящее исследование не ставит задачи решить общий вопрос об истоках сложного и противоречивого явления дворян-

¹ М. В. Нечкина, Грибоедов и декабристы, Гослитиздат, М., 1947, стр. 78.

ской революционности, поскольку это потребовало бы привлечения значительно более широкого фактического материала. Однако автор надеется, что рассмотрение общественных и литературных воззрений незаслуженно забытого А. С. Кайсарова, расширив круг материала, которым располагает исследователь истории декабристской идеологии, в какой-то мере приблизит решение назревших актуальных вопросов науки.

Изучение жизненного пути А. С. Кайсарова имеет и другой, более частный, но не менее научно-актуальный смысл. Один из наиболее ранних преподавателей русского языка и словесности в стенах Тартуского университета, Андрей Сергеевич Кайсаров — хорошо подготовленный ученый-славист и выдающийся общественный деятель, — сыграл заметную роль в укреплении дружественных связей между прогрессивной общественностью России и Прибалтики. В плане изучения русско-эстонских связей начала XIX в. рассмотрение деятельности Кайсарова приобретает особое значение.

Формирование общественно-политических и литературных воззрений А. С. Кайсарова падает на сложную эпоху первого десятилетия XIX века. Конец XVIII в., связанный с обострением классово-крестьянской борьбы крепостных крестьян, вызвал резкое размежевание в области общественной мысли. На одном полюсе сформировалась революционная идеология Радищева, связанная с проповедью народной революции и имевшая отчетливо-демократический характер, на другом — теоретические построения дворянских идеологов. Напряжение общественной борьбы обнаружило антидемократическую и антиреволюционную роль дворянского либерализма в таких его проявлениях, как масонство, карамзинизм и т. д. Сущность этих направлений не менялась от того, что они старательно отгораживались от оголтелой реакции, а эта последняя, в свою очередь, преследовала их, не делая принципиального различия между проявлениями демократической революционности и дворянского либерализма. Эти разногласия внутри дворянского лагеря общественной мысли качественно картины не меняли. Острота переживаемого страной социального кризиса определила четкость размежевания общественных лагерей.

Обращаясь к материалу первого десятилетия XIX в., исследователь сталкивается с картиной, значительно более сложной. Новая ситуация, сложившаяся в эту эпоху и во внутри-политическом, и международном положении России, придавала расстановке сил в литературе новый характер.

Крестьянские восстания в России последней трети XVIII в. не привели, да и не могли привести, к разрушению феодально-крепостнического строя. Показав революционную энергию народа, его ненависть к помещикам и готовность к решительной борьбе за свободу, они, вместе с тем, наглядно обнаружили неорганизованность, раздробленность и наивную надежду на «доброе

царя», свойственные крестьянской массе этой эпохи. Между тем, если первые массовые выступления народа в начале последней трети XVIII в. застали господствующие классы врасплох и повергли правительство в состояние растерянности, то к концу XVIII в., в результате целого ряда мероприятий правительств Екатерины II и Павла I, аппарат дворянского государства был значительно укреплен и находился в состоянии постоянной готовности подавить первое же проявление революционной энергии народа. Эту особенность необходимо учитывать при оценке общего положения в стране в начале XIX в. Советские историки собрали богатый фактический материал, воссоздавающий картину широкого размаха народных волнений в интересующие нас годы.¹ Абсолютные цифры крестьянских восстаний весьма значительны и часто выше, а не ниже соответствующих цифровых показателей в 80—90 гг. XVIII в., но, если учитывать, что народному недовольству в этот период противостояли значительно более консолидированные силы дворянского государства, то станет ясно, что относительная мощь народного сопротивления угнетению в эту эпоху была значительно слабее. Она не могла обусловить непосредственной перспективы создания революционного кризиса в стране. Именно это имел в виду В. И. Ленин, характеризуя начало XIX в. словами: «крепостная Россия забита и неподвижна».² К этому следует добавить, что и положение за рубежами России претерпело значительные изменения: бурная эпоха революционной ломки феодализма сменилась торжеством контрреволюционной директории, «пятиглавой и ненавистой всем гидры»,³ по характеристике А. Н. Радищева, а затем — единовластием консула Бонапарта. Если для части общества консул Бонапарт все еще оставался носителем революционных традиций («кто от юности знакомился с героями Греции и Рима, тот был тогда бонапартистом», — вспоминал С. Глинка⁴), то, с другой стороны, крепло убеждение в контрреволюционном характере правительственных перемен во Франции. В 1800 г. Павел I на секретном докладе Растопчина против слов: «Бонапарт старается всячески снискать благорасположение Ваше .», — написал: «И может успеть».⁵ Как контрреволюционную силу рассматривал Бонапарта немного спустя и Карамзин, дававший ему в «Вестнике Европы» весьма сочувственную характеристику.

¹ См., напр., И. Игнатович, Крестьянские волнения первой четверти XIX в., Вопросы истории, 1950, № 9.

² В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 294.

³ А. Н. Радищев, Полное собр. соч., т. III, Изд. АН СССР 1952, стр. 523. В дальнейшем все цитаты по этому изданию.

⁴ С. Н. Глинка, Записки, Спб., 1895, стр. 194.

⁵ Ф. В. Растопчин, Картина Европы в начале XIX столетия и отношение к ней России, Памятники новой русской истории, Сб. исторических статей и материалов, издаваемый В. Кашпировым, Спб., 1871, т. I, стр. 107.

Таким образом, в начале XIX в. в России создалась весьма своеобразная ситуация. С одной стороны, демократическое движение народных масс не смогло победить; «великая весна 90-х гг» (Герцен) прошла, и было ясно, что новый подъем наступит нескоро. С другой стороны, реакция не имела оснований торжествовать победу: ни подавить до конца крестьянские волнения в России, ни дискредитировать в глазах передовой части общества великие освободительные идеи, созданные демократическими движениями XVIII в., ей не удалось. Открыто-реакционная политика Павла I в первую очередь показала бессилие правительства, пытавшегося задержать развитие общественной мысли мерами откровенного насилия.

Насущные вопросы русской жизни разрешены не были. Борьба с крепостным правом по-прежнему оставалась самой актуальной общественной проблемой. «Рабство» крестьян продолжало напоминать о себе многочисленными народными выступлениями, положение народа продолжало волновать умы передовой части общества. Правительство вынуждено было прибегать к той сложной системе обещаний и маневров, которые составляли сущность «дней александровых прекрасного начала».

Новая общественная ситуация не могла не обусловить изменения в расстановке литературно-общественных лагерей. Глава демократического лагеря в литературе конца XVIII в. А. Н. Радищев и в новых условиях сохраняет революционность программы. Короткий, но весьма интенсивный в творческом отношении период литературной деятельности Радищева в начале XIX в. продолжает социально-философские и революционные традиции творчества писателя 90-х гг. Это не значит, однако, что позиция Радищева не претерпела изменений. В сознании Радищева в эти годы созревали новые черты, углублявшие его революционную программу. Иным было положение окружавших Радищева демократических писателей. Средний размер дарования, а, главное, условия, в которых происходило формирование их воззрений, не давали им возможности возвыситься до революционной радищевской оценки современности. Формирование этих писателей происходило не в 70—80-е гг. — годы подъема крестьянского движения в России, как это было с Радищевым, а в период павловского царствования и в первые годы нового века. Отсутствие в стране атмосферы революционного кризиса неизбежно привело к потере деятелями демократического лагеря революционного характера программы, а вслед за этим и значительной деградации всей общественно-политической и эстетической системы воззрений. Этим объясняется то, что роль, исторически сыгранная даже наиболее радикальными деятелями «Вольного общества любителей словесности», не имела в первое десятилетие XIX в. того определяющего значения в общем ходе литературного развития, которое свойственно было деятельности А. Н. Радищева. Сложная диалектика этого периода раскрыта в ленинских

оценках истории революционного движения XIX в. Говоря о «забитости и неподвижности» народных масс в начале XIX в., В. И. Ленин подчеркивал, что в этих условиях демократическая интеллигенция еще не могла сыграть роли ведущей общественной силы. «Протестует ничтожное меньшинство дворян»,¹ — писал В. И. Ленин. В начале XIX в. мы наблюдаем постепенное идеологическое отступление демократической группы писателей. Только в исторических условиях 40—60-х гг. XIX в., на гребне новой волны крестьянского движения и уже на более высоком этапе его, демократическое направление в литературе смогло обрести и революционность программы, и центральное положение в литературно-общественной жизни своей эпохи. Последнее не значит, однако, что распространение демократической идеологии в литературе конца XVIII в. было лишено исторической перспективы. Ответ на это связан с решением не менее сложной проблемы — вопроса идейных истоков программы дворянских революционеров начала XIX в.

Как выступление декабристов разбудило поколение Герцена и Белинского, так демократические идеи XVIII в. будили дворянских революционеров 20-х гг. Характер преемственности в обоих случаях был сложным: далеко не все в творческом наследии декабристов было приемлемо для демократов-революционеров 40—60-х гг. Не все можно было усваивать и развивать — многое приходилось преодолевать. Так, например, реалистическая эстетика 40—60-х гг. складывалась в известной мере в борьбе с эстетикой романтической, и не только пассивно-реакционной, но и декабристского толка. В этом нетрудно убедиться, ознакомившись с историей оценок Белинским творчества А. Бестужева-Марлинского или политической лирики молодого Пушкина.

Подобно этому широкое восприятие деятелями дворянской революционности демократических идей XVIII в., идей Радищева, просветительской философии и публицистики эпохи революции было процессом весьма сложным. Многие из самых основных принципов Радищева оставались им чуждо. Однако этот избирательный характер усвоения демократических идей не снижает значения последних для формирования декабристской идеологии.

В. И. Ленин в докладе о революции 1905 г. указал, что декабристы «были заражены соприкосновением с демократическими идеями Европы во время наполеоновских войн». ² Бесспорно, что этот процесс «заражения соприкосновением с демократическими идеями» имел свою длительную историю и, конечно, не последнюю роль в нем сыграли демократические идеи русской литературы и философии XVIII в., влиявшие и непосредственно (большинство декабристов, бесспорно, было знакомо и с Радищевым, и с сатирической журналистикой, и с «Трумфом» Крыло-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 294.

² В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 237.

ва), и через посредство педагогов и литераторов типа Востокова, Куницына, Мерзлякова.

В первые годы XIX в. произведения писателей XVIII в. еще входили в фонд активного чтения.¹ Чтобы в этом убедиться, достаточно просмотреть объявления книжных лавок. Можно было бы привести значительное число примеров, рисующих широкую осведомленность дворянских революционеров 20-х гг. XIX в. в демократической литературе предшествовавшего столетия. Характерный случай: в 1816 г. Николай Иванович Тургенев прочел журнал «Живописец», сочувственно отметив, что «и тогда осмеивали ужасным образом рабство». Из всего материала журнала Н. И. Тургеневу, видимо, более всего запомнился «Отрывок путешествия в *** И *** Т ***» В марте 1821 г., побывав в Тургеневе, он писал Сергею Ивановичу: «Мое присутствие было нужно (.) Ребятишки не только от меня не бегали; напротив все за мною бегали».² Любопытно, что и Сергей Иванович не нуждался в разъяснении намека — произведение было, видимо, отлично известно и ему.

Бесспорно, что не менее широко было воздействие на дворянскую интеллигенцию демократических идей французской философии и публицистики XVIII в. Знакомство широкого круга русской читающей публики не только с произведениями философов-энциклопедистов, но и с публицистикой революционной эпохи засвидетельствовано многочисленными документами. Показательно, что даже те общественные силы, которым было глубоко чуждо антифеодалное содержание просветительской философии XVIII в. и которые боролись с этой философией, не могли ее игнорировать и вынуждены были зачастую облекать борьбу не в форму прямой полемики, а связывать ее со всякого рода попытками внутреннего перетолкования, прикрытого внешним копированием тех самых формул и положений, с которыми осуществлялась борьба. Это наглядно заметно на примере фразеологии и характера мотивировок в правительственных документах первого десятилетия XIX в. Естественное право сделалось официально преподаваемым предметом. Все это, конечно, свидетельствовало не о «доброй воле» правительства, а о невозможности бороться с демократической идеологией такими средствами, как

¹ См. в кн.: Г. П. Макогоненко, Радищев и его время, М., ГИХЛ, 1956.

² Декабрист Н. И. Тургенев, Письма к брату С. И. Тургеневу, изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 327.

Ср. в «Отрывке путешествия в *** И *** Т ***»: «Нашел он (извозчик — Ю. Л.) там одного спрятавшегося мальчика, который ему сказал, что, увидев издалека пыль от моей коляски, подумали они (дети — Ю. Л.), что едет их барин, и для того от страха разбежались (. .). Вскоре после того пришли два мальчика и две девочки от пяти до семи лет. Они все (.) столь были дики и застрашены именем барина, что боялись подойти к моей коляске». И далее: «Ребятишки, подведены будучи близко к моей коляске, вдруг побежали назад, крича: «Ай, ай! берите все, что есть, только не бейте нас!»

прямое запрещение, или идеологическим оружием ортодоксального церковного учения и откровенного идеализма.

Находя в широком потоке демократических идей XVIII в. ответы на запросы сегодняшнего дня русской жизни, запросы, зазвучавшие особенно неотложно после наполеоновских войн, определенная часть дворянской молодежи усвоила идеи, чуждые классово-дворянской системе мировоззрения, вступавшие во внутреннюю борьбу со всем кругом дворянских идеологических представлений. На протяжении всей истории декабристской мысли можно наблюдать сложный процесс сосуществования и борьбы этих взаимопротиворечащих представлений в рамках того сложного идеологического единства, которое и определяется как явление дворянской революционности. В тех случаях, когда дворянская идеологическая основа мировоззрения брала верх, образовывалась та либеральная система идей, которая характерна была для правого крыла декабристского движения и идеологической периферии декабризма. Однако была и иная возможность: в ходе усиления демократических элементов в мировоззрении — полное преодоление дворянской идеологии и переход на классово-иные позиции. Это был герценовский путь — путь, не представленный в окончательном виде ни одним из декабристских деятелей в период до 14 декабря. Однако, потенциальные возможности такого развития содержались в позиции большинства деятелей левого крыла декабризма.

Вместе с тем, процесс усвоения демократических идей протекал весьма сложно, поскольку усваивающее сознание характеризовалось идеологическими чертами, принципиально отличными от усваиваемых идей. Так, например, литературные вкусы дворянской молодежи в первом десятилетии XIX в. формировались под знаком увлечения карамзинизмом. Постановка проблемы народности, возникновение интереса к политическим наукам и в связи с этим критика «легкой поэзии» — эти и другие характерные черты литературной программы декабризма могли возникнуть, с одной стороны, только в порядке преодоления карамзинизма, а, с другой стороны, форма постановки этих вопросов и степень последовательности их решения определялась степенью преодоления карамзинизма. На примере Андрея Тургенева и Андрея Кайсарова мы сможем в дальнейшем наблюдать любопытный факт: антифеодальные идеи прав человеческой личности, равенства и братства людей окажутся им доступнее не в их непосредственном, законченном изложении в сочинениях французских просветителей, а в истолковании их Шиллером. Недоступен окажется им и освободительный смысл материалистической философии.

Не менее сложными были процессы, протекавшие в недворянском идеологическом лагере начала XIX в. Теоретики антифеодального направления в XVIII в. отвергали окружающую действительность во имя лучшего «естественного» порядка. Истории

противопоставлялась теория. Первая рассматривала «неразумную» реальность феодального общества, вторая противопоставляла ей идеал иного порядка, извлекаемого, как считали, из самой природы человека. Так, например, одна из характерных сторон художественной системы Радищева состоит в постоянном присутствии в произведении рядом с бытовыми картинами, описанием действительности — второго, теоретического плана, сопоставление с которым и придает описанию современности характер революционного отрицания. Это своеобразие в соотношении теории и действительности было очень тонко отмечено В. Засулич, писавшей: «если в области природоведения для открытия истинных законов природы следовало изучать существующее, если в этой области для устранения ложной невежественной мысли отцов достаточно было противопоставить ей то, что есть (здесь и дальше разрядка автора — Ю. Л.) то в области права, политики, морали этого было недостаточно. Здесь мысль отцов воплотилась в самих фактах, кристаллизовалась в законах, обычаях и учреждениях. Презираемая всеми просвещенными людьми, эта застывшая мысль продолжала тем не менее извращать жизнь, стеснять деятельность. В этой области то, что есть, не может соответствовать законам природы».¹

После революционных событий во Франции, явившихся великой практической проверкой теоретических построений философов XVIII в., в развитии демократической идеологии в России наступил новый этап. Идеал «естественного» порядка, основанного на природе человека, был отброшен. В качестве «нормального» начинает мыслиться не некий теоретический порядок, а реально существующий. Следствием такого подхода было временное ослабление пафоса революционной критики, что совпало с отмеченным уже общим процессом политического «отступления» деятелей антидворянского лагеря в идейной жизни начала XIX в. Однако именно эти особенности, свидетельствуя о теоретической слабости демократического лагеря, вместе с тем, в диалектически-сложном процессе развития означали и огромный шаг вперед — к поискам теории, не противостоящей жизни, а из нее извлекаемой, к поискам историзма, «поэзии действительности».

В такой сложной идейной обстановке протекало формирование идей дворянской революционности, с ранним, «утробным» этапом которой связана и деятельность Андрея Сергеевича Кайсарова.

* * *

Разносторонняя, кипучая деятельность, заполнившая короткую жизнь Андрея Сергеевича Кайсарова, делает его личность интересной для исследователей самых различных, казалось бы,

¹ В. И. Засулич, Сборник статей, т. I, Изд. «Библиотеки для всех», 6. д., стр. 40.

далеких друг от друга областей. Кайсарова, как автора «Славянской мифологии», упоминают исследователи фольклористики и славяноведения; в качестве создателя антикрепостнической диссертации на латинском языке он известен историкам общественной мысли, правда, обращавшимся, к сожалению, в большинстве случаев не к самому тексту книги, а к цитатам из неё в известном труде В. И. Семевского. Личностью Кайсарова интересовались также историки литературы, главным образом, специализировавшиеся в области изучения творчества В. А. Жуковского и в связи с этим касавшиеся истории «Дружеского литературного общества». Авторы, интересовавшиеся историей Тартуского университета, также не могли обойти личности одного из наиболее ярких преподавателей его в первом десятилетии XIX в. К этому можно было бы добавить, что деятельность А. С. Кайсарова представляет незаурядный интерес для историков русского языкознания и исследователей Отечественной войны 1812 г

Однако следует отметить, что разбросанные в различных работах беглые упоминания не создавали целостного образа. Не только не было определено место Кайсарова в литературно-общественной борьбе тех лет, но и сама личность его зачастую оказывалась позабытой. До сих пор мы не имеем ни одного исчерпывающего свода биографических данных о жизни этого незаурядного деятеля. Даже в специальной исследовательской литературе его сплошь и рядом путали с кем-либо из братьев.

Первой попыткой свести воедино печатные данные об А. С. Кайсарове явилась работа М. И. Сухомлинова.¹ Изучая историю русского просвещения и университетскую жизнь начала XIX в., Сухомлинов не мог пройти мимо яркой фигуры А. С. Кайсарова. Автор суммировал основные печатные материалы (некролог в «Сыне отечества», журнале «Dörptische Beiträage», высказывания Добровского о «Мифологии» Кайсарова и др.), которые в дальнейшем явились основным фондом фактических сведений для большинства писавших на эту тему. Из рукописных материалов был привлечен Архив Министерства народного просвещения, откуда позаимствованы некоторые данные о служебной деятельности Кайсарова и о его откомандировании в армию. Скучность источников не дала Сухомлинову возможности создать исчерпывающее исследование о жизни и деятельности А. С. Кайсарова.

Возможность создания полной научной характеристики А. Кайсарова зависела от дальнейших архивных разысканий. Одним из основных архивных фондов для биографа Кайсарова являются бумаги из собрания братьев Тургеневых. Публикации

¹ М. И. Сухомлинов, А. С. Кайсаров и его литературные друзья, Известия ОРЯС, Спб., 1897, т. II, кн. I, стр. 1—33.

отдельных бумаг из этого архива начали появляться в различных изданиях второй половины XIX в.¹

Первым из исследователей, получивших возможность более или менее подробно ознакомиться с тургеневским собранием, был А. А. Фомин. В статье «Новый историко-литературный клад» (Русская Мысль, 1906, апрель, стр. 1—15) он дал ему подробную характеристику. Через некоторое время появился ряд статей-публикаций того же автора, основанных на материалах архива. Непосредственное отношение к интересующей нас теме имели две статьи. В «Русском библиофиле», в январском номере за 1912 г., была напечатана статья «Андрей Иванович Тургенев и Андрей Сергеевич Кайсаров. Новые данные о них по документам архива П. Н. Тургенева» (стр. 7—39), а немного спустя, в № 4 за тот же год — монографический очерк «Андрей Сергеевич Кайсаров. 1782—1813» (стр. 5—33).

В начале XX в. архив братьев Тургеневых был поднесен в дар Академии Наук.

С образованием в Академии специальной комиссии, возглавленной академиком В. Истриным, началась работа по публикации материалов тургеневского архива. Все напечатанные выпуски имеют первостепенное значение для интересующей нас темы, частью воспроизводя тексты писем и некоторых сочинений Кайсарова, частью воссоздавая окружавшую его идейную атмосферу. К сожалению, значительная часть материалов, и среди них наиболее интересные для биографа Кайсарова, до настоящего времени все еще остаются в рукописях.

Следствием работы комиссии явился не только выпуск нескольких томов документов, но и появление ряда исследовательских статей, принадлежавших перу В. Истрина и опубликованных в «Журнале министерства народного просвещения» в 1910-х гг.²

Однако, как ни богато интересными для нас документами архивное собрание братьев Тургеневых, оно не может ответить

¹ Полный перечень см. в заметке В. И. Саитова в т. I Сочинений Батюшкова, а также во вступительной статье к первому выпуску Архива братьев Тургеневых, изданному Академией Наук в 1911 г.

² Из архива брат. Тургеневых. Смерть Андрея Ивановича Тургенева (1910, № 3), Дружеское литературное общество 1801 г. (по материалам Архива братьев Тургеневых) (1910, № 8), Из документов архива братьев Тургеневых. Дружеское литературное общество 1801 г. (Дополнение) (1913, № 3), К биографии Жуковского (По материалам архива братьев Тургеневых). Дружеская переписка в августе-сентябре 1800 (1911, № 4), Русские студенты в Геттингене в 1802—1804 гг. (1910, № 7), Русские путешественники по славянским землям в начале XIX в. (по документам архива братьев Тургеневых) (1912, № 9), А. С. Кайсаров, профессор русской словесности, один из младшего тургеневского кружка (1916, июль). Тем же автором была написана обширная вступительная статья ко второму выпуску Архива братьев Тургеневых: «Письма и дневники Александра Ивановича Тургенева Геттингенского периода (1802—1804) и письма его к А. С. Кайсарову и братьям в Геттинген 1805—1811 г», Спб., 1911 — «Младший тургеневский кружок и Александр Иванович Тургенев». В дальнейшем это издание указывается сокращенно: «Архив бр. Тургеневых, вып. 2».

ма все вопросы, интересующие биографа Кайсарова. Дело в том, что часть архива, в частности, некоторые бумаги А. С. Кайсарова, на какой-то стадии откололась от основного фонда рукописей и хранилась не в парижском собрании Н. И. Тургенева, а в других руках. Некоторые из них обнаружили (так, например, письма А. С. Кайсарова к А. И. Тургеневу оказались в руках П. А. Ефремова, от него попали к В. Е. Якушкину и были последним присоединены к основному собранию, хранившемуся в эту пору уже в Академии Наук). Местонахождение других — например, дневников Андрея Кайсарова — до сих пор неизвестно, хотя относительно их мы знаем, что они находились в составе Тургеневского архива. Мы не знаем, в чьих руках оказались эти материалы после смерти А. С. Кайсарова, но в 1818 г. часть их была передана Александру Ивановичу Тургеневу. 12 февраля 1818 г. он сообщил об этом Жуковскому: «Весь журнал (т. е. дневник — Ю. Л.) Андрея Сергеевича наполнен огненною дружбой к брату, и память Кайсарова сделалась для меня с тех пор священнее».

Не содержит Тургеневский архив также материалов, освещающих такие важные этапы деятельности Кайсарова, как пребывание его в Тарту и участие в Отечественной войне 1812 г. Здесь приходится искать других источников. Не изучались кайсаровские материалы в зарубежных архивах. На тему «Кайсаров в Англии» работ нет, но и авторы, исследовавшие немецкие связи Кайсарова, новых архивных материалов (в первую очередь, конечно, геттингенских) в научный оборот не ввели. Последняя по времени интересная работа на тему: «Кайсаров в Германии» появилась несколько лет тому назад в Берлине (Dr. Heinz Mohrmann «Zu Kaisarows Dissertatio inauguralis «De manumittendis per Russiam servis». Eine Studie zu den russisch-deutschen Beziehungen in der Geschichte des ökonomischen Denkens», Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin, 1953/1954, Jahrg. 3, Gesellschafts-und sprachwissenschaftliche Reihe, Heft 4, S. 271—276.) Тартуский архив Кайсарова утерян. Рукописное собрание библиотеки Тартуского университета хранит лишь несколько деловых записок, адресованных Моргенштерну и касающихся приобретения новых книг. Университетский архив (Исторический архив в г. Тарту) включает только официальное личное дело Кайсарова, уже использованное в научной литературе по истории Тартуского университета (работы Е. В. Петухова и Б. В. Правдина) Вопрос о местонахождении личных бумаг Кайсарова до сих пор еще неясен, хотя предпринятые нами архивные разыскания и дают в этой области известный материал. Еще в 1858 г. в «Чтении в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском Университете» (кн. 3, раздел «смесь», стр. 142—147) был напечатан «Примерный устав нового предполагаемого общества переводчиков», сочиненный Андреем Кайсаровым в Тарту Эта в высшей степени интересная публи-

кация не привлекла внимания исследователей. Прошел мимо нее, как ни странно, и претендовавший на специальное рассмотрение темы «Кайсаров в Тарту» А. Любарский — автор поверхностного очерка «Свет русской науки».

Редакция «Чтений», публикуя рукопись А. Кайсарова, не указала ни автора публикации, ни источника получения документов. Тем не менее, сам факт публикации заставил предположить наличие в архиве «Чтений» и других документов Кайсарова. В результате поисков нам удалось обнаружить в архиве ОИДР (Рукописное собрание Библиотеки СССР им. В. И. Ленина) ряд материалов, видимо, восходящих к рассеянному после гибели А. С. Кайсарова Тартускому собранию бумаг писателя.

Что касается до пребывания Кайсарова в армии в 1812—1813 гг, то эта интереснейшая пора до сих пор остается темной. Возможно, дальнейшие архивные поиски обнаружат пока еще неизвестные материалы и прольют свет на деятельность вверенной Кайсарову походной типографии при штабе главнокомандующего, а также на обстоятельства гибели его в партизанском отряде брата, Паисия Кайсарова.

Глава I.

ДРУЖЕСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО

Андрей Сергеевич Кайсаров происходил из довольно старого¹ рода ярославских помещиков среднего достатка. Отец Кайсарова — секунд-майор Сергей Андреевич Кайсаров — имел четырех сыновей: Паисия (1783—1844), Андрея, Петра (1777—1854) и Михаила (1780—1825).

Сделавший успешную карьеру чиновника Петр Кайсаров был чужд другим братьям, зато оказался любимцем матери Андрея Сергеевича — женщины недалекой и властной. Александр Иванович Тургенев в письмах с неизменной враждебностью называл Петра «кривым». В одном из писем он писал: «Петр С(ергеевич) делает разные мерзости Михайле, который после Андрея лучше всех, да и сравним быть не может с извергом и глупцом Петром».² Михаил Кайсаров, примыкавший к карамзинскому направлению, был в свое время сравнительно заметным литератором. «Он превосходно владел французским, немецким и английским языками, знал итальянский и имел обширные сведения в политической экономии».³ Имя его попало в бестужевский «Взгляд на старую и новую словесность в России». Яркую жизнь прожил Паисий Сергеевич Кайсаров — генерал, долгое время состоявший адъютантом Кутузова и ставший одним из его наиболее доверенных лиц.

Андрей Сергеевич Кайсаров родился 16 ноября 1782 г. (по ст. стилю). Сведения о раннем периоде жизни Кайсарова крайне скудны. По словам некролога в «Сыне отечества», он «на тринадцатом году от роду определен был в Московский университет». Однако, учиться ему пришлось недолго — в 1796 г вместе с другими молодыми дворянами он по повелению Павла I был

¹ Российская родословная книга, изданная кн. П. Долгоруковым, относит Кайсарова к «фамилиям, существовавшим в России прежде 1600 г.» (стр. 24). По другому источнику, «родоначальником Кайсаровых оказался выходец из Золотой Орды (. . .) судя по степеням потомков, не позднее XV века» (Петров, П. Н., Для немногих, 1871, стр. 13).

² Архив бр. Тургеневых, вып. 2, стр. 411.

³ Остафьевский архив, т. III, Примечания (второй полутом), стр. 450.

вытребован на действительную службу в армию и зачислен сержантом в семеновский полк. Позже он вспоминал, как «в царствующем граде Питере с тесачишком трюх, трюх и инде рысью¹ для утоления своей печали захаживал в лавку, в которой они (конфеты — Ю. Л.) продаются».² Вскоре ему удалось добиться перевода в Москву. Окружавшая Кайсарова армейская среда отличалась низким уровнем интеллектуальных и нравственных интересов. Юноша веселого и насмешливого нрава, который привык, по собственной характеристике, «жить всегда в артели»,³ Кайсаров не был, однако, удовлетворен товарищами по казарме, интересы которых не простирались дальше попойек. В одной из недатированных записок периода московской военной службы он писал Андрею Тургеневу: «Ну, если б ты знал, какие чудеса чудесили мы вчера: до 3 часов прыгали, резвились и проч. Половина или лучше сказать все кроме Ушакова и меня дерут песни, бранятся по-матерну, дерутся и все, что можно вообразить».⁴ Кайсарова тянуло к литературным интересам и серьезному самообразованию. Особенно подобные настроения усилились после сближения с тургеневским кружком. Однако, стремление выйти в отставку натолкнулось на сопротивление матери, прочившей Андрею Сергеевичу «обычную» карьеру молодого дворянина. В письме к другу он сообщал, что «просил у матушки позволения итти в отставку», добавляя: «Что делать мне в службе? Особливо в военной? Рваться бог знает из чего! Не те уж леты! Можно было так дурачиться в 13 лет, а теперь я слишком умен для того, чтоб (не) чувствовать как это глупо».⁵ Можно добавить, что Кайсарову в эту пору было 19 лет, а материальный достаток семьи был весьма средним, чтобы понять, что решение Кайсарова свидетельствует об известной степени самостоятельности. Подать заявление об отставке ему удалось лишь в декабре 1801 года.

Более детальные сведения об идейной эволюции Кайсарова имеются лишь начиная со времени знакомства его в 1798 г. с Андреем Тургеневым. После отъезда в 1801 г. Андрея Ивановича в Петербург оставшийся в Москве Кайсаров писал ему: «В 98 году мы познакомились, два года любили друг друга, или были только привязаны, 801 год любили друг друга .»⁶ Дружба между молодыми людьми крепла. Сохранившиеся в Тургеневском архиве материалы доказывают, что, находясь в Москве, друзья виделись ежедневно, обмениваясь сверх того несколькими записками за день. Во время отлучек из Москвы завязывалась

¹ Цитата из стихотворения И. И. Дмитриева «Карикатура».

² Тургеневский архив, Рукописное собрание Института Русской литературы АН СССР, ф. 309, № 50, л. 150, в дальнейшем — «Тургеневский архив».

³ Там же, л. 58.

⁴ Там же, л. 108.

⁵ Там же, № 50, л. 45-об.

⁶ Там же, № 50, л. 194.

регулярная переписка. Дружеские споры носили бурный характер. В 1799 г., приглашая друга зайти, Андрей Кайсаров писал: «Эх, брат! А куда бы хорошо посидеть вечерок с тобой! Раза бы два-три друг на друга покричали!». ¹

Кружок друзей Андрея Тургенева и возникшее на его основе в 1801 г. «Дружеское литературное общество» неоднократно подвергались рассмотрению в специальной литературе. Однако ошибочность общих методологических позиций интересовавшихся этим вопросом авторов приводила к ложным выводам. Сам фактический материал, рассматриваемый сквозь призму предвзятых мнений, преподносился односторонне и истолковывался в вопиющем противоречии с подлинным смыслом документов. Наиболее поучительно, в этом отношении, рассмотрение работ В. М. Истрина, как представляющих, с одной стороны, наибольшую ценность по обилию вводимого им в научный оборот фактического материала, так и, с другой, характерных по наиболее четко проявившейся в них ошибочной методологии, свойственной и другим авторам (В. И. Резанов. А. Н. Веселовский).

Особенность всех упомянутых работ состоит в том, что жизнь «Дружеского литературного общества» выключается из общей цепи литературно-общественных событий конца XVIII — начала XIX вв. и рассматривается лишь в узком аспекте происхождения творческих принципов Жуковского. Методологической основой названных работ является представление о некоем общем для данного времени психологическом «субстрате», определяющем и литературные интересы, и бытовой облик всей эпохи в целом. В рамках подобного единого «психологического субстрата» не остается места для отражения борьбы классовых интересов, т. е. за основу берутся не реальные противоречия борющихся общественных сил, а некий культурно-психологический тип, якобы, характерный для данной эпохи вообще. ² Подобный подход

¹ Тургеневский архив, № 50, л. 13.

² Пытаясь теоретически сформулировать свою позицию. Истрин еще дальше ушел от историзма, подчеркнув первенствующее значение «вечной» психологической основы человеческого сознания: «. . . Последние научные данные приводят к тому выводу, что в истории литературы изменяется лишь форма, а содержание остается всегда одно и то же, от первоначального лепета дикаря до высокого поэтического произведения. Однако, каждая эпоха предлагает всякий раз и свое содержание, как же быть? Не будет ли новое содержание, вызванное той или другой определенной исторической эпохой, известным наростом? Не будет ли дело обстоять так, что стоит лишь снять этот нарост, как обнаружится такой элемент, который может быть прослежен от древнейших времен до настоящих дней?»

Признав, после известных колебаний, теорию Овсяннико-Куликовского о «душевной организации», которая определяется как «психологический уклад» «взятого нами поколения», автор не может скрыть бесперспективности подобной методологии при объяснении идейной борьбы внутри одного поколения. «Но как нам быть, когда мы имеем дело с двумя или несколькими поколениями одного времени, которые не понимают друг друга и резко между собою расходятся (. . .) История культуры пока не в силах объяснить такое явление! .» (В. М. Истрин, Опыт методологического введения в историю русской литературы XIX века, выпуск I, СПб., 1907, стр. 22—24).

обусловил, в частности, перенесение центра внимания исследователей с историко-литературных произведений на памятники, восстанавливающие «психологический уклад» — любовную и дружески-интимную переписку, детали бытового окружения. Анализ литературной жизни, борьбы политических и философских идей рассматривался при этом не как основная задача исследователя, а лишь как источник дополнительного материала для психологической характеристики. Степень интереса к тому или иному деятелю определялась не историко-литературным или общественно-политическим значением его творчества, а лишь возможностью представить его в качестве выразителя «душевной организации» эпохи. В этом отношении любопытно, то обстоятельство, что центр исследовательских интересов В. М. Истрина переместился на личность Александра Ивановича Тургенева как типичного представителя «литературного быта».

Характер «психологического уклада», выразившегося в «младшем тургеневском кружке», В. М. Истрин определяет как господство сентиментализма, культа чувствительной дружбы и нежных чувствований. Так, история увлечения Андрея Тургенева К. М. Соковниной используется в качестве материала для «характеристики любви сентименталистов начала XIX века». ¹ Подобный подход заставлял заранее определить литературные вкусы участников «младшего тургеневского кружка» как карамзинистские. Для доказательства этого положения автору приходится не только прибегать к тенденциозному отбору фактов, но и интерпретировать приводимые им материалы, вопреки очевидности, совершенно неожиданным образом. Так, приводя в высшей степени любопытную запись в дневнике Андрея Тургенева от 20-го декабря 1800 года, содержащую (от имени Мерзлякова и автора дневника) резкую критику творческого метода Карамзина, Истрин предпринимает попытку доказать, что «Андрей Тургенев стоял на другой точке зрения», а «со стороны Мерзлякова такое отношение к деятельности Карамзина делается понятным, если обратим внимание на его последующую деятельность, как профессора красноречия, комментатора *Россиады*». ² При этом игнорируется тот бесспорно известный В. М. Истрину факт, что названная дневниковая запись почти дословно совпадает с программной речью Андрея Тургенева в «Дружеском литературном обществе». Не менее показателен другой пример: В. М. Истрину необходимо было разрешить противоречие между тезисом о «карамзинских» идеалах «Дружеского литературного общества» и появлением столь резкого антикарамзинского произведения А. Кайсарова, как «Описание свадьбы Карамзина». Для этого он оспорил правильное утверждение Галахова, что «Описание»

¹ Архив бр. Тургеневых, вып. 2, СПб., 1911, предисловие В. М. Истрина, стр. 104.

² Там же, стр. 75. Мерзляков не «комментировал», а осуждал «*Россиаду*».

было составлено «литературными противниками» Карамзина, доказывая, что «на самом же деле оно вышло из круга почитателей». ¹

Далее В. М. Истрин попытался опровергнуть авторств Андрея Кайсарова и приписать «Описание свадьбы» брату его Михаилу, игравшему в обществе значительно менее видную роль. Только после опубликования А. Фоминым в журнале «Русский библиофил» фотографического воспроизведения автографа Истрин в статье «А. Кайсаров, профессор русской словесности» признал авторство Андрея Кайсарова, но зато постарался усилить мысль о незначительности его роли в «Обществе». Совершенно нераскрытыми в работах Истрина оказались политические интересы членов кружка. Приведя большое количество фактического материала, красноречиво свидетельствующего о ярких тираноборческих настроениях Андрея Тургенева, Истрин вдруг неожиданно сбрасывает им же собранные сведения со счета и, основываясь на предвзятом мнении о решающем значении традиции «безусловной покорности власти» ² в идейном формировании старшего из братьев Тургеневых, отказывается рассматривать по существу эту сторону воззрений Андрея Тургенева, видя в них лишь увлечение литературной формой. В связи с этим совершенно закономерно нераскрытым оказалось и значение выступлений Воейкова.

Стремясь во что бы то ни стало увидеть в «Дружеском литературном обществе» проявление «сентименталистского культа дружбы», Истрин не мог, однако, не заметить борьбы мнений в этой литературной организации. Не обнаружив в «Дружеском обществе» дружества и полагая, что разногласия имели чисто личный характер, он встал на путь преуменьшения значения исследуемой им литературной организации, переноса центра внимания на предшествующую историю тургеневского кружка — «Собрание воспитанников Университетского Благородного пансиона» и дружескую переписку 1798—1800 гг., где черты «бытового сентиментализма» обнаружить легче. «Общество как таковое, — формулирует Истрин итоговый вывод исследования, — значения не имело, и о нем тот час же все забыли» — и далее: «Общество не может рассматриваться как нечто отдельное, цельное, но непременно — в связи со всей предшествовавшей жизнью кружка, как маленькая часть его». ³ Любопытно отметить, что и в изучении предистории «Дружеского литературного общества» Истрин подробнее рассматривает форму дружеских связей тургеневского кружка: ведение дневников, оживленную переписку и т. д. — чем идейное содержание анализируемых им документов.

¹ Архив бр. Тургеневых, вып 2, СПб., 1911, предисловие В. М. Истрина, стр. 76.

² Там же, стр. 82.

³ В. Истрин, Дружеское литературное общество 1801 г., ЖМНП, 1910, № 8, стр. 306.

В исследованиях советской эпохи «Дружеское литературное общество» не делалось предметом специального изучения. В очерке А. А. Сабурова «Александр Тургенев»¹ «Дружескому литературному обществу» отводится полстраницы, причем оценка, основанная на разобранных нами работах, должна быть признана ошибочной. В. Н. Орлов в книге «Русские просветители 1790—1800-х годов» характеризует общество как «промежуточную группу» между «шишковистами и карамзинистами»,² но сколь-либо подробного анализа этой литературной организации не дает. Краткие характеристики находим в отдельных работах, касающихся литературы первых лет XIX в.³ Другие авторы, вообще, проходят мимо рассматриваемой нами темы. Между тем, обращение к материалу истории «Общества» позволяет раскрыть в высшей степени любопытную картину идейно-литературной борьбы в его рядах и установить незаурядную роль его в формировании литературной программы дворянских революционеров первой четверти XIX в. Пересмотр традиционной точки зрения требует, прежде всего, расширения круга фактических материалов.

В. М. Истрин рассматривал «Дружеское литературное общество», как промежуточную ступень от «Дружеского ученого общества» и кружка московских масонов к карамзинистам «Арзамаса». Поскольку сам исследователь должен был признать, что документы не дают никаких оснований говорить о влиянии масонских идей на членов «Дружеского литературного общества», ему пришлось акцентировать генетические связи — рассматривать «Общество» как литературное выражение официальной тенденции Московского благородного пансиона. Вдохновителем подобных литературных организаций объявлялся директор пансиона, выученик масонов Прокопович-Антонский.

Рассмотрение материала убеждает в том, что значение авторитета Антонского и влияние его педагогической системы на кружок Андрея Тургенева значительно преувеличено. К 1800—1802 гг. — времени, когда воззрения ведущей группы друзей начали приобретать самостоятельность и определенность, от былого обаяния масонской педагогики Антонского не осталось и следа. В 1800 г. Андрей Тургенев сообщил в письме к А. С. Кайсарову о поступке Антонского, по-крепостнически расправившегося с провинившимся слугой. «Знаешь ли что? Антонский продает Сергея (.) Я не ожидал етова».⁴ Особенно резкими становятся от-

¹ В книге «Письма Александра Тургенева Булгаковым», М., Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина, 1939.

² В. Н. Орлов, Русские просветители 1790—1800-х годов, Гослитиздат, 1950, стр. 329.

³ См. вступительные статьи Ц. Вольпе к т. I стихотворений Жуковского в «Большой серии библиотеки поэта», Л., 1939, стр. VII, и А. Кучерова в сборнике стихотворений Карамзина и Дмитриева, Л., 1953.

⁴ Тургеневский архив, № 840 (Письма Андрея Тургенева Андрею Кайсарову).

звымы об Антонском в связи с двусмысленной близостью его к Анне Федоровне Соковниной — матери «сестер-прелестниц», привлекавших в эти годы симпатии Андрея и Александра Тургеневых. На Антонского падали и подозрения в корыстных видах на состояние Соковниной. «Честный примиритель семейств, — писал А. Кайсаров в Петербург Андрею Тургеневу весной 1802 г., — утешитель страждущих, благообразный фарисей! И этот человек был моей моделью». ¹ В письме без даты (тоже 1802 г.) Тургенев отвечал ему: «Неужели я еще слишком хорошо думал о фарисее () А, горемычная чувствительность! Как я рад, что могу, естли судьбе будет угодно, облегчить, может быть, осчастливить некогда судьбу бедных жертв холодности и проклятой сентиментальности». ² Как мы увидим дальше, Кайсарову и его друзьям приходилось даже бороться с Прокоповичем-Антонским за право постановки на пансионской сцене пьес боевого антикрепостнического содержания. Отношение к директору Благородного пансиона выходило за рамки личных антипатий — в данном случае немалую роль играло отношение А. С. Кайсарова и Андрея Тургенева к масонской традиции. Сохраняя бесспорное личное уважение к И. П. Тургеневу, И. В. Лопухину и другим членам масонского кружка 80-х гг. XVIII в., они, вместе с тем, решительно отмежевывались от идеологического содержания масонского учения. Андрей Иванович вполне мог бы присоединиться к словам Александра Тургенева, писавшего в 1810 г. Николаю: «Я не принадлежу и не буду принадлежать ни к одной (ложе — Ю. Л.)». ³

В свете изложенного становится возможным объяснить тот показавшийся странным В. М. Истрину факт, что «оба они (Андрей Тургенев и Мерзляков — Ю. Л.) почему-то не принимали участия в университетском кружке». ⁴ Само основание «Дружеского литературного общества» Ан. Тургеневым и Мерзляковым приобретает в этом случае характер не продолжения пансионско-масонской традиции организации студенческих обществ, а противопоставления ей. «Дружеское литературное общество», видимо, возникло как попытка эмансипации от казенного мистицизма пансионских студенческих кружков. «Общество» просуществовало недолго: речь, произнесенная на первом собрании, помечена 12-м января 1801 г., на последней стоит дата 1-ое июня. Тетрадь из Тургеневского архива, озаглавленная «Речи, говоренные в собрании Общества» (№ 618), сохранилась полностью в том объеме, в каком она была в 1801 г., и, следовательно,

¹ Тургеневский архив, № 50. (Письма А. Кайсарова Андрею Тургеневу), л. 136.

² Тургеневский архив, № 840 В цитате: «бедная жертва», «осчастливить» которую собирается Андрей Тургенев, — Екатерина Михайловна Соковнина, «холодность» — Анна Федоровна, «сентиментальность» — Прокопович-Антонский.

³ Архив бр. Тургеневых, вып. 2, СПб., 1911, стр. 430.

⁴ Там же, стр. 38.

воспроизводит все тексты произнесенных в «Обществе» речей. Последнее устанавливается сравнением с письмом А. Кайсарова Андрею Тургеневу от 8 мая 1802 г. Здесь читаем: «Прислать ли тебе речи нашего собрания, которых всех 23!».¹ Речь, бесспорно, идет об указанной тетради, также содержащей 23 речи. Сказанное убеждает в том, что дата последней речи соответствует времени последнего заседания «Общества».

Кратковременность существования «Общества» отнюдь не снижает, вопреки предположениям В. М. Истрина, его значительности в общем ходе литературного процесса. «Общество» любопытно тем, что в нем в момент своего зарождения столкнулись три ведущие тенденции литературы допушкинского периода: направление мечтательного романтизма, связанное с именем Жуковского; представленное Мерзляковым направление, чуждое дворянской культуре и развивавшее традиции демократической литературы XVIII в. и, наконец, направление Андрея Тургенева и Андрея Кайсарова (литературная и общественная позиция последнего находилась в эту пору в стадии формирования), в деятельности которых отчетливо проступают черты, подготавливающие литературную программу декабризма.

Источниками наших сведений о внутренней жизни «Общества» являются, прежде всего, тексты «Речей», затем устав, опубликованный Н. С. Тихонравовым, речь Андрея Тургенева на торжественном заседании 7 апреля 1801 г., считавшаяся утраченной² и обнаруженная нами в бумагах Андрея Тургенева в архиве Жуковского (рукописное собрание ГПБ им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде)³, а также упоминания в переписке Андрея Тургенева, А. С. Кайсарова, Жуковского и других участников дружеского кружка, частично привлекавшиеся исследователями вопроса, частично используемые нами впервые. Наконец, существенным источником является литературная продукция членов «Общества». Утрата протоколов заседаний не позволяет восстановить во всей полноте картину внутренней жизни «Общества», которая, судя по требованиям устава, не ограничивалась чтением речей, включая также дискуссии на философские, политические и литературные темы, обсуждение литературных вопросов, сочинений и переводов самих членов «Общества». Однако, даже та, далеко не полная картина, которую мы можем восстановить по перечисленным источникам, представляется в высшей степени любопытной.

Заседания «Общества» происходили еженедельно по субботам,

¹ Тургеневский архив, № 50, л. 75-об.

² См. об этом в ст. В. М. Истрина «Дружеское литературное общество 1801 г.», ЖМНП, 1910, № 8, стр. 279.

³ См. Ю. М. Лотман. Стихотворение Андрея Тургенева «К отечеству» и его речь в «Дружеском литературном обществе», Литературное наследство, т. 60, ч. I, стр. 334—336.

участники собирались в 6 часов¹ в доме Воейкова на Девичьем поле в Москве. Воспоминание о «ветхом поддевичьем доме» будет связываться в дальнейшем всеми членами «Общества» с памятью дружеских собраний.

Литературные воззрения Андрея Кайсарова формировались в обстановке напряженных споров, составлявших характерную черту жизни «Дружеского литературного общества». К сожалению, материалы, которыми располагает исследователь, далеко не полностью воспроизводят картину литературных (как и политико-философских) дискуссий, раздиравших это литературное объединение. Согласно XIX-му пункту «Законов» «Общества», порядок заседаний должен быть следующим:

1-е. Как скоро соберутся члены в назначенный час, то секретарь должен спросить у всякого из них, какую пиесу будет читать и расположить их чтение по нижеписанному порядку:

2-е. Секретарь прочтет протокол и члены подпишут его.

3-е. Чередной оратор прочтет речь.

4-е. Философские и политические сочинения.

5-е. Философские и политические переводы.

6-е. Беллетрические (так! — Ю. Л.) сочинения.

7-е. Беллетрические переводы.

8-е. Критика и опровержение философических пиес.

9-е. Критика и опровержение беллетрических пиес.

10-е. Предложения.

11-е. Чтение лучших иностранных и национальных авторов.

12-е. Президент назначает место, куда собираться для будущего заседания».²

Кроме того, «Законы» определяли порядок «критик и опровержений», которые должны были представляться членами «Общества» «непрерывно и без всяких отговорок».³

У нас нет никаких оснований полагать, что практика «Общества» сколь-либо существенно отличалась от намеченного в «Законах» порядка. Напротив, материалы речей «чередных» ораторов и дружеской переписки позволяют судить о весьма интенсивной жизни литературного объединения.

Первые же заседания «Общества» обнаружили принципиальное расхождение членов его в понимании задач и характера деятельности создаваемого литературного объединения. Расхождение мнений между отдельными членами «Общества» очень скоро переросло в раскол на два противоположных лагеря: «С сердечным сожалением вижу я, — отмечал Андрей Тургенев на собрании 16 февраля 1801 г., — что мы разделены на две части и та (и)

¹ Тургеневский архив № 618, Речи, говоренные в собрании Общества, (в дальнейшем — Собрание речей .), л. 18-об.

² Законы Дружеского литературного общества. Сб. Общества любителей Российской словесности на 1891 г., М., 1891, стр. 4.

³ Там же, стр. 3.

другая порознь в короткой связи между собою, между тем как некоторые из нас недовольно еще между собою сближены». ¹

Каковы же были эти группы, и в чем заключалось расхождение между ними? Отвечая на этот вопрос, следует, однако, не забывать, что по целому ряду причин борьба в кружке Андрея Тургенева, — а она отражала степень развития противоречий в литературе 1800-х гг., — не достигла еще той поляризации, при которой теоретические столкновения приводят к разрыву личных дружеских связей.

Кроме того, на внутреннюю жизнь общества накладывала отпечаток крайняя молодость младшей группы участников, что, естественно, делало их взгляды недостаточно устойчивыми.

Первая из групп, о которых упоминает Андрей Тургенев, состояла из инициаторов возникновения общества. В нее входили он сам, Андрей Кайсаров и Мерзляков, позиция которого, как мы будем отмечать в дальнейшем, имела, впрочем, известные отличия. Близкую к ним и весьма любопытную позицию занимал в этот период А. Ф. Воейков. Не останавливаясь пока на этом вопросе детальнее, отметим, что общим для членов первой группы было стремление рассматривать литературу как средство пропаганды гражданственных, патриотических идей, а сама цель объединения мыслилась ими не только как литературная, но и как общественно-воспитательная. ² «Разве нравственность и патриотизм не составляют также предмета наших упражнений?» — обращался Мерзляков к товарищам по «Обществу». ³

Вторую группу составляли Жуковский, Михаил Кайсаров, позиция которого испытывала, однако, колебания, Александр Тургенев и, несколько позднее, — Родзянко. Здесь господствовали связанные с карамзинской школой проповедь интимно-лирической тематики в поэзии, интерес к субъективно-идеалистической философии, проповедь резиньяции, а в речах Родзянко — прямой пиетизм. Вполне естественно, что при такой противоположности воззрений не замедлила завязаться полемика.

По глухим намекам можно предполагать, что разногласия возникли уже в связи с первым актом деятельности «Общества» — избранием председателя. Об этом свидетельствуют разъяснения в речи Мерзлякова прав «первого члена», явно имеющие характер защиты от чьих-то нападок, и черновые наброски выступления Андрея Тургенева, хранящиеся в архиве Жуковского в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Ан. Тургенев отводил высказанные кем-то (видимо, Воейковым) обвинения в «тирании»

¹ Собрание речей . . . л. 43.

² Вопреки мнению В. М. Истрина, полагавшего, что интересы членов «Общества» не выходили за пределы беллетристики и собрания «носили характер исключительно литературный». В. Истрин, А. С. Кайсаров, профессор русской словесности, один из младшего тургеневского кружка, ЖМНП, 1916, июль, стр. III.

³ Собрание речей . . . л. 20-об.

со стороны «первого члена». Однако, основные столкновения связаны были с более принципиальными вопросами.

На первых двух заседаниях выступил с речами Мерзляков. Главное содержание обеих — проповедь гражданского служения отечеству. Цель оратора — «возжечь» в слушателях «энтузиазм патриотизма». «Каждый из нас, — говорил Мерзляков, — человек, гражданин, каждый из нас сын отечества». ¹ Оратор доказывал необходимость не ограничиваться рамками чисто литературных споров и придать деятельности Собрания общественный характер.

«Мал тот, — продолжал он, — кто хочет быть только астрономом; несчастливые братья его на земле, а не на планете сатурновой; мал тот, кто хочет быть только героем; кровь не украсит лаврового венца его, когда станет он пред престолом правды, звук побед не заглушит проклятий разоренного, сердце его не согреется от бриллиантовой звезды, которая украшает его грудь; мал тот, кто хочет быть только оратором, стихотворцем, сочинения его холодны, если не воспламеняет их любовь сердечная, советы его не отрут слез угнетенной невинности, прекрасные мысли его не утолят голода нищему». ²

Само «Дружеское литературное общество» рассматривалось Мерзляковым как средство не только литературного, но и политико-патриотического воспитания участников дружеского объединения, подготовки их к грядущей общественной деятельности. «Где и как воспитывались Эпаминонды, Тимолеоны, Периклы? — спрашивал он. — Где почерпнули они эту всепобеждающую силу любви к отечеству, которая не погасла среди бурей (так — Ю. Л.), несчастья, в ссылках, на эшафотах, которая, кажется, и после смерти их не умирала? В дружеских беседах Сократа и Платона! В тех беседах, которых предметом было познание человека и его нравственности». ³

Приведенная цитата проясняет смысл высказывания Мерзлякова, считавшего, что «каждое заседание открывает чередной оратор нравственную речь». ⁴ В данном случае имелась в виду не отвлеченная морализация в масонском духе, а проповедь гражданских добродетелей. Мерзляков надеялся, что «эта и твердость и смелость в изъ(яв)лении своих чувств и мыслей родит в нас со временем оное великодушие, оную благоразумную гордость, которая возвращает престолом изгнанную правду и презирает угрозы тиранов, которая не боится смерти (. .) Так, друзья! Мы будем честными гражданами. Так точно в матернем недре мужественные Спарты рождались герои». ⁵ Важнейшим средством гражданского воспитания Мерзляков считал «поревнование»,

¹ Собрание речей . . . л. 12.

² Там же, л. 15—15-об.

³ Там же, л. 8—8-об.

⁴ Там же, л. 18-об.

⁵ Там же, л. 7.

пользуясь термином Андрея Кайсарова,¹ патристическим подвигам исторических деятелей прошлого. Герои древности «учились при подножии блистательных обелисков своих героев, подле бессмертных памятников Кодров, Мильтиадов и Аристидов! Мрамор и бронза, одушевленные гением любви к отечеству, внушали им презрение к смерти .». ² Подобная тенденция, видимо, характерна была для выступлений Мерзлякова на заседаниях «Общества». По крайней мере, Андрей Тургенев позже, в своем заграничном дневнике, мечтая о повторении заседаний в «поддевичьем», вкладывает в уста Мерзлякова речи именно такого рода: «Мерзляков рассуждал бы или говорил о истории, о русских героях, я бы перебивал его иногда каким-нибудь бонмо, если не острым, то по крайней мере смешным (.) Воейков был бы с ними же, и брат, и Кайсаров». ³

Две первые речи Мерзлякова определили дальнейший ход заседаний. Выступлением Мерзлякова инициаторы «Общества» недвусмысленно заявили о том, что рассмотрение литературных вопросов интересует их лишь как часть самовоспитания в духе гражданственности и патриотизма. В последовавшем за тем выступлении Воейкова вопросы литературы оказались вообще вне поля зрения оратора. На первый план выступила политика.

Воейков произнес речь, посвященную деятельности Петра III. Значение и смысл этого выступления в литературе в должной мере не оценены. В. М. Истрин характеризует ее, как «сплошной панегирик», ⁴ причем на эту оценку, бесспорно, оказало влияние отношение к личности Воейкова в значительно более позднее время. Рассмотрение самого текста речи позволяет оценить ее иначе.

Прежде всего, следует остановиться на уточнении времени произнесения речи. В сборнике речей она помещена под № 3 без указания даты. Поскольку № 2 — речь Мерзлякова — помечена «19 января 1801 г.», а № 4 — речь Михаила Кайсарова — «26 января», то, если вспомнить, что заседания происходили раз в неделю, приходится сделать вывод, что речь Воейкова была, видимо, произнесена на том же заседании 19 января, на котором выступал и Мерзляков. Этим, по всей вероятности, и объясняется отсутствие на ней даты. Итак, речь Воейкова была произнесена в последние месяцы царствования Павла I. Тема речи не могла возбудить подозрения властей: реабилитация памяти Петра III соответствовала официальным тенденциям. Однако, из этого не следует делать вывода, что речь Воейкова имела официозный характер. Дело в том, что характер правительственной деятельности Петра III подвергался в последней трети XVIII в. довольно часто весьма своеобразной интерпретации.

¹ Собрание речей . . , л. 64-об.

² Там же, л. 8-об.

³ Тургеневский архив, № 1240, (Дневник Андрея Тургенева), л. 23.

⁴ Архив бр. Тургеневых, вып. 2, СПб., 1911, стр. 51.

К. В. Сивков на основании детального изучения материалов Тайной Экспедиции приходит к выводу, что «неправильное толкование манифеста 18 февраля 1762 г. о дворянской вольности и свободе, как такого акта, за которым должно было последовать и освобождение крестьян от работы на помещика, указ о разрешении старообрядцам, бежавшим в Польшу и другие заграничные земли, возвратиться в Россию (), уничтожение Тайной Канцелярии (.) — все это создало ему (Петру III — Ю. Л.) своеобразную популярность и порождало надежды, что с возвращением его на престол осуществляются народные чаяния о воле, земле, освобождении от рекрутчины, тяжелых налогов и т. д. Отсюда многочисленные попытки использовать имя Петра III в классовой борьбе того времени». ¹ Не только крестьянская масса, но и некоторые представители передовой общественной мысли были склонны именно в таком направлении истолковывать образ деятельности мужа Екатерины II. Как указывает тот же автор в диссертации «Очерки по истории политических процессов в России последней трети XVIII в.», в бумагах Кречетова им была обнаружена интересная записка: «Объяснить великость дел Петра Третьего».

Однако, для определения меры справедливости оценки В. М. Истриным речи Воейкова основным документом является сам ее текст. За что же прославляет Воейков Петра III? Прежде всего, за уничтожение Тайной Канцелярии. В условиях террористического режима Павла I он под видом прославления отца царствующего императора произносит смелый памфлет против ненавистного всем учреждения. Тайную Канцелярию он называет «тиранским трибуналом, в тысячу раз всякой инквизиции ужаснейшим», «в ужас сердца наши приводящим судилищем, обогрившим Россию реками крови». Призывая слушателей «бросить патриотический взор на Россию» до Петра III, оратор рисует красноречивую картину, бесспорно, вызывавшую в эпоху Павла I ассоциации с современностью: «Мы увидим ее (Россию — Ю. Л.) обремененную цепями, рабствующую, не смеющую произнести ни одного слова, ни одного вопля против своих мучителей; она принуждена соплетать им лживые хвалы тогда, когда всеобщее проклятие возгреть готово (.) Коварство и деспотизм, вооруженные сим варварским словом («слово и дело» — Ю. Л.) острили косу смерти, чтобы еще посекаль цвет сынов России, еще продолжить царствование свое на престоле, из героев и костей невинных россиян воздвигнута». ²

Далее автор обращается к другой заслуге Петра III — дарованию вольности дворянской. Вопрос этот тоже звучал актуально: постоянное нарушение Павлом I, стремившимся в страхе перед революцией подавить даже либерализм, вольности дворян-

¹ К. В. Сивков. Самозванчество в России последней трети XVIII в., Исторические записки, т. VI, Изд. АН СССР, 1950, стр. 90.

² Собрание речей . . л. 27.

ской (например, известное дело прапорщика Рожнова) чрезвычайно раздражало общество. Нарушения эти становились как бы символом общего политического угнетения и усиливали столь типичную для павловского царствования атмосферу бесправия и неуверенности. Насколько болезненными были эти вопросы, свидетельствует то, что одним из первых актов правительства Александра I было подтверждение жалованной грамоты дворянству и уничтожение Тайной Экспедиции.¹

Воейков не прошел и мимо важнейшего вопроса эпохи — крепостного права. Поводом для этого была тенденциозно истолкованная секуляризация церковных земель. Этот акт оратор объяснял как шаг к полному освобождению крестьян: «Мудрое, целовеколюбивое, великое дело, поставляющее в храме добродетели имя Петра III подле имен величайших законодатцев, есть отобрание деревень монастырских; четвертая часть сынов России — миллионы полезных рук кормили праздных, паразитических членов Государства — монахов, и сии тунеядцы из любви ко (многоточие в рукописи — Ю. Л.) отягчали добрых, бесхитростных поселян тяжелыми цепями. Петр III, оживленный великими предприятиями, снял с них оковы, рек им: вы свободны».²

Свою речь Воейков заканчивал призывом встретить, в случае надобности, за отечество смерть на эшафоте — обращение, совершенно необъяснимое в речи, представляющей «сплошной панегирик». Обращаясь к Петру III, Воейков говорил: «Воззри на собравшихся здесь юных Россиян, оживленных пламенной любовью к Отечеству! И если нужна кровавая жертва для его счастья, вот сердца наши! Они не боятся кинжалов! Они гордятся такою смертью. Сам эшафот есть престол славы, когда должно умереть на нем за Отечество!».³

Подобные выступления имели настолько неприкрито-политический характер, что даже Андрей Тургенев, сам настроенный ярко тираноборчески, был вынужден напомнить об осторожности. На собрании 16 февраля 1801 г он, возможно, имея также в виду и неизвестные нам прения вокруг выступления Воейкова (вряд ли можно предположить, чтобы оно не вызвало откликов), предостерегал: «о(т)чего говорим мы так часто о вольности, о рабстве, как будто собрались здесь для того, чтобы разбирать права человека?».⁴

Однако, как выясняется из дальнейшего текста его речи, Андрей Тургенев сам призывал товарищей по «Обществу» готовить себя к тому времени, «когда отечество наше, когда страждущая, притесненная бедность будет требовать нашей помощи».⁵

Проповедь политической активности резко звучит и в даль-

¹ 2(14) апреля 1801 г. См. П. С. З., т. XXVI, стр. 603—604.

² Собрание речей. л. 28 об.

³ Там же, л. 29-об. — 30.

⁴ Там же, л. 41.

⁵ Там же, л. 41—41-об.

нейших выступлениях Воейкова. 8 марта 1801 г., за несколько дней до убийства Павла I, он произнес речь «О героизме», в которой идеалу «мирного философа» противопоставлялся героический образ гражданина-тираноборца, жертвующего жизнью ради освобождения отечества. Главная гражданская добродетель — героизм, презрение к смерти. «Чем заслужили бессмертную славу Тюрени, Евгении, Суворовы? Пренебрежением смерти. Чем увенчали добродетельные дела и бессмертные имена свои Сократы, Деции, Регулы? Пренебрежением смерти. Здесь, может быть, возразят мне, что Сократы, Леониды и Регулы не смертью, а примерно добродетельною жизнью заслужили благословение потомства. На сие я отвечаю, что честность не есть главное отличительное свойство великих, знаменитых людей, что они, будучи только честными, были (бы) забыты так, как миллионы честных философов, честных ремесленников (. . .) Золото дорого потому, что оно редко. Пренебрегающие смерть герои знамениты потому, что они редки.»¹

Видимо, не случаен интерес Воейкова и в дальнейшем к тираноборческим темам в литературе. А. Кайсаров в письме Андрею Тургеневу от 8 мая 1802 г. сообщал, что «Воейков перевел первое явление из «La mort de Cézar».² Любопытно сравнить это указание с использованием «Смерти Цезаря» в кружке Каховского для пропаганды идеи убийства Павла I. На одном из собраний кружков «стали читать вслух «Смерть Цезаря» Вольтера и «злобу свою изъяснили чтением вышеозначенной трагедии». Во время чтения Каховский заметил: «Если б этак нашего».³ Последняя фраза вполне гармонирует с общим духом речей Воейкова в «Обществе».

В недатированном письме к Андрею Тургеневу (написанном уже после отъезда его в Петербург) А. Кайсаров рядом с характерным призывом из Шиллера разорвать оковы «Gelt es Gut und Blut» писал: «Что это братец! Неужели твердость наша будет только в одних девицах! Победим или умрем!» — говорит Воейков».⁴

Если в условиях угнетающей атмосферы павловского царствования Воейков еще несколько затемнял политический смысл своих выступлений, то в речи 11 мая 1801 г., произнесенной, видимо, не случайно, в день двухмесячной годовщины дворцового переворота, позиция оратора предельно ясна. Название речи (О предприимчивости) раскрывается в тексте, по духу весьма близком к «Оде достойным» Востокова. «Предприимчивость, — разъяснял Воейков содержание, вкладываемое им в заглавие речи, — свергает с престола тиранов, освобождает народы от

¹ Собрание речей . . . , л. 57-об. — 58.

² Там же, № 50, л. 75.

³ Т. Г. Снытко, Новые материалы по истории общественного движения конца XVIII века, Вопросы истории, 1952, № 9, стр. 117.

⁴ Тургеневский архив, № 50, л. 147

рабства, обнажает хитрости обманщиков, открывает ослепленным народам в жрецах их коварных тунеядцев, в богах — истуканов .»¹ Далее в рукописи следует многоточие, возможно, скрывающее пропуск еще более резко звучащего текста.

Для характеристики политических настроений Воейкова этого периода не лишено интереса напечатанное им в 1806 г. послание к Сперанскому. Стихотворение примечательно резко выраженным сочувствием государственному деятелю-разночинцу.

С (перанский), друг людей, полезный гражданин,
Великий человек, хотя не дворянин!
Ты славно победил людей несправедливость,
Собою посрамил и барство, и кичливость,
Ты свой возвысил род, твой герб, твои чины
И слава — собственно тобой сотворены

Напротив, не могу я вытерпеть никак,
Чтобы воспитанный французами дурак
Чужим достоинством бесстыдно украшался
И предков титлами пред светом величался». ²

Не следует, конечно, в данном случае преувеличивать радикализм позиции автора, считающего, что «нельзя дворянство вздором счесть» и занимающего в этом стихотворении значительно более умеренную позицию, чем в произведениях, не предназначенных для печати.

Все перечисленные факты проливают новый свет на этот период деятельности Воейкова, рассматривавшейся исследователями обычно под впечатлением неприглядной позиции его в значительно более позднее время. Оценки членов «Дружеского литературного общества» были иными. В недатированном письме А. Кайсарову из Петербурга (вероятно, 1802 г.) Андрей Тургенев писал: «Обрадууй, брат, будет ли Воейков с вами? Это неоцененный человек (.) Хотя мы и зовем друг друга ослами, однако ж я немногих люблю так как его». ³ В другом месте он писал о Воейкове: «Я его обожаю! Славный характер!». ⁴ Все это позволяет не согласиться с В. М. Истриным, считавшим, что, привлекая членов общества «гостеприимством и живостью», Воейков играл роль лишь как хозяин «поддевиченских» собраний. ⁵

¹ Тургеневский архив, № 618, л. 110. Для выяснения семантики слова «предприимчивость» показательное употребление его в декабристских кругах. По свидетельству Г. Батенькова, в связи с убийством любовницы Аракчеева между ним и А. Бестужевым произошел разговор о тиранубийстве. «После обеда стали говорить о том, что у нас совершенно исчезли великие характеры и люди предприимчивые (курсив мой — Ю. Л.)». Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толля, М., 1936, стр. 215.

² Вестник Европы, 1806, 19, стр. 195. (в дальнейшем — В. Е.).

³ Тургеневский архив, № 840.

⁴ Архив бр. Тургеневых, вып. 2, Предисловие, стр. 32.

⁵ Там же, стр. 54.

Итак, с первых же заседаний, руководящая группа членов «Общества» недвусмысленно заявила о своем желании придать его работе политико-воспитательный, патриотический и свободолюбивый характер. Любопытно, что — этого не заметили исследователи — именно данную сторону заседаний подчеркивали члены «Общества» в позднейших воспоминаниях.

Жуковский в стихотворении «Вечер» вспоминал «песни пламенные и музам и свободе»¹ (курсив мой — Ю. Л.). Воейков писал о дружеских встречах,

«Где, распалив вином и спорами умы
И к человечеству любовью,

*Хотели выкупить блаженство ближних кровью»*²
(курсив мой — Ю. Л.).

Следует, однако, иметь в виду, что, при всей резкости политического звучания, сами по себе, тираноборческие призывы еще не означали чего-либо качественно нового, выходящего за грани дворянских идеологических представлений XVIII в. Идея законности устранения государя-тирана путем дворянского переворота была сформулирована еще Сумароковым (например, в «Дмитрии Самозванце» и басне «Болван»). С предельной четкостью она прозвучала в известном «Рассуждении о истребившейся в России совсем всякой формы государственного правления», автор которого писал: «Тиран, где бы он ни был, есть тиран, и право народа спасти свое бытие пребывает вечно и везде непоколебимо». «В таком гибельном положении нация, буде находит средства разорвать свои оковы тем же правом, каким на нее наложены, весьма умно делает, если разрывает. Тут дело ясное».³ Однако в понятие «нация» для автора входит не «мужик, одним человеческим видом от скота отличающийся», который «никем не предводимый, может привести (государство — Ю. Л.), так сказать, в несколько часов на самый край конечного разрушения и гибели», а «руководимое одною честью дворянство», должествующее «корпусом своим представлять нацию».⁴

Тираноборческие настроения в среде дворянской молодежи особенно усилились в годы царствования Павла I. Даже Н. М. Карамзин, при всей умеренности и осторожности его политической позиции, в стихотворении 1797 г. «Тацит» в зашифрованной форме выразил сочувствие тираноборческому акту. Позже, после событий 14 декабря 1825 г., Вяземский напомнил Ка-

¹ В. А. Жуковский, Стихотворения, Вступительная статья и примечания Ц. Вольпе, Л., Советский писатель, 1939, т. I, стр. 9.

² Воейков, Послание к жене и друзьям, Сын Отечества, 1821, ч. 67, № 4, стр. 179.

³ Цит. по изданию: Д. И. Фонвизин. Избранные сочинения и письма, подготовка текста и комментарии Л. Б. Светлова, общая редакция Н. Л. Бродского, ГИХЛ, 1947, стр. 185, 180.

⁴ Там же, стр. 186—187.

рамзину заключительный стих этого произведения. «Какой смысл этого стиха? — спрашивал Вяземский. — На нем основываясь, заключаешь, что есть мера долготерпению».¹

Итак, констатация наличия тираноборческих настроений еще недостаточна для того, чтобы рассматривать тот или иной кружок дворянской молодежи в качестве исторических предшественников декабристского движения. Сложное явление дворянской революционности подразумевало усвоение передовой частью дворянской интеллигенции элементов классово чуждой ей, демократической системы представлений. В области социально-политической это вызывало перенесение центра внимания с проблемы политической свободы личности на вопрос социального раскрепощения общества, положения народа, в конечном итоге, крепостного права. В литературном отношении это означало критику дворянского субъективизма, обращение от «угрюмых полей бесплодной мечтательности к важной действительности»,² постановку проблемы народности литературы, критику эстетической системы карамзинизма. Подобное перерождение системы воззрений передовой дворянской интеллигенции, которое в отдаленной исторической перспективе создавало возможность полного преодоления дворянских форм мировоззрения и перехода к демократизму, требовало, конечно, особых исторических условий. Важнейшим, бесспорно, явилась Отечественная война 1812 г., обратившая взгляды передовой части дворянства к народу. Это, однако, не значит, что «заражения дворян демократическими идеями», пользуясь определением В. И. Ленина, не происходило раньше.

В этом отношении представляет интерес та сторона деятельности ведущей группы «Дружеского общества», которая свидетельствует об известном преодолении ограниченности дворянского мировоззрения. Особо стоит в этой связи остановиться на значении А. Ф. Мерзлякова. Разночинец по происхождению, Мерзляков принадлежал к иному кругу, чем остальные члены «Дружеского общества». Литературные связи его выводили членов «Общества» за пределы карамзинского лагеря. Не случайно, именно у него на дому Андрей Тургенев встречался с Нарезным.³ Литературные симпатии Мерзлякова оказали значительное воздействие на Андрея Тургенева и А. С. Кайсарова. Для того, чтобы понять смысл борьбы в «Обществе» и значение ее для формирования творческой индивидуальности Андрея Кайсарова, надо остановиться на литературной программе ведущих деятелей

¹ См. Н. Кутанов, Декабрист без декабря, сб. Декабристы и их время, т. II, 1932, стр. 270 и 271.

² Н. И. Тургенев, Проспект журнала «Архив политических наук», Русский библиофил, 1914, № 5.

³ Ср. запись в дневнике Андрея Тургенева: «Перед обедом был я у Мерзлякова и говорил о «Разбойниках» с Нарезным», Архив бр. Тургеневых, вып. 2, Предисловие, стр. 80.

дружеского объединения. Такими были Мерзляков и Андрей Тургенев.

Все сочинения членов «Общества» и тексты их выступлений, критик и антикритик должны были храниться у секретаря. Местонахождение их в настоящее время неизвестно. Это заставляет нас обращаться для восстановления литературной позиции основных деятелей «Общества» к их произведениям, связанным с более поздними периодами творчества.

Подобный подход требует осторожности и учета эволюции того или иного литературного деятеля. Вполне применим он к Мерзлякову, т. к. основные принципы его позиции как критика и теоретика литературы в этот период уже определились. Сверх того, надо иметь в виду, что ряд последующих критических выступлений Мерзлякова явился воспроизведением, а порой и точным повторением его «писес», обсуждавшихся в «Дружеском литературном обществе». Так, А. Кайсаров в письме к Андрею Тургеневу в Петербург сообщал, что Мерзляков, «заленившись писать новую» речь, «выписал и сказал в своем собрании» произведение, читанное им прежде в «Дружеском литературном обществе». ¹ Сам Мерзляков любил подчеркивать значение «Дружеского литературного общества» для формирования своих воззрений. В статье, имеющей, бесспорно, программный характер и принадлежащей к числу наиболее принципиальных и острых — разборе «Россиады» Хераскова, Мерзляков писал (статья имеет форму послания к другу): «Я намерен изобразить здесь тогдашние наши размышления о Россиаде (. .) в память бесценных бесед наших». ² В основу статьи положены, писал Мерзляков, «правила, которые приобрел я в незабвенном, может быть, уже не возвратимом для нас любознательном обществе словесности, где мы, поистине управляемы благоряднейшею целию, все в цвете юности, в жару пылких лет, одушевленные единым благодетельным чувством дружбы, не отравляемые частными выгодами самолюбия, учили и судили друг друга в первых наших занятиях . .» ³ Засвидетельствованное самим автором тождество статьи, напечатанной в «Амфионе», с выступлением его в «Обществе» дает нам право, ввиду утраты соответствующих выступлений Мерзлякова в 1801 г., использовать статью о «Россиаде» для характеристики его позиции в «Дружеском литературном обществе». Нам придется для этой цели привлекать и другие статьи Мерзлякова, напечатанные в более позднее время, в той мере, в какой они могут способствовать выяснению позиции Мерзлякова в «Обществе».

Алексей Федорович Мерзляков был самым старшим в «Обществе» по возрасту, обладал значительно более основательной, чем

¹ Тургеневский архив, № 50, л. 75-об.

² Россиада, поэма эпическая, г-на Хераскова (письмо к другу), Амфион, М., январь, 1815, стр. 52.

³ Там же, стр. 50—51.

у его друзей, академической подготовкой и наиболее определившейся системой воззрений. В ту пору, когда взгляды большинства друзей находились в стадии формирования, Мерзляков был уже популярным лектором Московского Университета. В 1804 г. Александр Тургенев, доказывая отцу, что он «никогда не хотел занимать профессорской кафедры», писал: «Это же одним только Мерзляковым можно в такие лета иметь у себя полную аудиторию»¹ Интерес к позиции Мерзлякова и его влиянию на членов «Общества» определяется и другим — самим характером его воззрений. Взгляды Мерзлякова, как мы увидим, противостояли всей традиции дворянской беллетристики, уходя корнями в демократическое направление русской литературы XVIII в. История идейного взаимодействия Мерзлякова с Андреем Ивановичем Тургеневым и Андреем Кайсаровым, во взглядах которых сказались тенденции зарождающейся дворянской революционности, представляет особенный интерес.

Первым вопросом, с которым приходится иметь дело, обращаясь к рассмотрению эстетической позиции Мерзлякова, является соотношение его взглядов и теоретической программы классицизма, запоздалым апологетом которого считали Мерзлякова не только многие из современников, но и ряд исследователей. В статьях Мерзлякова мы очень часто встретим утверждение о необходимости соизмерять творчество писателя с заранее установленной системой правил. Однако, взятые сами по себе, подобные требования мало что говорят для определения позиции критика. Необходимо выяснить, на какой философской основе возникали эти требования и каким реальным литературно-критическим содержанием заполнялись они в конкретных условиях борьбы мнений в литературе той эпохи.

В начале XIX в., когда формировалась эстетическая позиция Мерзлякова, картезианский рационализм, составлявший философскую основу теории классицизма, представлял собой явление безнадежно архаическое, всякая попытка возрождения которого была заранее обречена на неудачу. Начиная со второй половины XVIII в. учение сенсуалистического материализма занимает руководящее место в борьбе философских теорий в России. В 1769 г. появляется труд Я. Козельского «Философические предложения». Материалистические тенденции, наиболее полно проявившиеся в философском учении А. Н. Радищева, опирались на пафос опытного исследования, пафос, пронизывавший еще научные труды М. В. Ломоносова. Последнее обстоятельство особенно важно для Мерзлякова, взгляды которого формировались под сильным воздействием научных воззрений Ломоносова. Учение об опытном происхождении человеческих знаний было известно также русскому читателю и по переводным сочинениям: философским трудам французских материалистов, с одной

¹ Архив бр. Тургеневых, вып. 2, Предисловие, стр. 129.

стороны, и популяризаторскому изложению Кондильяка, — с другой.¹

Чуждая теории классицизма мысль об опытной, чувственной основе теоретических воззрений проходит через всю систему литературных взглядов Мерзлякова.

«Не может быть, — писал он, — того в уме, чего не было сперва в чувствах: они единственные питатели души нашей; они врата, через которые приобретает она свои сокровища».² Прямо против классицистического утверждения об абстрактном логическом разуме как основе познания направлена мысль его в той же статье: «Когда воспламенено воображение, тронута сердце, тогда, что значит гордость холодного ума, облеченного в броню силлогизмов?»,³ служащая основой итогового вывода: «Чувство в поэзии все заменяет».⁴

В связи с чувственной основой познания, система наук строится, по мнению Мерзлякова, не дедуктивно: от общих, вечных, абстрактных истин к единичным явлениям, — а восходя от данных чувственного опыта, «посредством явлений зримых до причин таинственных всеобщего движения».⁵

Философская основа системы Мерзлякова, следовательно, коренным образом отличалась от теоретической базы классицистической эстетики. Это приводило к тому, что основные категории теории литературы, зачастую самим Мерзляковым воспринимавшиеся лишь как повторение общих догматов классицизма, по существу, заполнялись в системе его воззрений совершенно иным, новым содержанием. Так, например, как мы уже отмечали, Мерзляков неоднократно заявлял себя сторонником строгого следования правилам: «Искусство вообще есть следствие правил»,⁶ — заявлял он. В речи, открывшей первое заседание «Дружеского литературного общества», Мерзляков призывал «особенно заняться теориею изящных наук. Она покажет нам мачтаб всего изящного и будет служить ариадниной нитью в лабиринте юродствующего воображения».⁷ Однако, рассмотрение эстетической позиции Мерзлякова убеждает, что само понятие «правил»

¹ Андрей Тургенев писал А. Кайсарову в декабре 1802 г.: «Пришел из театра, где не так часто бываю, как прежде, читаю Кондильяка .» (Тургеневский архив, № 840).

² О талантах стихотворца, В. Е., т. XV. М., 1812, № 17, стр. 207.

³ Там же, стр. 206.

⁴ Там же, стр. 222.

⁵ Рассуждение о драме вообще, Труды общества любителей российской словесности, (в дальнейшем — ТОЛРС), ч. XVII, М., 1820, стр. 62.

⁶ Об изящной словесности, ее пользе, цели и правилах, В. Е., ч. XXVIII, 1813, стр. 225.

⁷ Собрание речей.. л. 3-об. Ср. дословное повторение этого места в «Законах Дружеского литературного общества» (Сб. Общ. Любителей Российской словесности на 1891 г., М., 1891, стр. 1—2). Сравнение текстов обоих документов убеждает в том, что автором «Законов» был Мерзляков.

приобретало у него, возможно, неосознанно для самого критика, смысл, решительно отличный от обычного понимания его теоретиками классицизма и апологетами школьных пиитик.

«Правила» в понимании Мерзлякова оказываются не априорными нормами «разумного», противопоставленного «низменной» реальности, а научно построенным обобщением чувственного опыта.

«Что такое сии правила?, — спрашивал Мерзляков и отвечал: «следствия наблюдений, сделанных человеком над собственными своими чувствами при воззрении на предметы занимательные».¹ Поэтому сам характер правил перестает быть абсолютным, вечным. С позиций рационализма общие истины, составляющие основу «правил» в искусстве (или «метода» в картезианской философии), извлекаются не из опыта, а из природы разума. «Прежде всего, — писал Декарт в своем основополагающем труде «Рассуждение о методе», — я старался отыскать *вообще принципы* (курсив мой — Ю. Л.), или первопричины, всего того, что есть или может быть в мире, не принимая во внимание для этой цели ничего, кроме одного бога, который его создал, и выводя их только из некоторых зачатков истин, присущих от природы нашим душам». Исходя уже из этих общих истин, Декарт далее «захотел опуститься к более частным следствиям».² Источник истины — врожденное понятие, в конечном итоге, проистекающее от бога. «. Наши идеи, или понятия, представляя собой нечто реальное, исходящее от бога, поскольку они ясны и отчетливы, могут быть во всем этом только истинными».³ Позиция Мерзлякова противоположна. В цитированной выше статье он писал: «Правила сии, как прежде я сказал, не внушены нам небом; Аполлон не диктовал их: мы сотворили их сами и превратили в законы».⁴ Еще определеннее высказался Мерзляков в «Речи о начале, ходе и успехах словесности». Здесь он писал: «Что такое наука?»⁵ Собрание правил, расположенных в известном порядке или системе. Все сии правила, как уже мы видели, произошли из наблюдений».⁶

Именно поэтому «правила», в представлении Мерзлякова, отнюдь не были защищены ореолом абсолютности и неизменности. Способность писателя нарушить утвержденные обычаем школьные нормы рассматривалась им как достоинство, а не как недостаток. Мерзляков одобрительно отзывается о Державине, который «исторгнул» оду «из тесных пределов учебно-система-

¹ Об изящной словесности В. Е., ч. XVIII, 1813, стр. 211.

² Ренэ Декарт, Избранные произведения, Госполитиздат, 1950, стр. 306.

³ Там же, стр. 287.

⁴ Об изящной словесности .. В. Е., ч. XVIII, 1813, стр. 228.

⁵ Имеется в виду «наука, которая prepares искусство» (В. Е., ч. XVIII, 1813, стр. 230), т. е., в данном случае, теория литературы.

⁶ Речь о начале, ходе и успехах словесности, ТОЛПС, ч. XIV, М., 1819, стр. 38.

тических сочинений, наполняемых общими риторическими местами и располагаемых единственно по обыкновенным формам: сей недостаток заметен и в великом Ломоносове, а в последователях его несравненно более».¹

Раскрывающееся в результате анализа статей Мерзлякова своеобразие его позиции в данном вопросе позволяет разъяснить на первый взгляд странное противоречие в тексте речей Мерзлякова в «Дружеском литературном обществе». Как мы видели, уже в первой речи Мерзляков выступил с защитой «ариадниной нити» правил и даже внес этот пункт в «Законы» «Общества». Тезис этот защищался им и в дальнейшем на заседаниях «Общества». Тем более кажется неожиданным то, что в речи «О трудностях учения», говоря о препятствиях, стоящих на пути молодого разночинца, стремящегося к знанию, Мерзляков резко осудительно отзываясь о правилах классицизма: «Правила о подражании древним весьма трудно написать, а еще труднее им последовать. Правила по сию пору имеют одно почти действие: они превращают всякой предмет в чудовище, все легкое — в трудное, все возможное в невозможное».² Далее еще более определенно: «Отчего редко являются великие мудрецы? Не от того, чтобы природа ныне была скупер в дарах своих: но от того, что ныне дорогу к просвещению изрыли все эти ядовитые кроты, которые роются в древних архивах, выдумывают новые правила, новые способы, от того, что ныне в тысячу раз более потребно великодушия и твердости, чтоб выйти из среды обыкновенных людей. .»³ Однако, в свете изложенного, противоречие это находит себе объяснение: Мерзляков в требования «правил» вкладывает не представление об абстрактной догме, а понятие научного обоснования законов искусства. Будучи *по существу* (сам критик этого, возможно, и не ощущал) противоположно основным принципам классицизма, требование это имело и другой смысл: оно было направлено против дворянского дилетантизма в поэзии, определявшего образ поэта у писателей карамзинской школы. Идеалу поэта — «праздного ленивца», творящего по прихоти минутного вдохновения, противопоставляется образ поэта-ученого, теоретика и труженика. В статье «О талантах стихотворца» автор ставит целью «опровергнуть нелепое мнение тех, которые утверждают, что стихотворцу не нужно учение, и что талант все заменяет».⁴ Особо следует отметить то, что протест против дилетантизма носит у Мерзлякова характер сознательного отрицания дворянского, барского отно-

¹ Рассуждение о российской словесности в нынешнем ее состоянии, ТОЛРС, ч. I, М., 1812, стр. 68.

² Собрание речей . . . Речь члена Мерзлякова «О трудностях учения», л. 103-об. — 104.

³ Там же, л. 105-об.

⁴ О талантах стихотворца, В. Е., ч. XVI, 1812, № 17, стр. 204.

шения к литературе, а это последнее, в свою очередь, для него связано было с отрицанием карамзинского направления. В программной статье «Рассуждение о российской словесности в нынешнем ее состоянии» Мерзляков выразил эту сторону своих воззрений наиболее определенно. Он писал:

«И что может быть другое тогда, когда основательная теория изящных наук неизвестна, когда мы незнакомы с главными образцами, когда не подозреваем даже, что начала литературы составляют науку обширную и глубокую, требующую трудов и тщания, когда Аристотеля, перекрестив в Аристота, почитаем французом! Самый высший класс народа смотрит на ученых с милостивою гордостью. Он ставит учение ниже своего сана (...) Богатая праздность и невежественная гордость чувствуют нужду в занятии, любят забавы словесности, но для чего? Для рассеяния и по странному честолюбию хотят казаться в них сведущими (...) Песенки, мадригалы, историйки, романы привязывают к себе всех как важное, но никто не думает, чтоб можно было в другом роде написать что-нибудь хорошее. Переводчики бросаются в романы, авторы в сочинение путешествий, книгопродавцы не хотят в руки взять книги, имеющей важное заглавие. В таком виде часто бывает литература, не подкрепленная науками».¹ Последнее положение интересно не только прямыми полемическими намеками на творчество Карамзина (слова о сочинении «путешествий») и его последователей, но и общим принципиальным требованием обратиться от легкой поэзии, малых жанров, к произведениям «важным», с гражданской, патриотической тематикой. В этом отношении любопытно принципиально отрицательное отношение Мерзлякова к любовной тематике. В статье о «Россиаде» он сурово осуждает автора за перенесение внимания с героико-патриотических эпизодов на любовно-авантюрные: «Для сих-то происшествий должны мы были потерять из виду знаменитое воинство, сражающееся за свободу Отечества! Какой роман?»² Представляет интерес заключительное восклицание, рассматривающее сравнение с романом как осуждение. В термин «роман» здесь вкладывается представление о пустой по содержанию повести на любовную тему, культивировавшейся карамзинистами, а также о связанных с этим же литературным направлением наводнивших русский читательский рынок переводах романов в духе Жанлис и Дюкре-Дюминья. «Жаль, — писал Мерзляков в другой своей статье, — что *новорожденные пустые романы* (курсив мой — Ю. Л.) часто теснят и гонят с полок старых почтенных детей литературной ревности, и даже нередко переводной Камюэнс, Мильтон, Телемак

¹ Рассуждение о российской словесности ТОЛРС, ч. I, М., 1812, стр. 81—82.

² Россиада Амфион, М., 1815, февраль, стр. 61.

или Гомер служат оберткой вялых уродов Дюкредюмениля».¹ Знаменательно и то, что, если в первой цитате Мерзляков сближает Хераскова с писателями-«романистами», то во второй он, противопоставляя «важные» эпические произведения «малым жанрам» карамзинистов, демонстративно игнорирует имя признанного авторитета дворянской литературы, творца единственной получившей официальное признание эпической поэмы Хераскова и называет осмеянного и зачисленного в «педанты» Третьяковского.²

Выступая против интимно-лирической тематики, легкой поэзии, Мерзляков ударял по центральному звену эстетической системы карамзинистов, поскольку определявший мировоззрение Карамзина и его последователей субъективизм переносил центр внимания с действительности на авторское «я». Вполне закономерным поэтому явилось развитие карамзинистами лирической поэзии и отказ их от других жанров, в особенности от драмы. Если сам Карамзин делал попытки создания «лирической» прозы, отражающей не объективную действительность, а мир авторских переживаний (сб. «Аглая»), то в творчестве его последователей (в широком значении этого слова) «презренная проза», вообще, не находила места. Не случайно поэтому борьба за преодоление традиций дворянской эстетики Карамзина связывалась с пропагандой прозы.

Позиция Мерзлякова противоположна господствовавшей в его эпоху карамзинской традиции. Он резко осуждает положение, при котором «мы имеем сочинения, относящиеся к одним изящным наукам и то более к стихотворству, нежели к прозе. Мы не можем представить почти никаких подлинных и даже переводных сочинений, принадлежащих к высшим философским наукам».³ Батюшков в речи «О влиянии легкой поэзии на язык» утверждал определяющее воздействие поэзии и, в первую очередь, лирики на формирование литературного языка. По мнению Мерзлякова, «стихотворцы, сколько бы они знамениты ни были, не совершают еще великого дела образования языка».⁴

Получается своеобразная картина: Мерзляков не разделяет коренных принципов классицизма. Как известно, он резко осуждал творчество признанных авторитетов русского классицизма

¹ Рассуждение о российской словесности ., ТОЛРС, ч. I, М., 1812, стр. 80. Ср. также: «Отчего главное богатство новейших произведений состоит токмо в романах, в эпиграммах, в шуточных посланиях, в водевилях, песенках и пиэсах, которые совсем не знаешь, к какому отнести роду?» Россиада ., Амфион, 1815, январь, стр. 45—46.

² «Переводной Телемак», поставленный в ряду эпических поэм, — это, конечно, «Тилемахида», а не какой-либо иной перевод прозаического философского романа Фенелона, не имеющего в оригинале никакого отношения к эпосу.

³ Рассуждение о российской словесности ., ТОЛРС, ч. I, М., 1812, стр. 65.

⁴ Там же, стр. 66.

Сумарокова и Хераскова и, как мы увидим в дальнейшем, весьма сдержанно оценивал деятельность запоздалых защитников дворянского искусства XVIII в. типа А. С. Шишкова. Но одновременно Мерзляков, вопреки мнению некоторых исследователей, не может быть отнесен и к карамзинскому направлению. Позицию Мерзлякова в этом отношении можно сравнить с позицией Крылова, высмеивавшего и дворянский классицизм («Трумф», борьба с Княжиным), и дворянский сентиментализм Карамзина, и архаистов из лагеря Шишкова. Мерзлякову, как и Крылову, была чужда вся традиция дворянской литературы, а не только какие-либо отдельные ее течения. Поэтому попытки осмыслить его в рамках какого-то из этих течений и объяснить эклектизмом те стороны его воззрений, которые не умещаются в прокрустово ложе дворянской эстетики конца XVIII — начала XIX вв., заранее обречены на неудачу.

Эстетическая позиция литературной критики антидворянского лагеря была тесно связана с ее общественно-политической программой, поскольку художественную теорию, до конца самостоятельную, свободную от влияния чуждой дворянской идеологии, можно было построить только на основе революционного мировоззрения. Не случайно поэтому эстетические воззрения последователя за Радищевым поколения писателей антидворянского лагеря не отмечались такой самостоятельностью, не содержали таких отчетливых черт теории реализма, которые явственно ощутимы в воззрениях самого Радищева. Степень зрелости классовых противоречий в стране еще не давала возможности возникнуть эстетической теории реализма. Не будучи ни боевым, последовательным материалистом (черты материалистического мировоззрения лишь стихийно проявлялись в его литературных суждениях), ни мыслителем-революционером, Мерзляков сделал в ряде вопросов шаг назад от эстетической теории Радищева. Не будучи в состоянии противопоставить направлениям дворянской литературы (дворянский классицизм, карамзинизм) свою точку зрения, он часто обращался к традиции писателей XVIII в., противостоявших названным литературным течениям, и, прежде всего, к творчеству Ломоносова. Это не значит, однако, что программа Мерзлякова была архаична. Используя авторитет Ломоносова для критики карамзинской школы, Мерзляков не останавливался и перед резкими суждениями о произведениях первого. Не будучи в силах создать целостную систему новых воззрений на искусство, Мерзляков выдвинул, однако, ряд принципов, бесспорно, сыгравших роль в подготовке теории реализма. Не случайно В. Г. Белинский писал, что «с Мерзлякова начинается новый период русской критики».¹

На начало XIX в. приходится формирование художественной программы романтизма школы Жуковского, основывающегося на

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, под ред. С. В. Венгерова и В. С. Спиридонова, т. XI, стр. 362.

творческой деятельности Карамзина 1793—1800 гг. (сб. «Аглая», журнал «Пантеон любителей иностранной словесности» и др.). Краеугольным камнем построений карамзинистов было противопоставление искусства жизни. Поэзия — вымысел, уводящий от несовершенства жизни. Это противопоставление проходит через ряд произведений Карамзина. В «Афинской жизни» ему придан обнаженно-декларативный характер осуждения революционной действительности. Эта же мысль лежала в основе таких программных произведений, как «И. И. Дмитриеву», «Бедному поэту». Если Радищев считал истину высшим достоинством художественного произведения, то Карамзин декларативно утверждал право поэзии на приятную ложь, отвлекающую от противоречий жизни.

«Мы все лжецы:
Простые люди, мудрецы,
Непроницаемым туманом
Закрита истина от нас
Что есть поэт — искусный лжец,
Ему и слава и венец.»¹

Этот тезис, воспринятый Жуковским, получил у него мистико-романтическую окраску: поэзия — средство проникновения в мистический потусторонний мир: «Поэзия есть бог в святых мечтах земли». Расхождение Мерзлякова и Жуковского в понимании характера искусства проявилось уже в «Дружеском литературном обществе». Наиболее полно Мерзляков освещает этот коренной вопрос литературной теории в статье «Об изящной словесности, ее пользе, цели и правилах» (1813 г.). Итоговое определение поэзии в конце статьи, подкрепленное цитатой из Тассо о сладком лекарстве, дается вполне в духе поэтики классицизма. Это свидетельствует о том, что сам критик порой не ощущал внутреннего противоречия между традиционной формулой и вкладываемым им в нее содержанием. Приемлемую и для классицизма формулу «поэзия — подражание природе» Мерзляков истолковывает в духе отражения в литературе реальной жизни, окружающей поэта. Всякое искусство, по мнению Мерзлякова, изображает природу (Мерзляков вкладывает в этот термин широкое понятие всей суммы окружающей действительности). В отличие от изобразительных искусств, которые делают картину природы, т. е. изображают окружающее статически, «поэзия не есть только картина, но зеркало природы»² Далее Мерзляков, развивая эту мысль, утверждает, что поэзия «повторяет предметы и действия предметов. Сие подражание верное и близкое». Итак, в основе суждений критика лежит мысль о реальности изобра-

¹ Ср. также:
«Ах, не все нам слезы горькие
Лить о бедствиях существенных,
На минуту позабудемся
В чародействе красных вымыслов» (Н. Карамзин, Илья Муромец).

² Об изящной словесности... В. Е., ч. XVIII, 1813, стр. 238.

жаемого в искусстве и о действительности, как основе всякого произведения. С этим был связан вопрос о выборе предметов, достойных изображения. Поэтика классицизма, по иронической характеристике Пушкина, подчеркивала,

«Что должен взять себе поэт
Всегда возвышенный предмет».

Мерзляков еще не решается окончательно отбросить деление традиционной школьной эстетики на предметы «высокие» и «низкие», но, тем не менее, одновременно он выдвигает плодотворный тезис о том, что все окружающее человека может явиться объектом изображения в искусстве.

В цитированной выше статье он утверждает, что «предмет изящных искусств неограничен сам в себе».¹ Детально это положение развито в «Речи о начале, ходе и успехах словесности». На вопрос, «каковы должны быть предметы, выбираемые в природе для подражания», он отвечает: «Все хороши, если только умеешь их представить». Мерзляков считает, что идеальным было бы положение литературы, при котором «не были бы мы принуждены делать жалких, унижающих нас разделений и подразделений в предметах на занимательные и незанимательные, на высокие и низкие, великие и малые, на благородные и неблагородные», и жалуется на состояние искусства, когда «вместо вселенной необъятной писатель-художник должен ограничить себя маленьким уголком землицы и маленьким обществом людей».² Следует отметить, что там, где Мерзляков требовал «высокого» предмета для искусства, он чаще всего имел в виду противопоставление «блестящим безделкам» карамзинистов идеала гражданской поэзии. В подобном контексте требование это, вопреки субъективному пониманию самого критика, исторически соотносилось не с мертвой догмой классицизма, а с живыми и исторически прогрессивными литературными процессами.

Позиция Мерзлякова в вопросе «высокой» поэзии может быть сопоставлена с деятельностью Гнедича, который сыграл выдающуюся роль в формировании декабристской поэзии.

Заполнение классицистической терминологии новым содержанием особенно заметно у Мерзлякова на примере его требований к построению характера в литературном произведении. Говоря об изображении человека в литературе, Мерзляков, на первый взгляд, исходит из классицистического требования «единства действия». Так, например, анализируя «Россиаду», он спрашивает: «Похож ли сам на себя Алей, с начала явившийся и на конце представленный?».³ Однако смысл этого тезиса не будет нам

¹ Об изящной словесности . . . , В. Е., ч. XVIII, 1813, стр. 239.

² Речь о начале, ходе и успехах словесности, ТОЛРС, ч. XIV. М., 1819, стр. 40—43.

³ Россиада Амфион, М., 1815, июнь, стр. 12.

понятен, если мы выключим его из всей системы борьбы с эстетикой карамзинистов. Мерзляков отстаивает объективный характер изображаемого. Образ героя должен развиваться по своим внутренним законам, а не по произволу автора. «Главное правило требует, чтобы один раз определив характер, означив положение, уметь вымыслить для себя и для лица драматического и приличный образ суждений, и образ чувствований, и способ выражения, сходственный совершенно с ролею, которую я беру на себя или которую заставляю играть другого». При этом автор подчеркивал, что основой этого правила являются «наблюдения и опыт».¹ Подобное требование в первую очередь было направлено против романтической поэтики, и в частности, в русских условиях, против карамзинистов. Субъективизм в изображении характеров, становящихся «зеркалом души автора», был прокламирован Карамзиным, который любил называть окружающую поэта действительность «китайскими тенями моего воображения».

В таких произведениях Карамзина, как «Сиерра-Морена» или «Остров Борнгольм», образы окружающих автора персонажей имеют чисто условный характер. Служа цели характеристики мимолетных настроений авторского «я», они лишены самостоятельного художественного бытия. Наиболее последовательно Карамзин проводил этот принцип в лирических отрывках, по существу стихотворениях в прозе, типа «Цветка на гроб моего Агатона».

Направленные против автора «Россиады» слова Мерзлякова о том, что «герои Хераскова суть эфемеры, или лучше блестящие пылинки Санхониатона, которые сражаются между собою в каком-то темном мире, исчезают и рождаются, но через это ни мало не показывают нам ни начала своего, ни сущности, ни качества»,² в сочетании с требованиями «вероятных, естественных характеров»,³ одновременно звучали как осуждение литературной программы карамзинизма. Не следует, однако, полагать, что Мерзляков осуждал Хераскова за невыдержанность классицистического принципа, требовавшего воплощения в герое одной абстрактной черты характера. Напротив, именно это антиреалистическое построение образа осуждается критиком. Образ Иоанна в поэме Хераскова осуждается, т. к. в нем собраны все человеческие добродетели, и поэтому характер действующего лица лишен противоречивости. «Справедливо говорит Мармонтель: желая создать героя, делаем урод», — заключает критик. Достоинство того или иного образа определяется не верностью

¹ Рассуждение о драме вообще, ТОЛРС, ч. XVII, М., 1820, стр. 92.

² Россиада.. Амфион, май, 1815, стр. 114—115. Ср. также: «Гомер, Виргилий, Тасс и другие песнопевцы не представляли из действующих лиц поэмы таких китайских теней, без нужды сменяющих друг друга» (Амфион, февраль, 1815, стр. 65).

³ Там же, стр. 102.

в следовании правилам классицизма, а жизненным правдоподобием. С несколько наивной прямолинейностью, однако, весьма решительно Мерзляков выступает против литературных условностей, нарушающих правдоподобие образа. Осуждая длинные рассуждения действующих лиц, прерывающие изложение событий в поэме Хераскова, он признает правомерность подобного приема только в том случае, если он вытекает из особенностей характера данного героя. Об одном из действующих лиц Илиады он пишет: «По крайней мере, естественно то, что носящий на челе своем морщины трех веков Нестор часто там, где дело не терпит ни малейшего замедления, начинает продолжительный рассказ о том, что он некогда видел или слышал». ¹ С подобных же позиций в «Рассуждении о драме вообще» ставится вопрос о допустимости монологов. Характерная особенность трагедии классицизма — обширный монолог — осуждается Мерзляковым, он высказывается в пользу диалога или полилога как основных драматургических элементов. Фактически это означало перенос центра с разговора на действие. Монолог допустим лишь там, где он связан с сильными переживаниями героя, поскольку не лишено вероятности то, что человек «в сильной страсти говорит сам с собою вслух». Однако и здесь Мерзляков спешит подчеркнуть, что «это не доказательство вероятности монолога, а только некоторое извинение». ² С этих позиций осуждается употребление монологов в драмах Ломоносова и Корнеля. Если к этому добавить и весьма сдержанное отношение к Сумарокову, то налицо отрицание всего театра классицизма.

Упрощенная, но, тем не менее, стихийно реалистическая постановка вопроса привела Мерзлякова к основополагающему выводу о том, что достоинство художественного произведения определяется его истинностью: «Где истина, там и красноречие». ³ В соответствии с этим общий ход развития словесности понимался Мерзляковым как постепенный переход к простоте, верности действительности, прозе: «Все первые предания были стихотворные — напыщенный гиперболический слог равно приличен Востоку и Западу; он означает не страну, но время». ⁴ Поэзия соответствует младенческой стадии просвещения, правильность и точность, свойственные прозе, — зрелым потребностям литературы. В другом произведении Мерзляков писал: «Когда с образованием общественного порядка, с умножением взаимных, частных отношений и связей гражданственных разграничились пределы словесного искусства и обогатился язык, тогда обратились мы к правильности, простоте и точности; тогда

¹ Россиада. , Амфион, февраль, 1815, стр. 55.

² Рассуждение о драме вообще, ТОЛРС, ч. XVII, М., 1820, стр. 99 и 101.

³ О духе, отличительных свойствах поэзии первобытной и о влиянии, какое имела она на нравы, на благополучие народов. В публичном собрании Имп. Московского Университета, июня 30 дня 1808, М., б. д., стр. 8.

⁴ Там же, стр. 7.

Слог повествовательный сделался всеобщим и главным, он сделался органом нужд наших, языком закона, судопроизводства, правительства, обращения светского, наук и искусств, языком всех потребностей, частных и общих».¹

Намеченная Мерзляковым концепция развития литературы сочеталась с многократно подчеркиваемой мыслью о том, что искусство зародилось из требований практической жизни («первый изобретатель искусств есть нужда»²) и первыми законами имело потребности человеческой практики и плоды человеческих наблюдений. Оставляя в стороне весьма примечательную попытку исторически объяснить происхождение искусства, отметим лишь решительную противоположность позиции Мерзлякова и дворянских романтиков карамзинской школы. Карамзин считал, что «действительность бедна», и призывал «играть в душе своей мечтами». С этих позиций фантазии отводилось решающее место в поэзии:

«Ложь, неправда, призрак истины,
Будь теперь моей богинею», —

писал Карамзин. Взгляды Мерзлякова, основанные на уже нам знакомых предпосылках, противоположны. Не отрицая значения вымысла, он отводит ему подчиненное место, отнюдь не рассматривая фантазию как неизбежное условие поэзии. Бесспорно имея в виду теоретические высказывания карамзинистов, Мерзляков писал: «Некоторые почитают вымыслы существом поэзии», — и тут же опровергал подобное утверждение: «Неужели природа сама по себе недовольно прекрасна, недовольно привлекательна без сих нарядов (. .) вымысел не есть существенное свойство поэзии, потому, что предмет, живописуемый ею, может быть прекрасен по себе и не иметь никакой нужды в украшении».³

Решительно разойдясь со всей традицией предшествующей и современной ему дворянской поэзии, Мерзляков выдвинул требование национальной самобытности в литературе. В качестве пути к достижению этого он указывал на изучение народного творчества. «Фольклоризм» Мерзлякова имел глубокие основы и зиждился на принципиально иной базе, чем попытки приспособления народной поэзии к нуждам дворянской эстетики, предпринятые Львовым или Нелединским-Мелецким. Не случайно изучение народной песни выдвигалось Мерзляковым в качестве средства борьбы против «изящных безделок», т. е. программных жанров карамзинизма. «О! Каких сокровищ мы себя лишаем! Собирая древности чуждые, не хотим заняться теми памятниками, которые оставили знаменитые предки наши! В русских песнях мы бы

¹ Рассуждение о драме вообще, ТОЛРС, ч. XVII, М., 1820, стр. 87—88.

² В. Е., ч. XVIII, 1813, стр. 230.

³ Об изящной словесности В. Е., ч. XVIII, 1813, стр. 243. Любопытно влияние классицистической формулировки об «украшенной природе».

увидели русские нравы и чувства, русскую правду, русскую доблесть! — в них бы полюбили себя снова и не постыдились так называемого первобытного своего варварства. — Но песни наши время от времени теряются, смешиваются, искажаются и, наконец, совсем уступают блестящим безделкам иноземных трубадуров».¹

По воспоминаниям ученика Мерзлякова М. Б. Чистякова, «Мерзляков советовал» студентам «прислушиваться к народным песням и записывать их: в них вы услышите много народного горя».²

Подводя итоги рассмотрению эстетической позиции Мерзлякова, мы можем отметить следующее: программа писателя решительно отличается от всей традиции дворянского искусства XVIII — начала XIX вв. — как классицизма, представленного именами Сумарокова и Хераскова, так и предромантизма, связанного с Карамзиным и получившего дальнейшее развитие в романтизме Жуковского. Корни воззрений Мерзлякова уходят в антидворянскую традицию, которая питала пеструю группировку деятелей недворянского лагеря начала XIX в., таких, как Крылов, Востоков, Гнедич и др.

Вместе с тем, отрицание Мерзляковым дворянской эстетики носило стихийный характер и не опиралось на революционное мировоззрение; подобное радищевскому. В силу этого, равно как и в силу ряда иных исторических причин, положительная программа Мерзлякова не могла быть целостной. Там, где ему приходилось противопоставлять свои взгляды догмам классицизма, он, не будучи в силах сформулировать четкие реалистические тезисы, обращался к формулировкам романтизма (оценка творчества Державина, теория гения, не признающего правил, в статьях «О талантах стихотворца», «О гении .», «Державин» и даже карамзинский критерий «дамского вкуса» в «Рассуждении о российской словесности в нынешнем ее состоянии»); там же, где речь идет об отталкивании от карамзинизма, он использует классицистические формулировки. Но и в том, и в другом случае он не сливается с требованиями соответствующих эстетических школ. Это отчетливо видно на примере его позиции как критика. Суровому суду Мерзлякова подвергаются Херасков и Сумароков, причем одновременно высоко оцениваются Ломоносов и Тредиаковский. С установками «Тилемахиды» последнего Мерзлякова сближает стремление ориентироваться в качестве образца не на эпические произведения французского классицизма, а на подлинную античность. Подбор эпических поэм, выделяемых Мерзляковым в качестве образца, показателен: высоко оценен Гомер, но осужден непререкаемый авторитет для класси-

¹ О духе, отличительных свойствах поэзии первобытной..., стр. 14.

² М. Б. Чистяков, Народное предание о Брюсе, Русская старина, 1871, № 8, стр. 167.

цизма — Virgiliy;¹ в качестве образцов выделены Камюэнс, Мильтон, Тредиаковский, но нигде не упомянута «Генриада» Вольтера. Одновременно характерно резко-отрицательное отношение к школе Карамзина-Жуковского. Слава «классика» и враждебное отношение к карамзинизму заставили писателей арзамасского лагеря полемически причислять Мерзлякова к группировке «Беседы». На самом деле это неточно. Позиция Шишкова не встречала у Мерзлякова сочувствия. В «Рассуждении о российской словесности в нынешнем ее состоянии» он решительно противопоставил практику «Беседы» творческим установкам Ломоносова и осудил нарочитый архаизм первой. «Возьмите оды и похвальные слова Ломоносова и сравните их с некоторыми нынешними стихотворными славено-российскими сочинениями. — Читая первого я не могу остановиться ни на одном слове: все мои родные, все кстати, все прекрасны; читая других, останавливаюсь на каждом слове, как на чужом (...) Поздно уж заставлять нас писать языком славянским, осталось искусно им пользоваться. Вот особенное достоинство Ломоносова!». Восклицания же «Язык погиб! Искажен!» — Мерзляков ядовито назвал «плодом неумеренного восторга».² Более того, отгородив шишковистов от Ломоносова, Мерзляков сблизил их с карамзинистами, включив и тех и других в группу дворянских дилетантов, авторов «безделок» (кстати, такая же оценка сквозит и в разборе «Россиады», которая для Мерзлякова — не эпос, народный и героический, а «роман»). «В чем мы по сие время продвинулись? — Конечно во множестве мелких приятных сочинений (курсив мой — Ю. Л.), вообще в чистоте и наружной изящности слога. Но и в сем случае сомнения не решены еще. Одни укоряют других в излишнем употреблении слов славянских и в ослаблении языка, а другие в излишнем отступлении от славянских».³

Такова позиция «корифея»⁴ «Дружеского литературного общества» А. Ф. Мерзлякова, оказавшая непосредственное влияние на развитие литературной программы Кайсарова. Другим центром кружка был Андрей Иванович Тургенев.

Позиция Андрея Тургенева особенно важна для Кайсарова — его ближайшего друга, развивавшегося и формировавшегося под непосредственным влиянием старшего из братьев Тургеневых.

За свою короткую жизнь Андрей Тургенев проделал бурную, стремительную эволюцию. Он сравнительно быстро преодолел

¹ Надуманность характера — «вот причина, от чего Эней, столько во всем совершенный, мало нас трогает — опять обращусь к Гомеру, который умел не все черты (имеются в виду положительные — Ю. Л.) брать для своего характера, но только особенные», Россиада Амфион, февраль, 1815, стр. 97.

² Рассуждение о российской словесности..., ТОЛРС, ч. I, 1812, стр. 72—73.

³ Россиада..., Амфион, январь, 1815, стр. 45—46.

⁴ Выражение Александра Ивановича Тургенева.

масонские влияния, шедшие от Ивана Петровича Тургенева и членов разгромленного кружка московских масонов 80-х гг. XVIII в. (Лопухины, Невзоров и др.).¹ Конец 90-х гг. XVIII в. сделался для Андрея Ивановича временем увлечения творчеством Карамзина. Н. М. Карамзин в эту эпоху еще не был известен как создатель политических концепций («парадоксов», по характеристике Пушкина), проявившихся в статьях «Вестника Европы», а позже в «Записке о древней и новой России» и «Истории». Андрею Тургеневу, впервые познакомившемуся с Карамзиным в качестве читателя «Детского чтения», в эти годы наиболее близки были эстетические принципы, положенные в основу цикла произведений, включенных в две части сб. «Аглая» В повестях и лирических отрывках «Аглаи» явственно чувствовалась та эстетика подчеркнутого субъективизма, углубления в лирическое «я» героя, связанного с принципиальным отказом от изображения действительности, которая легла позже в основу романтических представлений школы Жуковского. На Тургенева оказала влияние карамзинская субъективистская философия. О воздействии Карамзина на Андрея Тургенева в этот период свидетельствует не только восторженное письмо последнего, адресованное автору «Писем русского путешественника», хотя, видимо, неотправленное,² но и дошедшие до нас в архиве Жуковского (ГПБ им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде) наброски произведений самого Андрея Ивановича. На отдельном листке сохранился отрывок философского рассуждения, доказывающего субъективность человеческих представлений об истине. «По большей части, — пишет Андрей Иванович Тургенев, — вещи кажутся нам хороши или худы не потому, что они таковы в самом деле, но по расположению души нашей».³ В другом неопубликованном отрывке, озаглавленном «Здоровая и кривая нога», проводится свойственная Карамзину мысль о субъективности человеческого представления о счастье и, следовательно, о бесполезности любых попыток общественного переустройства: «В мире есть два рода людей, которые наслаждаются равно здоровьем и богатством, — но одни счастливы, другие несчастны. — Это происходит большею частью от того, что они под различными точками зрения смотрят на вещи, на людей, на обстоятельства, и от действия, произведенного таким различием на их душу».⁴ Отсюда следовал вывод о необходимости изменения «точки зрения», а не объективной действительности.

Разобранная система воззрений определила и литературные вкусы начинающего писателя: Карамзин становится его ораку-

¹ Первые печатные переводы Андрея Тургенева выполнены по прямому заданию отца и мало характерны для позиции начинающего писателя.

² Письмо опубликовано Истриным в предисловии ко 2-му тому «Архива бр. Тургеневых».

³ Архив В. А. Жуковского в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, (в дальнейшем — Архив В. А. Жуковского), оп. 2, ед. хр. 320.

⁴ Там же.

лом, а «Цветок на гроб моего Агатона» — любимым произведением. К этому же периоду относится знакомство и сближение Андрея Тургенева с В. А. Жуковским. Однако, развитие политических и литературных воззрений Андрея Тургенева на этом не остановилось. К концу 90-х гг. в творчестве его усиливаются свободолюбивые настроения, пока еще не выходящие за рамки дворянского либерализма левого крыла карамзинистов. К этому времени относится выступление Андрея Тургенева в защиту Карамзина от нападок яростного реакционера и крепостника П. И. Голенищева-Кутузова. Последний в 1799 г. в журнале «Иппокрена» (т. IV стр. 17—31) опубликовал стихотворение, содержащее доносительные намеки на Карамзина, тем более опасные, что правительство в эти годы смотрело на писателя весьма косо.

На стихотворный донос Голенищева-Кутузова Андрей Иванович откликнулся эпиграммой:

«О сколь священная религия страдает,
Вольтер ее бранит — Кутузов защищает».

В борьбе с Кутузовым принял участие и Андрей Кайсаров. На это указывает письмо Андрея Тургенева А. С. Кайсарову от 29 октября 1799 г.: «Ну уж стихи — славные! Только «Патриот отечества» друно; может, так:

«Кутузов, истинный и добрый патриот»

Пожалуйста, брат, в «Иппокрену». Место Кутузова поставим «Болтушкин», «Трещоткин» и проч. Ай же Анд(рей) Сергеевич; он и нас с заслуженного места собьет...»¹

Для формирования литературной программы дворянской революционности не столь уж показательны высказывания, направленные против деятелей оголтелой реакции типа П. И. Голенищева-Кутузова или А. С. Шишкова, поскольку в первые годы XIX в. подобные голоса могли порой раздаваться и из лагеря очень умеренных либералов, зачастую недалеких от правительственного курса. Значительно интереснее в этом смысле критика дворянского либерализма, стремление в борьбе с последним выработать принципы собственного мировоззрения. Политическая теория карамзинистов органически вытекала из системы дворянского субъективизма, связана была с определенными этико-эстетическими установками, поэтому борьба за революционную точку зрения была органически связана с требованием пересмотра всей системы дворянской эстетики. Именно поэтому критика литературного карамзинизма, проводившаяся на разных исторических этапах Катениным, Грибоедовым, Пушкиным, Кюхельбекером, Рылевым и Бестужевым, играла первостепенную роль в формировании идей декабризма. «Преодолеть ограниченность понятий романтизма, защищавшегося последова-

¹ Тургеневский архив, № 2644. Текст стихотворения А. С. Кайсарова неизвестен.

телями карамзинской школы, значило подвергнуть критике субъективный принцип в поэзии, выступить против всякого рода подражательности и тем указать новые пути поэтическому творчеству Попытка «переоценки ценностей» в романтизме во имя утверждения поэзии народной и «истинно-русской» была сделана в 1824 г. Кюхельбекером». ¹ Деятельность Андрея Кайсарова и Андрея Тургенева в «Дружеском литературном обществе» представляет один из первых шагов по этому пути.

Критика карамзинской школы в первые годы XIX в. могла вестись с разных позиций. Карамзина критиковали деятели дворянской реакции из шишковско-растопчинского лагеря, находившие, подобно П. И. Голенищеву-Кутузову, даже в Марфепосаднице «якобинский яд». Это была критика дворянского либерализма с позиции дворянской реакции. Однако, когда мы говорим об отрицательном отношении к Карамзину со стороны Крылова, Востокова, Мерзлякова и позже Надеждина, — людей, весьма разнообразных по своим общественно-литературным воззрениям, но сходящихся в неприятии творческих принципов Карамзина, — перед нами явление другого порядка: критика дворянской эстетики с позиции враждебного дворянству стихийно демократического мировоззрения. Авторы этой группы не могли подняться до осуждения политической программы Карамзина, поскольку, как правило, сами не имели не только революционных, но и вообще сколь-либо четких положительных политических воззрений, однако, органически не принимая дворянской эстетики, они осуждали карамзинистов за салонный, антинародный и оторванный от жизни характер творчества.

Для формирования третьей позиции, с которой возможна была критика карамзинской школы, — позиции декабризма, — эта вторая точка зрения сыграла существенную роль. Для того, чтобы осудить дворянский либерализм с позиции дворянской революционности, мало было абстрактного романтического требования свободы личности. Необходимо было, преодолев в какой-то мере узкий субъективизм, перенести акцент с вопроса свободы мятежной индивидуальности на требование освобождения общества, на проблему народа и народности. Осуждение карамзинизма с позиций формирующейся дворянской революционности было делом исторически сложным, поскольку большинство литературных деятелей декабризма прошли через увлечение субъективистским романтизмом Жуковского и, так и не преодолев до конца романтизма, могли всегда найти в собственном творчестве черты, сходные с осуждаемыми ими принципами карамзинской школы. Не случайно отрицательное отношение к последней неизменно связано со степенью политической зрелости того или иного деятеля, с усилением реалистических

¹ Н. И. Мордовченко, Тезисы диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, пункт 7-й.

элементов в эстетике и демократических в общественной позиции. В этом «заражении» передовой дворянской интеллигенции демократическими идеями, составлявшем характерную особенность формирования дворянской революционности, критика второго типа, сама не являясь революционной, сыграла выдающуюся роль. С этой точки зрения сближение Андрея Тургенева и Андрея Кайсарова в начале 800-х гг. с Мерзляковым — явление, столь же показательное, как дружба с Жуковским в период увлечения Карамзиным.

При знакомстве Жуковского с Мерзляковым довольно скоро выяснилась противоположность их позиций. Хотя приятельские отношения между Мерзляковым и Жуковским сохранялись довольно долго, подлинной близости между ними не было. В начале 1806 г. Жуковский признавался в письме Александру Ивановичу Тургеневу: «Мне кажется, что Мерзляков (хотя с ним мне всегда было весело быть вместе, потому что он человек необыкновенный) не был со мною таков, каким бы я желал его видеть; например между нами не было искренности; если мы говорили друг с другом, то вообще всегда говорили о посторонних материях; одним словом мне всегда казалось, что я мало для него значу, и от этого он мало на меня имел влияния. Может быть, этому причиною и то, что он не хотел иметь влияния () Между нами не было ничего общего». ¹ Резкий инцидент, разыгравшийся между приятелями, по сообщению М. Дмитриева, несколькими годами позже, ² по сути был подготовлен глубокой противоположностью творческих установок.

Если еще в октябре 1800 г. воззрения друзей были настолько близки, что они замыслили издать свои произведения общим сборником за подписью М. Ж. Т. (Мерзляков—Жуковский—Тургенев), то около 20 декабря 1800 г. произошел разговор о путях развития русской поэзии, разделивший дружеский кружок на два лагеря. Пробным камнем явилось отношение к Карамзину.

Зафиксированные в дневнике Андрея Тургенева споры легли в основу речей последнего в «Дружеском литературном обществе». Литературная программа Андрея Тургенева, в том виде, в каком она выступает перед нами по его речам на заседаниях «Дружеского литературного общества», несет отпечаток влияния Мерзлякова, однако, не равняется воззрениям последнего, по целому ряду основных принципов приближаясь к позднейшим высказываниям декабристов.

В основе высказываний Андрея Тургенева — требование «переоценки ценностей», решительное осуждение всей традиции предшествующей и современной ему дворянской литературы. Литература, по мнению Тургенева, должна быть выразителем

¹ Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., Изд. «Русского архива», 1895, стр. 21.

² См. М. Дмитриев, Мелочи из запаса моей памяти, М., 1854, стр. 110—111.

«народного духа», должна быть связана с народом и носить печать национального своеобразия. Отрицательное отношение к дворянской литературной традиции заставляет Андрея Тургенева поставить под сомнение сам факт существования литературы в России.¹

«О русской литературе! — начал Андрей Тургенев одну из своих речей. — Можем ли мы употребить это слово? Не одно ли это пустое название, тогда когда вещи не существует. Есть литература французская, немецкая, английская, но есть ли русская? Читай английских поэтов — ты увидишь дух англичан; тоже и с французскими и немецкими: по произведениям их можно судить о характере их нации. Но что можно узнать о русском народе, читая Ломоносова, Сумарокова, Державина, Хераскова, Карамзина. В одном только Державине очень малые оттенки русского, в прекрасной повести Карамзина «Илья Муромец» также увидишь русское название, русские стопы (у Фомина ошибочно «стоны»). Исправляем по рукописи — Ю. Л.) и больше ничего».²

Подражательной дворянской литературе противопоставляется народное творчество как подлинный выразитель «духа народа»: «Теперь только в одних сказках и песнях находим мы остатки русской литературы, в сих-то драгоценных остатках, а особливо в песнях, находим мы чувство и характер нашего народа () В большей части из них, особливо в печальных, встречается такая пленяющая унылость, такие красоты чувств, которых тщетно стали бы искать в новейших *подражательных* (курсив мой — Ю. Л.) произведениях нашей литературы».³ Однако Тургенев не считает, что простое обращение дворянских писателей к народному творчеству может способствовать появлению «у нас истинно русской литературы». Весьма глубока и плодотворна мысль молодого критика о том, что причина коренится в самом порядке жизни и, следовательно, для оздоровления литературы одних литературных перемен недостаточно. «Для сего нужно, чтобы мы в обычаях и в образе жизни и в характере обратились к русской оригинальности, от которой удаляемся ежедневно .».⁴

¹ Это и некоторые другие положения подсказали исследователям (Фомин и др.) соблазнительную параллель между воззрениями Андрея Тургенева и Белинского в «Литературных мечтаниях». Однако подобное сравнение, при всей его увлекательности и видимой обоснованности, следует признать антиисторичным: Андрей Тургенев стоял у порога литературной программы дворянских революционеров; «Литературные мечтания» — первый шаг на пути формирования революционно-демократической эстетики. Сам же лозунг — «У нас нет литературы!» встречался и до Белинского (Пушкин, Веневитинов и др.) и может быть оценен только в связи со всей позицией того или иного критика.

² А. А. Фомин, Андрей Иванович Тургенев и Андрей Сергеевич Кайсаров, Русский библиофил, 1912, № I, стр. 26.

³ Там же, стр. 26—29.

⁴ Там же, стр. 29.

В центре речи Андрея Тургенева — осуждение литературного направления Карамзина. Упреки, высказанные оратором, весьма показательны, поскольку близко напоминают позднейшую критику карамзинской школы декабристами. Отрицательно оценивается приверженность писателей карамзинской школы к мелочным темам и жанрам, отсутствие оригинальности и национальной самобытности, узкий, аристократический характер творчества, связанный с установкой на «развлекательность» и отказом от общественной тематики. Андрей Тургенев полагает, что в начинающемся столетии «будет более превосходных писателей в мелочах и что виноват в этом Карамзин». И далее: «Скажу откровенно: он более вреден, нежели полезен нашей литературе (. .) Он вреден потому еще более, что пишет в своем роде прекрасно; пусть бы русские продолжали писать хуже и не так интересно, только бы занимались они предметами важнейшими, писали бы оригинальнее». ¹ Карамзину противопоставляется (это интересно, если вспомнить позицию Мерзлякова) Ломоносов, как образец писателя-гражданина. «Мы имели Петра Великого, но такой человек для русской литературы должен быть теперь второй Ломоносов, а не Карамзин. Напитанный русскою оригинальностью, одаренный творческим даром должен дать другой оборот нашей литературе; иначе дерево увянет, покрывшись приятными цветами, но не показав ни широких листьев, ни сочных, питательных плодов». ²

Отрицательно относясь к карамзинской школе, Андрей Тургенев не являлся одновременно и сторонником архаического классицизма. В этой же речи он резко осудил Сумарокова и его литературную школу за то, что они «вместо того, чтобы вникать в характер российского народа, в дух российской древности и потом в частные характеры наших древних героев, вместо того, чтобы показать нам, по крайней мере, на театре что-нибудь великое, важное и притом истинно-русское, нашли, что гораздо легче, изобразив на декорациях вид Москвы и Кремля, заставить действовать каких-то нежных, красноречивых французов, назвав их Труворами и даже Миниными и Пожарскими и пр.» ³

Стремление к народности, критический взгляд на дворянскую культуру — следствие воздействия демократических идей — соединялось у Андрея Тургенева с традицией дворянских тираноборческих настроений, которые в конце XVIII в. были представлены в литературе Княжнинным, в общественной жизни — организациями типа смоленского кружка Каховских и представителем которых в «Дружеском обществе» был в эти годы Воейков. Неслучайно поэтому «новый Ломоносов», которого призывал Тургенев на смену Карамзину в речи «О русской лите-

¹ А. А. Ф о м и н, Андрей Иванович Тургенев и Андрей Сергеевич Кайсаров, Русский библиофил, 1912, № 1 стр. 29.

² Там же, стр. 30.

³ Там же, стр. 26.

ратуре», должен был соединить одическую торжественность стиля с гражданственной, тираноборческой патетикой. В этом отношении характерно выступление Андрея Тургенева, которое оратор посвятил осуждению традиционной торжественной оды, прославляющей деяния царей.

«Отчего поэты, законодатели смертных, изъяснители таинств божества, теперь ничто иное, как подлые любимцы пышности, рабы суетности и тщеславия?»¹ — спрашивал Тургенев. Резко осуждались не только торжественные оды Хераскова и Державина, но даже и Ломоносова. «Смею сказать, что великий Ломоносов, творец Российской поэзии, истощая все свои дарования на похвалы монархам, много потерял для славы своей. Бессмертная муза его должна бы избрать и предметы столь же бессмертные, как она сама в глазах беспристрастного потомства...»² Попытку практически соединить торжественность формы с гражданственностью содержания Андрей Тургенев предпринял в стихотворении «К отечеству», которое является одним из наиболее ярких предвестий декабристской поэзии.¹ Возможно, с пародированием торжественной оды («Не возобновляй, — писал Тургенев в цитированной речи, — ежегодно торжественных песней на день их (царей — Ю. Л.) рождения, тезоименитства, вступления на престол»³) связан отмеченный Рогожиным факт написания Андреем Тургеневым «Оды на день моего рождения». Ода не была одобрена московской цензурой, и текст ее нам неизвестен.⁴

Именно в этой связи следует рассматривать бурное увлечение тираноборческой поэзией молодого Шиллера, пережитое Андреем Тургеневым в это время.

Таковы были творческие установки той группы членов «Общества», которая оказала непосредственное влияние на формирование воззрений Андрея Сергеевича Кайсарова.

При известном отличии в воззрениях Мерзлякова, Андрея Тургенева, Андрея Кайсарова и Воейкова, объединяющим было стремление придать заседаниям политический, общественно-воспитательный характер, отрицательное отношение к карамзинизму и требование перестройки русской литературы на началах народности. Позиция эта встретила сопротивление другой группы членов.

Андрей Тургенев имел все основания утверждать, что споры

¹ Собрание речей л. 72-об.

² Там же, л. 73.

³ См. Ю. Лотман, Стихотворение Андрея Тургенева «К отечеству» и его речь в «Дружеском литературном обществе», Литературное наследство, т. 60, ч. I, стр. 323—338. Аналогичной попыткой являлось создание Мерзляковым цикла переводов из Тиртея.

⁴ Собрание речей л. 73-об.

⁵ Ср. высказывание Андрея Кайсарова о рептильном поэте Годорском, прославляющем Салтыкова: «Наконец сей лунь, во бранях поседельй, на-шел стихотворца, в пьянстве состарившегося, достойно прославляющего его подвиги. Виват нашему просвещению!» (Тургеневский архив, № 50, л. 59-об.)

по вопросам политики «нарушают согласие нашего собрания». ¹ В самом деле, часть членов, разделявшая политико-философские воззрения Карамзина, не замедлила перейти в контрнаступление.

26 января, на следующем после выступления Воейкова заседании, произнес речь Михаил Кайсаров. Если Мерзляков, Андрей Тургенев, Воейков в своих речах привлекли внимание членов «Общества» к насущным вопросам политической и литературной жизни, к патриотическому служению общему благу, то М. Кайсаров с идеалистических позиций утверждал субъективность человеческих представлений, делая из этого вывод о бесцельности всякого рода общественной деятельности. Считая, что «удовольствия существенные в сравнении с теми благами, которыми воображение заставляет нас наслаждаться», не имеют никакой цены, М. Кайсаров отказывался признавать значение общественной деятельности: «Если бы я хотел входить в дальнейшие исследования, если бы хотел коснуться общественных постановлений, коснуться правил религии, тогда стал бы я утверждать систему Беркилаеву, ² который говорит, что все видимое, весь мир, все миры и мы все ничто иное как мечта». ³

Мысли, высказываемые М. Кайсаровым, связаны с широко распространившейся в дворянской литературе тех лет тенденцией. В последние годы XVIII в., столь богатые революционными событиями в России ⁴ и на Западе и, с другой стороны, сопровождавшиеся усилением правительственной реакции, писатели карамзинского направления быстро эволюционировали вправо, в лагерь умеренного консерватизма. Одной из сторон этой эволюции было усиление субъективистских элементов в философии, сближение с агностическими воззрениями кружка А. М. Кутузова 80-х гг. XVIII в. Сближение это четко обозначилось в «Аглае» и в дальнейшем, в годы павловского царствования, окончательно приобрело философскую определенность.

«Как не обманываться, — спрашивал Карамзин в статье «О заблуждениях», — наши понятия несправедливы, мнения неосновательны, знания неверны». ⁵ Подобные рассуждения проходят через все издание. Впечатления человека определяются не объективными свойствами предметов, а субъективным состоянием наблюдателя: «Внутреннее расположение сердца изливается на наружные предметы». ⁶ В записной книжке Карамзина за те же

¹ Собрание речей... л. 41.

² т. е. Беркли.

³ Собрание речей..., л. 35.

⁴ Укажем хотя бы на массовые выступления крестьян в 1796—1797 гг., которые Поздеев в письме Лопухину охарактеризовал, как «готовящийся бунт, весьма похожий на Пугачевский» (М. Де-Пуле, Крестьянское движение при императоре Павле, Русский архив, 1869, т. II, стр. 531).

⁵ О заблуждениях, Пантеон иностранной словесности, 1798, ч. I, стр. 225.

⁶ Ленвиль и Фанни, там же, стр. 157.

годы находим: «Время — это лишь последовательность наших мыслей». ¹

Из подобных предпосылок следовали совершенно определенные общественно-политические выводы. Их высказал Карамзин еще в послании «К Дмитриеву» (1794 г.). Это — убеждение в бессмысленности попытки разумного переустройства мира и отказ от общественной деятельности. Внимание человека должно быть направлено не на объективную действительность, а лишь на внутренние, субъективные переживания. ²

Подобные взгляды не могли встретить сочувствия у людей типа Андрея Тургенева или Мерзлякова, относившихся в это время к позиции Карамзина резко-отрицательно. Тем более декларативный характер приобретало выступление Жуковского 24 февраля 1801 г., пропагандирующее программные принципы Карамзина и пересыпанное цитатами из его произведений. Свое выступление Жуковский начал с пространной цитаты из послания Карамзина «К Дмитриеву». В дальнейшем Жуковский развивал центральные положения предисловия к сб. «Аглая». Достаточно сравнить начало обоих документов.

У Жуковского: «Мы живем в печальном мире и должны — всякой в свою очередь — искать горести, назначенные нам судьбою .».

У Карамзина: «Мы живем в печальном мире, но кто имеет друга, тот пади на колени и благодари! Мы живем в печальном мире, где часто страдает невинность, где гибнет добродетель; но человек имеет утешение — любить — сладкое утешение!»

Ср.: «Мы живем в печальном мире,
Всякой горе испытал,
В бедном рубище, в порфире .» ³

Выступление Жуковского не осталось без ответа. Интересный спор разгорелся вокруг понимания дружбы. Жуковский, с идеалистических позиций, считая жертву основой морали (а за этим стояло убеждение в исконной противоположности общих и частных интересов), отказывался признать дружбой любой союз, не основанный на «бескорыстном» самопожертвовании, отказе от собственных «эгоистических» интересов. «Вы, конечно, согласитесь со мною, — обращался он к членам «Общества», — что человек соединен родством, данным ему от природы, а может быть еще больше своими *собственными выгодами*, (. .) но согласитесь также, что сей союз, сколь впрочем он ни силен, *не может называться именем дружбы* (курсив мой — Ю. Л.)». ⁴

¹ Н. М. Карамзин, Неизданные сочинения и переписка, СПб., 1862. стр. 199 (подлинник на франц. яз.)

² Взгляды Карамзина переживали эволюцию. В данном случае мы имеем в виду лишь его мировоззрение 1793—1801 гг.

³ Н. М. Карамзин, Веселый час, Сочинения, т. I, М., 1803, стр. 35.

⁴ Собрание речей л. 45.

Против этого выступил Мерзляков, придерживавшийся, возможно, не достаточно осознанно, материалистических представлений о пользе как основе морали. «Польза, — говорил он, — тот магнит, который собрал с концов мира рассеянное человечество (. . .) Польза, друзья мои, то существо, которое соединило нас здесь. — Мы одевали его, по обычаю всего света, в разные пышные одеяния, давали ему многообразные имена, поклонялись ему под видом дружбы, под видом братства и проч ¹ Может быть от того самого терял он свою силу. Полно мечтать о будущем! Перестанем искать причину нашей холодности или причину нашей привязанности к собранию в отдаленных облаках, рождаемых воображением нашим — что ж делать? *Надобно раскрыть пользу, которую всякий из нас надеется получить от собрания*» ² (курсив мой — Ю. Л.). Перед нами характерное противоречие. — Там, где Мерзляков стремится теоретически оформить свое бунтарское неприятие действительности, он обращается к Шиллеру (см. ниже) — радищевская последовательность, соединявшая материализм и революционность, ему не по плечу. В борьбе же с карамзинизмом, отрицанием общественного служения, художественным субъективизмом он обращается к аргументам из арсенала материалистической философии XVIII в. Позиция Мерзлякова и Андрея Тургенева в решении философских вопросов расходилась — первый испытал более сильное влияние просветительской философии XVIII в. Однако, разделяемая Жуковским карамзинская проповедь общественной пассивности была одинаково неприемлема и для того, и для другого. Откровенную полемику с Жуковским представляло также выступление Андрея Тургенева, видимо, на заседании 22 марта, ³ прямо направленное на развенчание Карамзина и являющееся продолжением устного спора, засвидетельствованного дневником Андрея Тургенева.

Борьба в «Обществе» усложнилась выступлениями Родзянко. Если Андрей Тургенев считал, что о религии «здесь, по моему мнению, никогда бы упоминать не должно», ⁴ и даже Михаил Кайсаров со скептических позиций выражал сомнение в бессмертии души и загробной жизни, то Родзянко был настроен откровенно-мистически. Об отношении к нему ведущей группы членов свидетельствует высказывание А. Кайсарова в письме Андрею Ивановичу: «Как бы ты думал, о чем мне случилось говорить с Родзянкою? О боге. Он много в[рал] и поэтому он не нашего поля ягода». ⁵

¹ Многогочие в оригинале.

² Собрание речей . л. 53—53-об.

³ О датировке см. А. Фомин, Андрей Иванович Тургенев и Андрей Сергеевич Кайсаров, Русский библиофил, Спб., 1912, № I, стр. 26.

⁴ Собрание речей . л. 41.

⁵ Архив бр. Тургеневых, вып. 2, Спб., 1911, стр. 46. Конъектура В. М. Истрина. Возможно и другое чтение: «в[ерит]».

Не остался в стороне от развернувшейся в «Обществе» борьбы и Андрей Кайсаров.

Дошедший до нас сборник речей сохранил три текста выступлений Андрея Сергеевича Кайсарова на заседаниях «Общества».¹ Тексты речей Кайсарова позволяют проследить, как созревали, определялись его воззрения. Первая речь А. Кайсарова, произнесенная 9 февраля 1801 г., хотя и содержала призыв к готовности «умереть за добродетель», но в общем еще не выходила за рамки отвлеченного рассуждения на моралистическую тему. Вторая речь А. Кайсарова «О том, что мнение о славе зависит от образа воспитания» свидетельствует, что резкие тираноборческие выступления не прошли для него бесследно. Она приобретала особую остроту благодаря тому, что была произнесена 29 марта 1801 г., т. е. вскоре после получения известия из Петербурга об убийстве императора Павла. В этих условиях выпады оратора против тиранов приобретали особый, вполне конкретный смысл. «Если развернуть, любезные друзья, книгу бытий мира, — говорил Кайсаров, — если прочесть имена всех тех, кого свет признает великими, то едва ли не найдем в том числе десятую часть, по справедливости заслуживающих такое имя, едва ли история прочих не будет написана кровию тысяч несчастных жертв, подпавших безумному их честолюбию. И сии-то кровожаждущие тигры почитаются великими».² Весьма любопытна высказанная здесь Кайсаровым точка зрения на литературу. Задача поэзии состоит в воспитании у читателя гражданских чувств. Поэт избирает в истории «высокие» сюжеты, достойные «поревнования» читателей. Таков же подход Кайсарова в эти годы к истории. «Если б историк выводил на сцену одну только истинную добродетель и лестную ее награду, невольным бы образом юноша затверживал имена истинно великие, невольным бы образом возрождался в нем огонь поревнования, который вместе с летами больше и больше согревал кровь его».³ С этим связано идеалистическое преувеличение общественного значения литературы, характерное для гражданского романтизма. Однако с этим же связана проповедь патриотической, воспитательной поэзии. Кайсаров обрушивается на льстивую литературу, прославляющую тиранов, внушающую людям неправильные представления о добре и зле, как на основную причину общественной несправедливости. Желание славы, направляющее, по мнению А. Кайсарова, стремления людей, имело бы иной характер, «если бы поэты не употребляли во зло дара своего, если бы они не

¹ Напомним, что сборник сохранил не все речи, произнесенные в «Обществе», а только выступления «чередных» ораторов, открывавших заседания. Так, например, Андрей Тургенев во время споров об обязанностях «первого члена» упоминал об еще одном выступлении Кайсарова, нам неизвестном.

² Собрание речей... л. 68-об.

³ Там же, л. 69—69-об.

прославляли плачевного разорения целых империй, не прославляли бы того пламени, которым пожжены несчастные жители целых деревень». ¹

В разбираемой нами речи весьма сильно чувствуется влияние Андрея Тургенева, с которым Кайсаров встречался и беседовал ежедневно. Видимо, не случайно, что вслед за речью Кайсарова, нападающей на поэтов, «употребляющих во зло дар свой», Андрей Тургенев произнес речь «О поэзии и о злоупотреблении оной», направленную против заказных восторгов одических поэтов.

Особенно интересна последняя из известных нам речей Кайсарова, в которой он вмешался в разгоревшуюся в «Обществе» полемику между Жуковским и Мерзляковым.

На одном из заседаний «Общества» Жуковский произнес речь «О счастье», в которой с обычных карамзинистских позиций доказывал субъективность любых представлений о счастье и, следовательно, бесполезность стремления к общественным переменам.

Свое выступление Жуковский начал с мрачной картины повсеместного торжества зла: «Куда ни обратишь унылый взор, повсюду видишь слезы, лиющиеся от горести, всюду слышишь укоризны, отчаяние против угнетающего рока». ² Но это вступление нужно оратору только затем, чтобы опровергнуть необходимость общественных перемен. Все, находящееся вне человека, объявляется призрачным. Действительность — «одни фантомы, которых страшный образ приводил меня в трепет и ужасал мое воображение». ³ Человек должен искать свое счастье не в реальных условиях жизни, а «во внутреннем расположении своей души»: «Кто препятствует мне сделать себя независимым от людей, посреди которых рождаются беды и горести, кто препятствует мне, не отделяясь совершенно от мира, отделить от него свое счастье, очертить около себя круг, который бы житейские беды преступить не дерзали; мое счастье во мне, пускай оно во мне и останется, и оно будет едино — несмотря на все превратности, которые принужден буду я испытывать». ⁴ Общий вывод всей речи был таков: страдания людей объясняются не объективными, а субъективными причинами, и, следовательно, именно эти последние и подлежат изменению.

Выступление Жуковского вызвало резкую отповедь Мерзлякова: вскоре после этого он произнес одну из самых заостренных своих речей, в которой, открыто полемизируя с Жуковским, доказывал, что для бесправного и оскорбляемого человека необходимым условием счастья является изменение реального характера его существования. В речи «О трудностях учения»,

¹ Собрание речей... л. 69.

² Там же, л. 83—83-об.

³ Там же, л. 87.

⁴ Там же, л. 86.

повествуя о препятствиях, стоящих на пути стремящегося к знанию разночинца и указав на галломанию, презрение дворянства к России вообще и русской науке в частности, Мерзляков особое внимание обратил на бесправность и материальную необеспеченность талантливых выходцев из народа. «Величайшие гении умирают при самом своем рождении. Бедность, зависть, *образ правления* (курсив мой — Ю. Л.) — все вооружается против него — нельзя вместе думать о науках и о насущном хлебе; молодой человек берется за книгу и видит подле себя голодную мать и умирающих братьев на руках ее (...) Здесь видите вы молодого художника; он не имеет покровителей; блистательные ранние успехи его возбуждают внимание! Зависть от него требует всего того, чего сама не имеет; своенравный вельможа делает раба из его гения».¹

Мерзляков пошел в этой речи дальше, чем обычно, высказавшись не только против дворянского презрения к национальной культуре и беззащитного положения художника-разночинца, но и указав на «образ правления» как причину слабых успехов искусств. Далее он разъяснил свою мысль еще более определенно: «Я не хочу говорить о правлении: еще лежат на российском пегасе тяжелые камни, не позволяющие ему возвыситься». Смысл последних высказываний раскрывается из сравнения со статьей Мерзлякова «О духе, отличительных свойствах поэзии первобытной .», в которой он ставит успехи античного искусства в зависимость от республиканского правления древней Греции.²

Речь Мерзлякова кончалась пессимистической оценкой положения человека науки в России. «Сказать по правде, мы живем в такое время, что плод, сорванный с дерева просвещения, слишком стал невкусен. Что ныне героизм? Что добродетель? Приобретай ее потом, кровию и жизнью и после за то, что приобрел ее, плати также потом, кровию и жизнью».³

Весь ход рассуждений Мерзлякова был объективно противоположен идеалистической концепции Жуковского, однако, оратор вступил и в прямую полемику с последним. «Скажут мне, что он (угнетенный бедностью гений — Ю. Л.) *может находить сам в себе утешение* (курсив мой — Ю. Л.). Бедное утешение пресмыкаться между тысячью сомнений, находить везде мертвую ужасную толпу, которая убивает душу, видеть повсюду предрассудки (...) Бедное утешение знать свою цену и унижаться перед нестоящими».⁴

Выступление Мерзлякова, явно полемичное против одного из важнейших принципов мировоззрения карамзинистов, вызвало

¹ Собрание речей ., л. 106.

² А. Ф. Мерзляков, О духе, отличительных свойствах поэзии первобытной и о влиянии, которое имела она на нравы, на благополучие народов. В публичном собрании Имп. Московского университета июня 30 дня 1808 г., М., б. д., стр. 16.

³ Собрание речей . л. 106-об.

⁴ Там же.

отпор со стороны единомышленников Жуковского. Свою солидарность с последним в полемически заостренной форме выразил Александр Тургенев в речи «О том, что люди по большей части сами виновники своих несчастий и неудовольствий, случающихся в жизни». «Человек, ежели ты несчастлив, обвиняй самого себя», — говорил Жуковский.¹ «Кто источник зла, разлитого во вселенной?» — спрашивал Александр Тургенев и отвечал: «Ты сам, в тебе источник зла, испорченная воля твоя, *твое воображение* (курсив мой — Ю. Л.)».²

Андрей Кайсаров не остался в стороне от разгоревшейся и принявшей принципиальный характер полемики. Произнесенная А. Кайсаровым 1 июня речь имела явный характер защиты Мерзлякова. Тема и заглавие ее, видимо, определены направлением прений вокруг выступления последнего. Резкое осуждение окружающего, мрачный тон и пессимистическая концовка речи Мерзлякова, видимо, навлекли на него обвинение в «мизантропии». Это, по всей вероятности, обусловило заглавие речи А. Кайсарова «О том, что мизантропов несправедливо почитают бесчеловечными». Несправедливость, считает Кайсаров, не есть субъективное представление, рождающееся в «сердце желчного человека», и, следовательно, осуждение действительности есть признак любви, а не ненависти к людям. Мизантроп «родился с нежным сердцем, был готов любить ближних, как братьев своих, но видя там угнетенную невинность, там достоинство ненагражденное, видя добродетель стнящую под тяжкими цепями тиранства, гения от нищеты умирающего (намек на содержание речи Мерзлякова — Ю. Л.), одним словом, видя все ужасы, какие только может производить злоба людей — он начинает опасаться их».³ Выступление А. Кайсарова, вероятно, было поддержано Андреем Тургеневым. По крайней мере, в его бумагах этих лет мы находим черновой отрывок стихотворения, и по теме, и по ходу мысли совпадающего с речью Кайсарова. Не лишено вероятности предположение, что Андрей Тургенев читал его на том же заседании.

«Ты добр! Но пред тобой несчастный, угнетенный,
Невинный к небесам возносит тяжкой стон,
Злодей, и в почести, и в знатность облеченный,
Сияющий в крестах, и веру, и закон
В орудие злодейств своих преобращает.
Нет правосудия, защиты нет нигде,
Земные боги спят в беспечности
И самый гром небес на время умолкает.
Ищи же счастья здесь, о добрый друг людей,

¹ Собрание речей л. 84.

² Там же, л. 115-об.

³ Там же, л. 119-об.-120.

Ищи его себе.¹

Рассмотренный нами спор имел большое принципиальное значение — он выработывал характер отношения начинающих писателей к действительности. В юношеских спорах определялись основные тенденции мировоззрения — уход от действительности в мир субъективных переживаний у Жуковского и активное, критическое отношение к окружающему у Андрея Тургенева и Андрея Кайсарова.

Вся история полемики в «Дружеском литературном обществе» вокруг творческих принципов Карамзина объясняет смысл написанного Андреем Кайсаровым литературного памфлета «Свадьба Карамзина».² Созданный в 1801 г. по поводу женитьбы Карамзина на Елизавете Ивановне Протасовой, памфлет этот высмеивал литературные принципы карамзинизма путем пародийного их снижения. Весь отрывок составлен из переделок или прямых цитат, извлеченных из произведений Карамзина. Комический эффект достигался при помощи конкретизации условно-перифрастических оборотов из произведений Карамзина в конкретно-бытовом плане. Условный авторский образ лирики Карамзина снижался сопоставлением с биографически известной всему кружку и вполне реальной личностью самого писателя. Например:

«По окончании же слова жрец спросил: «Кроткий юноша! Хочешь ли ты соединить свою судьбу с судьбой этой девицы». На что К(арамзин) отвечал:

«Чином я не генерал
И богатства не имею,
Но любить тебя умею»

Ср. с текстом Карамзина:

«Лизе суженый сказал:
Чином я не генерал. .» и т. д.

Подстановка на место абстрактного образа «суженого» самого автора придавала всему стихотворению комический смысл. Это был тот же прием осмеяния карамзинских штампов при помощи сравнения их с реальными фактами действительности, который в социально значительно более заостренной форме использовал еще Крылов в «Каибе».

Далее Кайсаров составил из материала карамзинских цитат церковную службу, причем, видимо, не случайно, использовал именно те программные высказывания Карамзина, которые про-

¹ Архив В. А. Жуковского, оп. 2, № 330, листы не нумерованы. Рукопись представляет необработанный черновой набросок. Седьмой стих обрывается авторским многоточием.

² Свадьба Карамзина, опубликована А. Д. Галаховым по рукописной копии начала XIX в. в «Русской старине», 1876, сентябрь, стр. 176—181, а по автографу — А. Фоминым в «Русском библиофиле», 1912, январь, стр. 29—37.

пагандировал Жуковский на заседании «Дружеского литературного общества». Соединение карамзинских оборотов с славянизмами церковной службы носило также пародийный характер: «Абие малая ектения, Грации приносят со слезами чашу чувствительности».

«По сем жрец ведет их вокруг жертвенника и поет настоящие тропари, а за ним и оба лика».

По своему характеру «Свадьба Карамзина» должна быть сопоставлена с близким в хронологическом отношении произведением — «Новым Стерном» Шаховского. Она закономерно возникла на почве критики карамзинизма частью членов «Дружеского литературного общества».

Памфлет Кайсарова пользовался популярностью. Андрей Тургенев писал автору из Петербурга: «Забыл было написать тебе, в какой здесь *voque* «Свадьба К.». В коллегии при мне два человека о ней поссорились, за то, что один обещал им дать ее списать и всякой хотел иметь прежде. Ей, ей так».¹

Еще до отъезда Андрея Ивановича в Петербург друзья распространяли произведение в Москве. Кайсаров писал в записке Андрею Ивановичу: «Попроси у Александра «Свадьбу К.» и пришли пожалуйста. Она мне очень нужна, просит Магницкий».² Рукопись все время была на руках, и поймать ее даже автору было трудно. В другой записке Кайсаров замечает: «О свадьбе К (арамзина) — третий раз прошу».³

Возглавленная Андреем Тургеневым группа членов «Общества» играла в нем руководящую роль. Несмотря на сопротивление Жуковского, Александра Тургенева и мистически настроенного С. Родзянко, характер заседаний определялся не их воззрениями, а гражданственно-патриотической программой Андрея Тургенева, Мерзлякова и Андрея Кайсарова. Особенно ярко это проявилось во время торжественного заседания, посвященного отечеству. Пункт III «Законов» «Общества» предусматривал, что «всякие три месяца должны быть экстраординарные собрания или торжества. Каждый из сих праздников может носить на себе особенное имя — иной посвящается отечеству, другой которой-нибудь из добродетелей, третий напр. поэзии».⁴

Речи, произносимые на торжественных заседаниях, не попали в тетрадь, хранящуюся в Тургеневском архиве, и остались нам неизвестны. В настоящее время мы можем установить только одно заседание — посвященное отечеству. Долгое время единственным источником наших знаний об этом событии являлась выдержка из письма Андрея Тургенева: «Вспомните этот холодный еще сумрачный апрельский день и нас в развалившемся

¹ Тургеневский архив, № 840.

² Там же, № 50, л. 184-об.

³ Там же, л. 188.

⁴ Сб. Общ. Любителей Российской словесности на 1891 г., М., 1891, стр. 10.

доме, окруженном садом и прудами. Вспомните гимн Кайсарова,¹ стихи Мерзлякова, вспомните себя и, если хотите, и речь мою».²

А, между тем, участники «Общества» неизменно обращались к этому торжеству как к наиболее яркой странице в истории дружеского объединения. В речи на последнем заседании, подводя итог деятельности «Общества», Андрей Тургенев из всех встреч выделил именно эту. «Неужели, — говорил он, — когда-нибудь забудем мы тот радостный день, в который детскими руками сыпали мы на алтарь отечества нежные цветы усердия, любви и преданности».³

Цитированное письмо Андрея Тургенева передает общую атмосферу заседания. Характерно, что с чтением речей и стихотворений на нем выступали представители только одного крыла: Мерзляков, А. Кайсаров и Андрей Тургенев. Гимн Кайсарова, к сожалению, не сохранился, стихотворение Мерзлякова, — вероятно, «Слава». Считавшаяся же утерянной речь Андрея Тургенева обнаружена нами в архиве Жуковского в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. Знакомство с ней позволяет восстановить восторженную гражданственно-патриотическую атмосферу, царившую в торжественном собрании. Пламенная проповедь любви к родине сливалась у Андрея Тургенева с политическим вольномыслием. Патриотизм Андрея Тургенева был окрашен в свободололюбивые тона. «Не им ли, — вопрошал оратор, — одушевлены были величайшие герои древности, которых память, и поныне для нас священная, подобно чистому пламени воспламеняет нас к великим делам, заставляет презирать смерть, дабы или же здесь же сделать отечество свое благополучным, или в небесах найти другое отечество».⁴

Речь Андрея Тургенева по своему идейному содержанию неразрывно связана с стихотворением «К отечеству». Пафос гражданственного служения отечеству пронизывает стихотворение:

Погибель за тебя (отечество — Ю. Л.) — блаженство,
И смерть — бессмертие для нас».⁵

Идейная зрелость оратора проявилась в активно-свободолюбивом понимании патриотизма. Служение родине последовательно противопоставляется служению царям. Обращаясь к отечеству, Андрей Тургенев говорил: «О ты, пред которым в сии минуты благоговеют сердца наши в восторге радости! Цари хотят, чтоб

¹ Это произведение нам неизвестно.

² В. Истрин, Дружеское литературное общество, ЖМНП, 1919, № 8, стр. 277.

³ Архив В. А. Жуковского, оп. 2, № 326, л. 6.

⁴ Цит. по «Литературному наследству», т. 60, ч. I, стр. 334.

⁵ Ранняя редакция этого стихотворения была опубликована без подписи в сборнике сочинений учащихся университетского пансиона «Разговоры о физических и нравственных предметах», М., 1800. Книга была издана Баккаревичем (на титульном листе не указано).

пред ними пресмыкались во прахе рабы, пусть ползают пред ними лстыцы с мертвою душою, здесь пред тобою стоят сыны твои! Благослови все предприятия их! Внимай нашим священным клятвам! Мы будем жить для твоего блага; ты может быть забудешь, оставишь детей, но дети твои никогда, нигде тебя не забудут». ¹

Споры в «Дружеском литературном обществе» обусловили быстрое идейное созревание Андрея Тургенева, Мерзлякова и Андрея Кайсарова. Уже к 1800 г. воззрения друзей нельзя охарактеризовать иначе, как антиправительственные, проникнутые тираноборческими настроениями. Документы сохранили ряд направленных против деспотизма высказываний, прямо соотносимых с конкретными фактами русской жизни. В дневнике Андрея Тургенева уже в ноябре 1799 г. находим следующую запись: «Утро сегодня довольно приятное; идучи в архив, попалась мне крестьянка на извозчике. Ее окружала толпа народу. Она выла по обыкновению крестьянских баб. Ее спросили, и она с воем же сказала, что у ней отдают в солдаты мужа и что остается трое детей. Я был очень тронут. — Царь народа русского! Сколько горьких слез, сколько крови на душе твоей». Характерно, что первоначально было более абстрактно: «Цари, цари, сколько горьких слез на душе вашей». ² А приблизительно через год, 3-го октября 1801 г., он записал в дневнике: «Россия, Россия, дражайшее мое отечество, слезами кровавыми оплакиваю тебя; тридцать миллионов по тебе рыдают! Но пусть они рыдают и терзаются! От этого услаждаются два человека, их утучняет кровавый пот их; их утучняют горькие слезы их; они услаждаются; на что им заботиться!

Но если этот бесчисленный угнетенный народ, над которым вы так дерзко, так бесстыдно, так бесчеловечно ругаетесь, если он будет действовать так, как он мыслит и чувствует, Вы, ты и

¹ Литературное наследство, т. 60, ч. I, стр. 336. Для характеристики настроений ведущей группы «Общества» в этот период любопытен незавершенный черновой набросок стихотворения Андрея Тургенева, также отмеченный печатью активного свободолюбия. (Архив Жуковского в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, оп. 2, № 330), знаком [] отмечено зачеркнутое.

В начале — набросок плана:

«Что [превосходнее милости]

К царям

Но друзья! Какая бы ни была судьба наша — будем тверды.»

Далее идет набросок строфы, раскрывающей тему героической гибели и бессмертия в памяти потомства:

«Сойдем во гроб — но светлый луч,

Сквозь мрак проникнув грозных туч,

Для нас над гробом воссияет.»

[вариант: «Умрем, сойдем без трепета во гроб.»]

Далее идут стихи:

«Умолкните на время стоны

Несчастных, горьких матерей.»

[вариант: «Умолкли стоны и на лицах.»]

² Тургеневский архив, № 271, л. 5.

бесчеловечная, сладострастная жена твоя, вы будете первыми жертвами! Вы бы могли облегчить его участь и это бы ничего вам не стоило! И при всем этом вы могли этого не хотеть». Далее в рукописи следует строка выразительных многоточий, не могущая, однако, завуалировать смысла последующего, которое нельзя истолковать иначе, как в связи с идеей тираноубийства: «Тебя наградят благословения миллионов. Тебя наградит совесть, которая тогда пробудится¹ для того, чтобы хвалить. Отважься! Достигай этой награды!». ² Зная отношение Андрея Тургенева к Павлу I, а также и отношение его друзей по «Обществу» (Воейков, Мерзляков, Кайсаров) к царствующему императору, невозможно предположить, что «ты» до многоточия и после относятся к одному лицу. Осенью 1801 г. у Андрея Тургенева уже не было никаких иллюзий относительно подлинного характера правительственного курса.

Одновременно с политическим свободомыслием зрело и философское. Летом 1801 г. Андрей Тургенев записал в дневнике: «Боже мой! Перемени сердце мое. — Нет в сердце моем и веры пламенной». ³ Параллельно в сознании друзей вырабатывалась мысль о том, что главная задача — не в исправлении своего собственного сердца, а в решении общественных вопросов. Так, рецензируя стихотворение Андрея Тургенева «С(ергею) И(вановичу) П(лещееву)», А. Кайсаров против строк:

Кто ум свой, просвещенье
К тому лишь устремляет,
Чтобы удобрить сердце»,

написал: «Свое или других? Это темно. Если свое, то мало. Это нехорошо». ⁴ В сознание ведущей группы деятелей «Общества» входила идея внесловной ценности человеческой личности. Не случайно Андрей Тургенев в своем дневнике записал: «Хочу презирать богатство, чины». ⁵ В бумагах Андрея Тургенева находим характерные выписки из Дидро и Мармонтеля, направленные против трагедии классицизма именно с позиций утверждения буржуазного идеала свободной от феодальных пут личности простого, обыкновенного человека как высшей исторической ценности. «Имена государей и героев могут придать пиесе пышности и величества, но к трогательности они ни мало не способствуют. Несчастия тех, которых обстоятельства имеют сходство с нашими, натурально более проникают наше сердце, и если сожалеем о царях, то сожалеем о них как о человеках: если такое звание может сделать их несчастье важнее, но, вероятно, не интереснее. Пусть сплетена с ними судьба целого народа, наша симпатия

¹ После «пробудится» в рукописи описка: второй раз «тогда».

² Тургеневский архив, № 271, л. 73 об. — л. 74.

³ Там же, л. 64-об.

⁴ Архив В. А. Жуковского, оп. 2. № 329.

⁵ Тургеневский архив, № 271, л. 74-об.

(сострашие) требует одного особого предмета, и целое государство есть для наших чувств понятие слишком отвлеченное».

«Думать, — говорит Мармонтель, — что для природы нужны высокие титулы, чтобы трогать и потрясать наше сердце, — значит не знать ее, значит оскорблять сердце человеческого. Священные имена друга, отца, любезного супруга, сына, матери и вообще человека гораздо трогательнее всех прочих, права их непременны и вечны. На что мне знать, чин, фамилию, породу несчастного, которого снисходительность к недостойным друзьям и худые примеры завели в игру (имеется в виду Беверлей — Ю. Л.)».¹

В 1802 г. Пнин написал «Вопль невинности, отвергаемой законами»² Аналогичный замысел, — весьма характерный показатель влияния идей просветительской философии, — возник у Андрея Тургенева еще летом 1801 г. В дневнике 2-го июля он записал: «Несколько времени как пришла мне мысль написать послание побочного сына к отцу его. () Видал его в кругу вельмож, в пышности: между тем безвестный, но честный гражданин». Дальнейшая запись, видимо, представляет план продолжения стихотворения: «Сын законный — Возвращение нежности (фр.) — счастье в одной природе».³ В связи с этим характерно увлечение Руссо, не в том поверхностном истолковании, проявлявшемся в интересе к культуре чувствительности, которое было весьма обычным в ту эпоху, а при ясном понимании освободительного значения его идей. Письма и дневники членов дружеского кружка позволяют установить не только знакомство с «Эмилем» и «Новой Элоизой»,⁴ но и увлечение «Общественным договором».⁵

Широкое усвоение антифеодальных, демократических (т. е. буржуазных) идей Андреем Тургеневым и Андреем Кайсаровым неопровержимо. Однако, необходимо отметить и другое: далеко не всё в сумме антифеодальных идей XVIII в. оказалось им доступным. Дело не только в том очевидном факте, что радищев-

¹ Архив В. А. Жуковского, оп. № 2, № 320.

² См. В. Н. Орлов, Русские просветители 1790—1800-х годов, Гослитиздат, 1950, стр. 117—125.

³ Тургеневский архив, № 272, л. 9.

⁴ «Эмиль» упоминается неоднократно. «Новую Элоизу» Андрей Тургенев собирался переводить. «На той неделе надо взяться на Элоизу», — писал он Жуковскому из Петербурга (письмо без даты, видимо, 1802 г., Тургеневский архив, № 4759). Несколько позже: «Душа моя пуста, голова тоже, я в рассеянии и во все время, как здесь, больше ничего не делал, как только прочел «Новую Элоизу» (там же). В дневнике 1801 г.: «Новая Элоиза» будет моим Code de morale во всем, в любви, в добродетели, в должностях общественной и частной жизни» (Тургеневский архив, № 272, л. 4-об.).

⁵ В письме Жуковскому: «Я занемог лихорадкой не на шутку и намерен лечиться у одной природы, наблюдая диету по Руссовому предписанию. Мы еще не читаем «Новой Элоизы», а Contrat Social, который почти весь перевел П(етр) С(ерегевич Кайсаров?)». Тургеневский архив, № 4759.

ская постановка вопроса о народной революции была от них бесконечно далека, но и в недоступности даже для передовых деятелей дворянского лагеря, испытавших сильное влияние идей равенства и свободы людей, той материалистической философии, которая составляла основу подобных представлений. На освободительное значение материалистических учений XVIII в. указывалось неоднократно. Но именно эта сторона оказалась чужда формирующейся системе идей ведущей группы «Дружеского литературного общества». Этика материалистов XVIII в. ими воспринималась как проповедь эгоизма. Борьба за удовлетворение материальных нужд человека, за его право на земное счастье часто заменяется идеей бескорыстного подвига, преодолением личного эгоизма. Стремление человека к *своей* свободе, как разъединяющее (с их точки зрения) людей, порой даже заменялось такими понятиями, как «энтузиазм», «всеобщая гармония», «деятельность», которые должны помочь всечеловеческому объединению людей. Борьба же за реальную свободу порой вытеснялась понятием «внутренней свободы» — независимости духа человека от деспотизма внешних условий. Возникает идеал бескорыстного героизма, активности, гражданского самопожертвования. В своем венском дневнике Андрей Тургенев записал: «Деятельность, кажется, выше самой свободы. Ибо что такое свобода. Деятельность придает ей всю цену. Иначе она будет в тягость. И можно ли отнять свободу у ума и души человеческой». ¹

Права человека будут добыты не ценой кровавой борьбы, а путем всеобщего братского примирения людей:

«Мечь, прощеньем усладися,

Руку, падший брат, прими,

Человечество, проснися,

И права свои возьми», — писал Мерзляков в стихотворении «Слава». ²

Демократический идеал свободной, полноправной, ярко проявляющейся личности (ср. самохарактеристику Андрея Тургенева: «союз добрых, здоровых, веселых молодых людей, чувствующих цену жизни, наслаждающихся жизнью»). ³ соединяясь с романтическим представлением об извечной противоположности личности и толпы, ложится в основу характеристики поэта как гениального безумца. Андрей Тургенев пишет: «Вчера был в концерте [.] видел сумасшедшего Дица! Сумасшедшего! Что такое сумасшествие! Может быть, сумасшествие *человека* делает торжество *артиста* (курсив оригинала — Ю. Л.). Что ж это. Разберите, психологи! Это достойно, очень достойно внимания! Нет, можно ли сметь называть это сумасшествием, когда от тех же причин, вероятно, он величайший человек в музыке. Его су-

¹ Тургеневский архив, № 1239, л. 10.

² А. Ф. Мерзляков, Стихотворения, М., 1867, ч. 1, стр. 216.

³ Тургеневский архив, № 4759. Записка Жуковскому, видимо, 1800 г.

масшестве есть созерцание совершенства гармонии, его сумашестве выше ума умных, рассудительных людей!»¹

Таким образом, комплекс антифеодалных идей XVIII в. не прямо воспринимался, а сложно преломлялся в сознании людей поколения Андрея Тургенева.

Образцом поэзии «высокой», вдохновенной, «важной» и одновременно свободолюбивой для Андрея Тургенева, Мерзлякова, Андрея Кайсарова был Шиллер. Увлечение бунтарской поэзией молодого Шиллера, его драмами «Разбойники», «Коварство и любовь», «Заговор Фиеско», «Дон Карлос» приобретало характер пламенного поклонения. Шиллер противопоставляется карамзинизму. «Что ни говори истощенный Кар(амзин), — записывал Андрей Тургенев в дневнике осенью 1799 г., — но, как ни зрела душа его, он не Шиллер!»²

Открывая 19 января 1801 г. «Дружеское литературное общество», Мерзляков начал речь с чтения по-немецки гимна Шиллера «К радости». В дневнике Андрея Тургенева читаем: «Из всех писателей я обязан Шиллеру *величайшими* (курсив оригинала — Ю. Л.) наслаждениями ума и сердца. Не помню, чтобы я что-нибудь читал с таким восторгом, как Sab(ale) u(nd)Liebe в первый раз и ничья философия так меня не услаждает () А песнь к радости как на меня подействовала в I-ый раз, этого я никогда не забуду».³ Особенное сочувствие

¹ Тургеневский архив, № 272, л. 39.

² Архив бр. Тургеневых, № 271, л. 11. Это противопоставление было устойчивым. Андрей Кайсаров в письме Андрею Тургеневу в Петербург писал: «Что тебе сказать про Москву? Все в ней по-старому. Максим Иванов (Невзоров) по-старому бранит Шиллера, Карамзин по-старому любит соловьев и малиновок, что ты можешь видеть в его Пантеоне в статье о Никоне. Казалось уж тут-то бы всего меньше шло приклеить его птичье сентименты». (Архив бр. Тургеневых, № 50, л. 145).

³ Там же, № 272, л. 14-об. Ср. в более раннем дневнике (1799 г.): «Почитавши стихов Göthe в Schillers Musensalmanach принялся опять за его Вертера. Какое чувство! Точно как будто бы из неприятной, пустой, холодной, чужой земли приехал я на милую Родину. Опять Göthe, Göthe, пред которым надобно пасть на колени; опять тот же великой, любезной, важной — одним словом Göthe, каков он должен быть. Какой жар, сила, чувство натуры; как питательно, сильно, интересно! Göthe, Schiller!!! То же и после эпиграмм Шиллер(а) приняться за его Карлоса, Разб(ойников), Sab(ale) u(nd)Liebe» (Архив бр. Тургеневых, № 271, л. 14); «Klage der Ceres — прекрасная пьеса» (там же, л. 11) Вместе с Мерзляковым Тургенев переводит «Коварство и любовь»: «Сегодня (9. III. 1800 — Ю. Л.) поутру, сидя у Мерзлякова, услышал я, что Шушерин приехал, и что театр отдан актерам; и мы решились не оставлять Sab(ale) u(nd)Liebe» (там же, л. 51-об.), хочет перевести «Дона Карлоса» (там же, л. 70-об.). Отлучившись летом 1799 г. из Москвы в Симбирск, он пишет с дороги Жуковскому и Мерзлякову письмо, в котором призывает Жуковского «переводить прилежно» сцены из «Дона Карлоса» и спрашивает, «не переведет ли от досуга Мерзляков той сцены, где Поза говорит с Королем», добавляя — «а я все устраиваю свою Sabale und Liebe» (Архив бр. Тургеневых, № 4759). Вероятно, был осуществлен перевод «Гимна радости» — в письме в Москву из Петербурга накануне отъезда Тургенева в Вену читаем: «А ргрос: сейчас слышу, что Мерзл(яков) послал ко мне критику на «Ра-

вызывает бунтарство Карла Моора. В дневнике Андрея Тургенева находим характерную запись: «Нет, ни в какой французской трагедии не найду я того, что нахожу в Разбойниках». Тургенев готов вскричать К. Моору: «брат мой! Я чувствовал в нем совершенно себя!»¹ С Мерзляковым он спорил о «разбойничьем чувстве». Андрей Кайсаров в недатированной записке Андрею Тургеневу, которыми обменивались друзья, живя в Москве, писал: «Ну, брат, прочел я Разбойников. Что это за пьеса? Случилось мне последний акт читать за обедом, совсем пропал на ту пору у меня аппетит к еде, кусок в горло не шел и волосы становились дыбом. Хват был покойник Карл Максимилианович!»²

Шиллер воспринимался, как певец попорченной человеческой свободы и прав личности. Услышав от Андрея Кайсарова об издевательствах командира над унтер-офицером, вынужденным молча смотреть на бесчестие собственной жены, Андрей Тургенев видит в этом частный случай издевательства над человеком (в унтер-офицере его привлекает противоречие между рабским положением и сердечной добротой) и записывает в дневнике рассказ Андрея Кайсарова о том, что «у них есть унтер-офицер, который имеет распутную жену, и, когда его спрашивают, где она, то он приходит в бешенство и говорит, что если бы не была она брюхата, то он бы зарезал ее, что если она, родивши ребенка, не исправится, то он ее зарежет; половину бы жизни своей отдал, говорит он, если бы она исправилась». Смысл беседы разъясняется дальнейшим комментарием А. Тургенева, увидевшего в унтер-офицере поруганное человеческое достоинство и кипящую, благородную, но угнетенную рабством душу. «К этому характеру присоедини романтическое разгоряченное воображение, жену перемени в Луизу и не выйдет ли Фердинанд? Это достойно внимания. Этот унтер-офицер разжалован в солдаты. За что? К нему приходит офицер, который живет с ним вместе, велит жене его, лежащей с своим мужем, идти спать с ним, и муж! Этот муж, должен молчать! Пусть это молчание описывает один Шиллер, один автор «Разбойников» и «*Sabale und Liebe*!» И если бы он в этом терзательном, снедающем, адском молчании заколол его! Мог ли бы кто-нибудь, мог ли бы сам бог обвинить его? Молчать! Запереть весь пламень клокочущей геены в своем дость», но скажи, брат, что я к великому сожалению не получал ее. Как бы я ей порадовался!» (Там же).

¹ Архив бр. Тургеневых, № 271, л. 56-об.

² Там же, № 50, л. 192-об. Ср. в письме Андрею Тургеневу от 5 декабря 1801 г.: «. . . Еще желал бы слышать Карла Моора, говорящего: *Meine Unschuld! Meine Unschuld!* И еще: *Sie liebt mich, sie liebt mich!* Желал бы видеть один раз «Разбойников» и отказался бы от театра! Никогда, кажется мне, нельзя сыграть в совершенстве этой пьесы. Я б умер покойно, увидев ее. Ныне отпускаешь раба твоего с миром! — воскликнул бы я. Поверишь ли, что я не только говорить с кем-нибудь, но даже один думать не могу об ней без какого-то величайшего волнения в крови. Прекрасно!» (Там же, л. 48-об.).

сердце, скрежетать зубами как в аду, смотреть, видеть все и — молчать. Быть мучиму побоями, быть разжаловану по оклеветаниям этого же офицера! Дух Карла Моора! И в этом состоянии *раба, раба* (курсив оригинала — Ю. Л.), удрученного под тяжестью рабства, — какое сердце, какая нежность, какие чувства! «Зарезал бы — и отдал бы половину жизни своей, если бы она исправилась!» Какое сердце! Если бы Шиллер, тот Шиллер, которого я называю моим Шиллером, описал это молчание во всех обстоятельствах! Это описывать не Вольтеру и не Расину, я чувствую». И далее: «Это огненное, нежное сердце, давимое, терзаемое рукою деспотизма — лишенное всех прав любезнейших и священнейших человечества — деспотизм ругается бесильной его ярости и отнимает у него, отрывает все то, с чем бог соединил его».¹

Таким образом, антифеодальные, демократические идеи XVIII в. воспринимаются ведущей группой «Дружеского литературного общества» не в их непосредственном, наиболее последовательном варианте, представленном во Франции предреволюционной материалистической философией, в России — Радищевым, а в форме бунтарства и свободомыслия молодых Гете (Мерзляков и Тургенев переводят Вертера, восхищаются «Эгмонтом») и Шиллера. Революционная теория Радищева была неразрывно связана с общими принципами материализма. Не случайно развитие философской мысли Радищева началось с изучения Гельвеция: идея оправданности человеческого эгоизма, права индивидуума на максимальное счастье, которое, в условиях общественно-справедливого строя, обеспечит максимальное счастье и народу — сумме таких индивидуумов — лежит в основе его этики. Материалистическая этика оказалась чужда деятелям «Дружеского литературного общества» Зато им было близко шиллеровское сочетание антифеодального демократического пафоса с осуждением материализма. Последний приравнивается Шиллером к скептицизму и объявляется порождением дряхлого феодального общества. Мысли о том, что «душа наша сгниет вместе с телом», а сущность человека «сводится к кровообращению», вкладываются в уста феодала и тирана Франца Моора. В 1793 г. в статье «О грации и достоинстве» Шиллер сочувственно говорил о том, что Канта не мог «не возмущать грубый материализм в моральных правилах, как подушка, подложенная недостойной услужливостью философов под голову дряблой эпохе».² Положительный идеал воплощен в образе героической личности, наделенной полнотой сил, жаждой деятельности, пафосом социальной справедливости и жертвенной моралью стоического характера. Это республика героев, «рядом с которой и Рим и Спарта пока-

¹ Архив бр. Тургеневых, № 271, л. 24-об. Через несколько дней он записал в дневнике: «А я все думаю об этом молчании» (л. 25).

² Фридрих Шиллер, Статьи по эстетике, вступит. статья Г. Лукача, М.—Л., Academia, 1935, стр. 115.

жуются женскими монастырями» и, вместе с тем, — царство личного бескорыстия, жертвы, самоограничения как основы морали. В этом отношении любопытно, что имена философов-материалистов в сохранившихся дневниках и переписке членов «Общества» почти не упоминаются. В дневнике Андрея Тургенева зафиксирована беседа его с Мерзляковым, где первым дана резко отрицательная характеристика Вольтера.¹

Характерно, однако, что уже в 1803 г. Андрей Тургенев начал охладевать к Шиллеру и интересы его переместились в сторону творчества Шекспира. Отзывы о Шиллере делаются более сдержанными. В письме из Вены Жуковскому он пишет: «Шиллер, которого все еще называю моим Шиллером, хотя и не с таким смелым в пользу его предубеждением».² В феврале 1800 г. он в дневнике признавался: «Зачем я так мало читаю французских книг. Для того, что оне не попадаютя мне, не попадаютя от того, что я их не ишу. Надобно прочесть Расинов и Корнелев театр. Надобно прочесть Mably, Montesquieu».³ А в письме из Петербурга Андрею Кайсарову от 27 февраля 1803 г. он пишет: «Ты, чаю, знаешь, что Шиллеру дано словечко «воп» императором. Важное приобретение. И певец радости мог этому обрадоваться. Вероятно. Я мало теперь читаю немецких книг, но больше занимаюсь французскими».⁴

Однако, не французская литература, а именно Шекспир привлекает Андрея Тургенева в этот период в наибольшей степени. Еще в конце 1799 г. он познакомился с «Королем Лиром» в немецком переводе и был «поражен, остановлен» «великою мыслию». Затем, с немецкого же, перевел Макбета (перевод не сохранился). Позже он познакомился с английским оригиналом этой трагедии и писал Жуковскому: «Отчаяние берет меня, когда я сравню «Макбета» на русском (т. е. свой перевод — Ю. Л.) с «Макбетом» на английском. Какая сила в последнем!»⁵ В Вене он решил переводить «Макбета» заново, уже с подлинника, сравнивая с французским переводом Дюсиса. Одновременно с разочарованием в Шиллере растет интерес к истории. В дневнике он записывает: «Двадцать лет жизни моей не стало! Где искать мне их в истории моей жизни. Двадцать лет я душевно проспал. В последние два года написал элегию; деятельнее ничего не было для моего разума. Что я читал. Коцебу и Шиллера! — Когда буду читать историю».⁶

Увлечение Шекспиром шло параллельно с изменением литературных взглядов. Если прежде герой интересовал Тургенева

¹ «Дерзость, ругательства, эгоизм — главные черты его философии» (Архив бр. Тургеневых, № 271, л. 9-об.).

² Тургеневский архив, № 4759. Письмо от 7/19 янв. 1803 г.

³ Там же, № 271, л. 48-об.

⁴ Там же, № 840.

⁵ Там же, № 4759. Без даты, видимо, конец 1802 г.

⁶ Там же, № 1239. л. 2.

лишь как рупор свободолюбивых идей автора, то теперь его интересует вопрос психологического правдоподобия: «Вчера пришла мне прекрасная мысль. Ненадобно, чтобы греки и римляне (говоря в трагедиях, и не в одних трагедиях) давали вес словам: гражданин, права гражданина, отечество, свобода и пр. Надобно, чтоб это было для них нечто обыкновенное, чтобы они думали, что иначе и быть не может. От того и редко бы поминали о них; но весь ход их действий, всякая их мысль, каждый поступок показывал бы ясно, что они такое и отливал бы, так сказать их *manière d'être en tout sens*». ¹

Ранняя смерть не дала Андрею Тургеневу развить этот новый, чрезвычайно существенный этап его воззрений. Но и сохранившихся материалов достаточно для того, чтобы утверждать, что в лице Андрея Тургенева мы имеем яркого и одаренного литературного деятеля, чья творческая судьба тесным образом связана с возникновением литературной программы декабризма.

Итак, «Дружеское литературное общество» — важный этап в формировании мировоззрения Андрея Сергеевича Кайсарова. Именно в этот период началось оформление политических и общественных идеалов, весьма близко напоминавших ранние стадии формирования декабристской идеологии.

«Дружеское общество» не было дружеским. Открывая торжественное заключительное заседание, ² Андрей Тургенев отметил остроту внутренней полемики, как характерную черту жизни «Общества». Спорящие группировки не сближались, а расходились. В начале заседаний, как указал Тургенев, многие его члены «никогда не думали быть между собою друзьями, чувствовали даже от того и некоторое удаление и *может быть все сие так и осталось*» ³ (курсив мой — Ю. Л.). Правда, последние, выделенные курсивом слова Тургенев поспешил густо зачеркнуть и закончил речь в примирительном духе, но подлинное положение в «Обществе» выражали именно они. Poleмика в «Обществе» не принижает, однако, как это полагал Истрин, а увеличивает его значение — только в борьбе с карамзинизмом могла выработаться литературно-общественная программа дворянской революционности, ранними предшественниками которой были Андрей Иванович Тургенев и Андрей Сергеевич Кайсаров.

¹ Тургеневский архив, л. 15-об.

² Окончательный текст речи не сохранился, черновой — в Архиве Жуковского, оп. 2, № 324, л. 4—6.

³ Архив Жуковского, оп. 2, № 324, л. 4-об.

Глава II.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ КАЙСАРОВА. ДИССЕРТАЦИЯ «О НЕОБХОДИМОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ РАБОВ В РОССИИ».

Итогами идейного воспитания А. Кайсарова в «Дружеском литературном обществе» явились, как мы видели, во-первых, рост свободолобивых настроений, усиление политического протеста и, во-вторых, — критика идейно-литературной позиции Карамзина.

Одним из важнейших упреков, адресуемых Карамзину, было обвинение в отсутствии народности. Уже сама постановка этого вопроса указывала на степень зрелости молодых противников признанного руководителя дворянской литературы. Однако, для того, чтобы противопоставить карамзинскому направлению свою точку зрения, необходимо было иметь значительно более основательное представление о народе. Тема народа, его характера и условий его существования становится основным «пафосом» дальнейшей деятельности Андрея Кайсарова. Если мысль о мятежной романтической индивидуальности, протест, даже самый резкий, против тиранического угнетения личности (в сфере реальной политики адекватом этого являлось требование политической свободы для дворянской интеллигенции, в конечном итоге — конституции) возможны были с позиций дворянского мировоззрения и не выходили за рамки дворянского либерализма (даже при таких острых, на первый взгляд, «бунтарских» формах выражения, какие он, например, находил в 20 г. XIX в. у кн. П. А. Вяземского), то постановка вопроса о народе и в области политики, и в области эстетики являлась пробным камнем формирования нового, противостоящего дворянскому либерализму явления, — дворянской революционности. Чтобы данная тема могла быть поставлена с той степенью остроты, которая необходима для возникновения столь эпохального явления в истории общественной мысли русского дворянства, потребовалось неповторимое стечение обстоятельств, главнейшим в цепи которых явилась Отечественная война 1812 г. Однако, как мы видели, воздействие демократических идей на дворянскую интеллиген-

цию — неизбежное следствие острой классовой борьбы — наблюдалось и ранее, и это составляло ту реальную идеологическую почву, на которой в дальнейшем вырос декабризм.

Вопрос народа встал перед Андреем Сергеевичем Кайсаровым в эти годы в двух аспектах: с точки зрения изучения социальных условий существования народа, с одной стороны, и с точки зрения национального характера народа, — с другой. Первое привело к известной антикрепостнической диссертации, второе послужило основой трудов Кайсарова как фольклориста, историка и слависта.

В июне 1802 г. Андрей Сергеевич Кайсаров вместе с Александром Ивановичем Тургеневым и группой студентов Московского университета выехал из Москвы. Будущим геттингенским студентам предстоял долгий путь: Можайск, Гжатск, Смоленск, Минск, Гродно, Варшава, Лейпциг. 24 сентября они были в Геттингене.

В жизни Андрея Кайсарова начался новый период — время упорной работы по расширению своего научного горизонта.¹ Первоначально, как отмечал еще акад. Истрин, ни Кайсаров, ни Ал. Тургенев не имели достаточно ясного представления о ходе будущих занятий. Планы их не выходили за пределы уже вошедшего в обычаи дворянской молодежи путешествия по Европе, в котором специальная научная подготовка не занимала сколько-либо значительного места. «Ты спрашиваешь меня, любезный Андрей Иванович, — пишет Кайсаров Тургеневу в Вену, — что буду делать я в то время, как Александр Иванович будет занят в Геттингене своим курсом? В это время я тоже думаю кой-чем заняться, хотя сомневаюсь, чтобы мог в чем-нибудь довольно успеть () Чудо будет, если выеду на Русь хотя с лишним золотником против того, каков из нее выехал». В другом письме он сообщает о желании съездить: «в Вену, в Париж, в мою милую Швейцарию и в Англию»², а также в Италию и даже в Пенсильванию.

Даже приступив к занятиям, Кайсаров сохранил еще обычное для дворянского дилетанта предубеждение против профессиональной научно-преподавательской деятельности: «Учились мы не для кафедры и не для Академии, но для самих себя и своих родителей. Выученное думали мы употребить в свободные часы от службы (.) Русский министр, верно, посмеялся от доброго

¹ Фактическая сторона биографии А. С. Кайсарова за время его пребывания в Геттингене и во время путешествия по славянским землям детально рассмотрена в работах акад. Истрина. Мы не будем повторять этих, уже вошедших в научный оборот, сведений и отсылаем читателя к указанным статьям. См. рецензию на первую статью в журнале *Летопис матице српске*, година LXXXVI, книга 271, свеска XI за годину 1910. У Новом Саду.

² В. М. Истрин, *Русские студенты в Геттингене*. ЖМНП, 1910, июль, стр. 90—91.

сердца тому, что немецкий мечтатель рекомендует русского дворянина в профессора».

От ученых занятий путешествующего дилетанта до кафедры профессора Тартуского университета (до Кайсарова история образования в России знала лишь единственный случай, когда дворянин — это был Г Глинка — занял профессорскую кафедру) был большой путь, связанный не только с накоплением определенного запаса фактических сведений, но и изменениями в мировоззрении, отказом от дворянского пренебрежения к профессиональному служению науке. Н. И. Греч в воспоминаниях своих писал, что родственники его «досадовали на то, что» он «избрал несовместимое с дворянским званием учителя». «Как можно дворянину, сыну благородных родителей, племяннику такого-то, внуку такой-то, вступить в должность учителя». ¹ Показательным в этом смысле является отношение к латинскому языку.

В XVIII в. прочно установилась традиция, рассматривавшая латинский язык как элемент углубленного образования ученого-разночинца. С одной стороны, знание латинского языка давало образование в стенах семинарии и духовной академии — этот путь прошли многие разночинцы-деятели русской культуры XVIII в., с другой — это был профессиональный язык науки. Распространение латинского языка в среде разночинцев-чиновников доказывает факт создания в XVIII в. чиновниками Стрелевским и Буйдой латинской антиправительственной прокламации. Обычное воспитание молодого дворянина включало изучение не старославянского и латыни, а французского языка. «Латинский язык, — вспоминает Н. И. Греч, — называли лекарским, неприличным дворянству». ² Первые же шаги Кайсарова на научном поприще поставили его перед необходимостью углубленных занятий латинским языком.

Научные интересы Кайсарова быстро росли. Дилетантский идеал случайного посещения «любопытных» лекций сменяется кропотливым трудом по самообразованию. Программа была намечена очень широко. Он писал Андрею Тургеневу: «Я подумал, что не худо будет, если я буду ходить больше, нежели на две лекции, и хожу на шесть, подумал, что в полгода мало дела сделано, и положил остаться здесь на полтора года. Я слушаю здесь химию, древнюю и новую историю, логику, русскую историю у Шлецера; эстетику у того самого Бутверка, который написал Дон-Амара. Между тем учусь по-английски, немецки, итальянски, иногда по латыне». ³

¹ Н. И. Греч, Записки о моей жизни, М.—Л., Academia, 1930, стр. 241 и 267

² Там же, стр. 215.

³ В письме от 7(25) ноября 1802 г. Кайсаров писал Андрею Тургеневу: «Я, брат, немного начинаю понимать по-английски, хотя очень лениво учусь. По-итальянски читаю комедии Albergati Saracelli один. По-немецки суюсь говорить со всяким; но все бы это отдал за одну латынь! Без нее

Кайсаров широко использует обширный отдел Геттингенской библиотеки по русской и славянской истории и языкознанию. В письме к Ивану Петровичу Тургеневу (июль 1804 г.) он выразил охватившую его жажду научного труда: «Чтобы написать что-нибудь, надобно много учиться, много писать (...). У меня как-то всякий раз, когда я входил в огромную Геттингенскую библиотеку, где около четырехсот тысяч томов парадируют, с отчаяния замирало сердце». Любопытно, что в области общественно-политической и экономической литературы те самые книги, которыми, судя по ссылкам в работах геттингенского периода, пользовался Кайсаров, (A. Smith, *Recherches sur la Nature et les Causes de la Richesse des Nations*, trad. par Garmer, Paris, 1802; Süssmilch, *Die Göttliche Ordnung*, 1742, и др.) в дальнейшем привлекали Н. Тургенева.¹

О степени серьезности занятий Кайсарова как студента свидетельствует тот факт, что, покидая в мае 1806 г. стены Геттингенского университета, он получил, сверх ученой степени доктора философии, диплом, выданный ему профессором Бекманом и гласивший:

«Господин Андрей Сергеевич Кайсаров из Москвы не только с величайшим прилежанием посещал мои лекции по сельскому хозяйству, технологии, теории коммерции, полицейскому и камеральному праву, но и с наилучшим успехом использовал их, о чем я настоящим, по его просьбе, свидетельствую, как и о наиглубочайших знаниях господина Кайсарова, хотя после того как он удостоился наивысшего звания в философии, ему, по статутам нашего университета, не нужно уже никаких свидетельств.

Пусть г. фон-Кайсаров и его отечество пользуются плодами моих лекций и его счастливейшего прилежания теперь и впредь. Геттинген, 13 мая 1806 г.

Иоганн Бекман, тайный советник и профессор
экономических наук.²

ни к чему приступить нельзя. Такая причина». (Тургеневский архив, № 50, л. 92).

В дальнейшем Кайсаров изучил ряд славянских языков так, что читал и говорил на большинстве из них, а по-сербски писал.

Андрей Тургенев даже испугался за здоровье друга: «Начто ты так много занимаешься? Я не могу себе представить, чтобы здоровье твое при этом не терпело. Правда, что вы окружены сокровищами и что удержаться трудно. Шлецер, Бутверк, Гейне. Какие имена! (...) Легко ли это: ты учишься 10 часов; и латынь пришла тебе в голову? Что тебе в логике? Прочел со вниманием Кондильяка и довольно». (Там же, № 840).

¹ См. список книг, которым пользовался последний в библиотеке Геттингенского университета в изд.: Архив бр. Тургеневых, вып. 1, т. 1, СПб, 1911.

² Хранится в Тургеневском архиве Института русской литературы АН СССР, № 568. Подлинник по-немецки.

Однако скоро на общем фоне учебной программы начали вырисовываться контуры специальных научных интересов, основа которых была подсказана Кайсарову его предшествующим идейным развитием в кругу «Дружеского литературного общества». В центре внимания Кайсарова — проблема народа. Это определило его интерес к фольклору и этнографии, экономическим наукам (поскольку в них Кайсаров искал решения вопроса крепостного права), истории. Выраставший на основе патриотических настроений интерес к созданию народной культуры, стремление найти стихию, противостоящую антинародным принципам дворянской литературы, заставили его обратиться к проблемам славистики, понимаемым им чрезвычайно широко как комплексный интерес к культуре, быту, языку славянских народов. Здесь Кайсаров надеялся найти ответ на вопрос: какой должна быть построенная на национальной основе народная культура. Как мы увидим в дальнейшем, научные интересы шли рука об руку с интересами политическими. Если изучение политических наук и экономики послужило почвой для создания диссертации об освобождении крепостных крестьян в России, то на базе славистских интересов выросла идея борьбы за освобождение и объединение славян. Следствием интереса к народному творчеству явилась попытка А. Кайсарова еще в Москве создать книгу о русской мифологии. По крайней мере в руках Мерзлякова оставалась рукопись книги, предназначенной к изданию. Указание на это находим в письме Мерзлякова Кайсарову, опубликованном еще Сухомлиновым. В Геттингене Кайсаров, видимо, понял слабость научной основы своего труда: книга, вероятно, в переработанном виде появилась не в Москве, а в Геттингене на немецком языке.

Интерес к славяноведению вызвал необходимость путешествий. Но это были уже не обычные для дворянской молодежи путешествия в Париж. Вместо развлекательной прогулки по чужим землям, Кайсаров и Тургенев предприняли научное путешествие по совершенно необычному в их эпоху маршруту: Лейпциг — Прага — Вена — Будапешт — Карловиц — Петервардин — Загреб — Белград — Фиуме — Венеция. Вернувшись из путешествия, Кайсаров с горечью писал: «Ездить в Париж и Лондон и веселее, и способнее. Там на каждом шагу встречаются новые забавы, новые удовольствия, но ехать в такие земли, где боязливое правительство опасается всякого иностранца (с чистой совестью правительство никого не боится), где иногда за любопытство надобно переносить множество неудовольствий — в такие земли немного находится охотников».¹

Путешествие обогатило Кайсарова массой новых сведений: он устанавливает связи с чешскими, лужицкими, сербскими учеными и деятелями культуры, собирает материалы по лингвистике,

¹ Рукописное собрание Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ОИДР, № 210/14, л. 4-об.

истории и фольклору. Одновременно крепнет и чувство близости к славянским народам и веры в их освобождение. «Мы все еще продолжаем славянствовать», — пишет он Ивану Петровичу Тургеневу, хотя и оговаривается: «но, право, не для кафедры, а для самого себя».¹ «Пропустить такой случай, какой мы имеем, узнать своих сродников во всех оттенках, право было бы русскому стыдно»² Почувствовав себя «истинным славянином душою и телом»,³ Кайсаров особенно остро переживал режим политической реакции и национального угнетения, господствовавший в Австрии. Он осуждает систему наущничества, царившую в австрийских университетах, ядовито высмеивает духовенство и цензуру. Из Вены он пишет: «Здесьняя библиотека богата разными рукописями; вообразите, что в ней считают около 15000 манускриптов и в том числе много славянских. Жаль только, что все эти сокровища в руках австрийских, у людей таких, которые редко из чего-нибудь доброго делают хорошее употребление. Кажется, и пять Иосифов сряду не могли бы истребить из них суеверия и прочих им свойственных добродетелей. Кто бы мог вообразить, что внутри просвещенной Европы есть такие цензоры, которые не выпускают в печать книги об инсектах, опасаясь, что это критика на монахов! Другой, когда ему принесли тригонометрию, не мог удержаться, чтобы не вскричать с досадою: «Как можно пропустить такую книгу, на заглавии которой тотчас стоит о С (святой) троице!». Вероятно, что trigonometria и trinitas в длинных ушах с(вятого) отца имели одинаковое значение. Нет! Это уж слишком много! Этого, кажется, не в состоянии были сделать и те цензоры, которые заставляют подписывать на книгах: перевод с иностранного».⁴ Последняя фраза знаменательна: Кайсаров явно намекает на русскую цензуру. Указанный Кайсаровым прием был обычным в русской литературе средством обхода цензурных рогаток; например, Пнин снабдил диалог «Сочинитель и цензор» предохранительным и одновременно ироническим подзаголовком «перевод манжурского», а В. Попугаев антикрепостнический отрывок «Негр» — «перевод с испанского»; при перепечатке в 1807 г. в альманахе «Талия» это указание было снято. Размышления об австрийском деспотизме переключались с мыслями о положении на родине. Не случайно идеи освобождения славян и раскрепощения русских крестьян зрели одновременно.

Путешествие послужило для Кайсарова толчком к новым,

¹ Оговорка вызвана тем, что в семье Александра Ивановича были недовольны слишком «научным» характером интересов Александра Ивановича, предназначавшегося для дипломатической карьеры. Предложение Шлецера избрать для А. И. Тургенева карьеру профессионала-историка вызвало недовольство родителей. Кайсаров поэтому вынужден был защищать «ученый» характер путешествия.

² Архив бр. Тургеневых, вып. 4, стр. 35.

³ Там же, стр. 89.

⁴ Там же, стр. 35—36.

еще более углубленным, занятиям. После возвращения он, вопреки первоначальному плану, не отправился в Париж, не поспешил в Москву, как Александр Иванович Тургенев, родители которого решили, что полученных знаний для чиновника канцелярии Новосильцева уже достаточно, а вновь вернулся в Геттинген и продолжил изучение славистики и политической экономики. В 1806 г. он защищал диссертацию на соискание ученой степени доктора философии. Темой было избрано доказательство необходимости уничтожения крепостного права в России.

Либерально-буржуазные исследователи, касавшиеся вскользь геттингенской диссертации Кайсарова, любили подчеркивать ее «отвлеченный характер», причем источником антикрепостнических настроений считались либеральные лекции Шлецера, а не знакомство с живыми условиями русской жизни. Кайсаров, в московский период, по концепции Истрина, — заурядный карамзинист, почитатель Жуковского, далекий от политики и освободительных идей, попал в атмосферу «либерального» германского университета, и следствием поверхностного влияния «отвлеченных» свободолобивых идей явилась его антикрепостническая диссертация. Мы уже видели, сколь далека от истины эта концепция в части оценки Кайсарова московского периода. Факты убеждают в том, что подобная точка зрения несостоятельна и по отношению к деятельности Кайсарова в Геттингене.

У нас нет, конечно, оснований отрицать значение Геттингенского университета для формирования воззрений А. Кайсарова. Печать этого университета чувствовалась и на Н. И. Тургеневе, и на Куницыне. Это были те черты, которые Пушкин впоследствии выделил в Ленском, первоначально задуманном, как «крикун, мятежник и поэт», «поклонник славы и свободы». Тем не менее, наивно и ошибочно выводить декабризм Н. И. Тургенева и свободолобие Кайсарова только лишь из лекций геттингенских профессоров (как это делал, например, Вишницер, считавший, что антикрепостническую диссертацию Кайсарова «следует рассматривать как результат исторических изучений под руководством Шлецера»).¹

В Шлецере Кайсаров и А. Тургенев ценили знатока русской истории и человека, настойчиво подчеркивавшего свои симпатии

¹ M. Wischnitzer, Die Universität Göttingen und die Entwicklung der liberalen Ideen in Russland im ersten viertel des XIX Jahrhunderts, Historische Studien, Heft LVIII, Berlin, 1907, S. 29. А. Кайсарову посвящены стр. 26—33 в гл. I «Russische Studenten in Göttingen, vornehmlich in den Jahren 1800—1812». Автор не обратился к архиву Геттингенского университета, который, бесспорно, дал бы ему новый и ценный фактический материал, а ограничился пересказом уже известных в науке книжных источников. В методологическом отношении книга построена на спорном тезисе об определяющем влиянии Геттингенского университета на развитие освободительных идеалов целого поколения передовых деятелей России (см. также стр. 204—208 того же автора в ст. «Геттингенские годы Н. И. Тургенева», Минувшие годы, 1904, № 4).

к России и русской культуре. «Профессор Шлецер мне отменно полюбился, — писал А. Тургенев родителям, — за свой образ преподавания и за то, что он любит Россию и говорит о ней с такою похвалой и с таким жаром, как бы самой ревностной сын моего отечества». ¹ Однако, когда Шлецер опубликовал свои воспоминания, в которых в неблагоприятном свете выставил Ломоносова, Кайсаров и Ал. Тургенев не скрыли недовольства его поступком. Шлецер вызывал также симпатии студентов своими смелыми суждениями по вопросам политики. Ал. Тургенев, со слов Буле, записал рассказ о том, как ландграф Кассельский «узнал, что Шлецер в своей статистической лекции говорил о том, как продавал ландграф в американскую войну свое войско и что потерпела от этого земля его. Ландграф пишет Шлецеру письмо и изъявляет свое неудовольствие за сообщаемые им известия, которые, как он говорит, совсем несправедливы, примолвя при том, что, если он не знает чего о его владениях, то спрашивал бы у него. Шлецер отвечал на сие обидное для профессора статистики предложение à peu près в сих словах: «Пользуясь вашим позволением, желал бы я узнать от вас, сколько получили вы за отдачу в наем войск ваших». ² Однако, при всем том, либерализм Шлецера был самого умеренного толка. Так, на одной из лекций он проповедовал «страшные истины для тиранов», но закончил словами о том, что «революция сопряжена всегда с такою опасностью, что лучше оставить и терпеть до тех пор, пока провидение само захочет освободить народ от железного скипетра».

Причины, обусловившие идейное формирование Кайсарова, следует в первую очередь искать в тех коренных вопросах русской жизни, которые породили в начале XIX в. широкое общественное брожение в умах передовой дворянской молодежи.

Сам Кайсаров в своей диссертации предостерег от преувеличенных надежд на значение иностранных университетов в деле распространения идеи освобождения крестьян в России. При этом Кайсаров писал: «Мне самому известны сыновья некоторых известнейших дворянских семей, которые учились в университете совместно со мною, но, проведя ряд лет за границей, все же не одобряли облегчения крестьянской участи». ³ В данном случае Кайсаров, вероятно, имел в виду таких своих сотоварищей по Геттингену, как учившийся в 1801—1803 гг. гр. Ливен. Любопытно, что не только слушавший одни и те же с Кайсаровым лекции, но и постоянно встречавшийся и находившийся с ним в приятельских отношениях Александр Иванович Тургенев сохранил, и побывав в Геттингене, воззрения типичного карамзиниста, столь

¹ Архив бр. Тургеневых, вып. 2, стр. 29.

² В. И с т р и н, Русские студенты в Геттингене в 1802—1804 гг., ЖМНП, 1910, июль, стр. 130.

³ Andreas de Kaisarov, Dissertatio inauguralis philosophico-politica de manumittendis per Russiam servis, стр. 31.

свойственные ему в период «Дружеского литературного общества». В том же 1806 г., в котором Кайсаров защищал свою диссертацию, Александр Иванович писал Жуковскому: «Покуда крестьяне сами без всякого шума не снимут с себя цепей, которые они сами на себя наложили (ибо дворяне не насильством присвоили себе право сие),¹ до тех пор им *рабство—драгоценный дар* (курсив мой — Ю. Л.). Оставим действовать времени и происшествиям. Не будем скоропостижными. ЕСТЬЛИ народ русский взойдет сам собою на ту степень нравственности, которая нужна для народа свободного, то цепь рабства, как оболочка зрелого плода, сама собою падет с него».²

Истоки позиции Александра Тургенева обнаружить нетрудно: это высказывания Карамзина. Так, например, в «Письме сельского жителя» (Вестник Европы, 1803, № 17) — программной статье по этому вопросу — издатель писал: « для истинного благополучия землевладельцев наших желаю единственно того, чтобы они имели добрых господ и средства просвещения, которое *одно сделает все хорошее* (т. е. освобождение — Ю. Л., курсив мой) *возможным*».³ Таким образом, корни позиции Александра Тургенева в этом важнейшем вопросе уходили еще в воззрения его периода «Дружеского литературного общества». То же самое можно сказать и относительно Кайсарова.

Обращение к материалу убеждает нас, что еще в 1801—03 гг. проблема борьбы с рабством народа уже стояла перед А. Кайсаровым, Андреем Тургеневым и их единомышленниками по «Дружескому обществу». В этом смысле показательна работа Андрея Тургенева над переводом пьесы Коцебу «Негры в неволе». Исследователи давно уже отмечали, что тема рабства негров в русской литературе конца XVIII — нач. XIX вв. неизменно заполнялась остро-актуальным содержанием, ассоциируясь с вопросами крепостного права. Так, в «Вестнике Европы» Карамзина, в № 3 (февральском) 1802 г., в статье «Письмо из Балтиморы» утверждалось, что «Негр Северной Америки есть счастливый работник, имеющий все нужное для жены и детей своих и живущий без забот». Большой цикл статей и заметок о Тусене-Лювертюре в «Вестнике Европы» проводил мысль о том, что освобождению должно предшествовать длительное просвещение, что невозможно предоставить свободу «дикому», «непросвещенному» народу. В июньском номере «Вестника» за 1802 г. (№ 12) редактор сочувственно сообщал о постановлении консулов сохранить рабство во французских колониях, поскольку, объяснял журнал, восстание негров показало, что они не умеют пользоваться свободой.

¹ Ср. совершенно противоположное объяснение происхождения крепостного права Кайсаровым.

² Цит. по ст. Е. Н. Тарасова «Декабрист Н. И. Тургенев в александровскую эпоху», Ученые известия Самарского университета, вып. 1, 1918, стр. 87.

³ В. Е. 1803, № 17, стр. 52.

Одновременно, однако, в русской литературе существовала и противоположная тенденция — обличения рабства негров, причем авторы прозрачно намекали на аналогичность положения русских крестьян. По этому принципу был написан отрывок Попугаева «Негр». ¹ Смысл интереса к положению негров обнажил Сергей Глинка. Закljučая пересказ «Несчастья от кареты» Княжнина, он писал: «Была беда и от смычков гончих и борзых собак, на которых обменивали семьи крестьян; была беда от торгашей; переселяли на лице земли русской перекупы негров!» ²

В ряду антикрепостнических памятников на тему о положении негров перевод Андреем Тургеневым пьесы А. Коцебу «Негры в неволе» занимает не последнее место. Политический и литературный облик Коцебу достаточно хорошо известен, поэтому в настоящем случае имеет смысл говорить не столько о самой пьесе, хотя и написанной, — на это указывал сам автор, — под прямым влиянием Рейналя, а об интерпретации ее русским читателем. Какое впечатление производили в России, и в частности в семье Тургеневых, наполняющие пьесу монологи против рабства, можно судить по дневнику Н. И. Тургенева. В феврале 1809 г он записывал: «Сегодня читал с Рандом Негры в неволе, соч(инение) Коцебу. Это чтение, хотя и приятное в некоторых отношениях, возродило во мне чрезвычайно неприятные мысли. О Россия, Россия! Естли бы жизнь моя могла быть в сем случае полезна славному, доброму Русскому народу, сей час рад бы пожертвовать оною тысячу раз». ³

В переводе Андрея Тургенева читатель находит и ужасающие картины угнетения рабов-негров, и яркие монологи о равенстве людей. Особенно острый смысл приобретало обращенное к неграм восклицание противника рабства Джона: «О, еслиб она (кровь негров — Ю. Л.) закипела, еслиб отчаяние превратило ее в пламень и вы умертвили бы ваших тиранов». ⁴ «Неволя подавляет всякую душевную способность», и, следовательно, никакое «просвещение» невозможно в условиях рабства. На утверждение рабовладельца: «Негры рождаются невольниками» — следует ответ: «Неправда! Никто невольником не родится».

Текст Коцебу в переводе Тургенева получал особый смысл, т. к. не мог не вызывать и у переводчика, и у читателя тех ассоциаций, которые возникали у Николая Тургенева. Аналогию с положением крепостных в России вызывали и картины избиений негров плантаторами, и рассуждения об отсутствии у негров права собственности. На предложение искать правду в суде негр Труро отвечает: «Суда? мы не можем быть и свидетелями, не

¹ Анализ этого отрывка, а также перечень аналогичных ему произведений см. в книге В. Н. Орлова «Русские просветители 1790—1800-х годов», Гослитиздат, 1950, стр. 264—269.

² С. Н. Г л и н к а, Записки, Спб., 1895, стр. 95.

³ Архив бр. Тургеневых, вып. 1, Спб., 1911, стр. 210.

⁴ Негры в неволе, историко-драматическая картина, М., 1803, стр. 41—42.

только доносчиками. Негр никогда не бывает прав. Всякой Европеец, даже иноземец, может бить его, не страшась наказания, а если негр только руку на него поднимает, то он должен умереть немедленно».¹

Андрей Кайсаров, бесспорно, был в курсе литературного труда своего ближайшего друга, и вряд ли будет ошибкой полагать, что чувства, испытанные им при этом, не отличались от дневниковой записи Николая Тургенева.

У нас есть, однако, еще более значительное свидетельство интереса Кайсарова, так же как и его единомышленников по «Дружескому литературному обществу», еще в 1801 г к теме крепостного права. Речь идет о постановке в любительском театре Благородного пансиона при Московском университете пьесы Н. Сандунова «Солдатская школа».

Драма Н. Сандунова впервые была упомянута в книге Н. Сушкова «Воспоминания о Московском университетском благородном пансионе», М., 1848. Однако, ни консервативно настроенный Сушков, ни основывавшийся на его указаниях Резанов, рассматривавший в своих разысканиях о Жуковском «Солдатскую школу» в ряду других пьес сборника «Детский театр», не подчеркнули боевой антикрепостнической направленности пьесы, оценив ее, как художественное воплощение принципов масонской педагогики Прокоповича-Антонского. Советские исследователи литературного окружения Радищева, обратив в конце 30-х гг. внимание на яркую антикрепостническую направленность пьесы, правильно связав ее с радищевской традицией, прошли, однако, мимо указаний Резанова, а издание «Солдатской школы» 1817 года считали первым.² Пьеса была рассмотрена как анонимная. В таком виде она и вошла в литературу. В 1948 г. С. С. Данилов в «Очерках по истории русского драматического театра» коротко пересказал пьесу, не добавив к предыдущим исследованиям ничего, кроме нескольких неточностей (так, например, Иосиф и Стодум названы братьями, на самом деле второй приходится первому в пьесе сводным дядей). В дальнейшем ряд исследователей, основываясь на указании Сушкова, высказался в пользу авторства Н. Сандунова, в литературе также указывалось на опубликование пьесы в 1802 г в сб. «Детский театр». Однако, поскольку никаких сведений о постановке пьесы в распоряжении исследователей не имелось, весьма затруднительна была оценка степени общественного воздействия этого произведения. Данные переписки Андрея Кайсарова и Андрея Тургенева позволяют уточнить обстоятельства, при которых ярко антикрепостническое произведение увидело свет рампы. Одновременно представляется возможность выявить один из путей влияния демократических, антикрепостнических идей на Кай-

¹ Негры в неволе, историко-драматическая картина, М., 1803, стр. 43.

² См. Гр. Гуковский, Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII в., Л., ГИХЛ, X, 1938, стр. 85—94.

сарова. Попутно, бесспорно, устанавливается авторство Н. Сандунова.

Пьесы Н. Сандунова привлекали внимание современников. С. П. Жихарев в своих воспоминаниях писал: «Н. Н. Сандунов посадил меня к себе, чтобы потолковать о литературе, стихах и прозе, о поэтах и прозаиках. Я всегда полагал, что Н. Н., несмотря на свое юридическое призвание, любит литературу и особенно театральную, чему доказательством служат его разные пьесы, которые мы разыгрывали на пансионском театре, не говоря уж о капитальном переводе Шиллеровых «Разбойников».¹ 12 июля 1801 г. Кайсаров писал Андрею Тургеневу в Петербург: «Я достал некоторые драмы Николая Сандунова и теперь их с Есиповым на скорую руку списываем».² Пьесы произвели на молодых людей настолько значительное впечатление, что у них родилась мысль сценического воплощения самой боевой из них — «Солдатской школы».

Инициатива постановки, вероятно, исходила от Кайсарова и его друзей, а не от самого автора. Это можно предположить, поскольку участники постановки только пользовались сценой Пансиона, а сами, по крайней мере в значительной части, к нему не принадлежали. Это видно из того, что Прокопович-Антонский в беседе с Кайсаровым предлагал последнему сцену как место для выступления той любительской группы, которую он назвал «партией» Кайсарова. «Я стороною заговорил, — писал Кайсаров в письме, — что мне хотелось бы играть где-нибудь «Бед(ность) и бла(городство души)». «А для чего же бы это не у нас? — спросил он. — Собирайтесь *своею* партией и сыграйте у нас»³ (курсив мой — Ю. Л.).

Между тем, если бы инициатива постановки исходила от Н. Сандунова, то ему естественнее всего было бы обратиться к руководимой им драматической группе пансиона. Показателен и тот факт, что, когда на репетицию пришел Н. Сандунов, дававший участникам указания, А. Кайсаров сообщил об этом Андрею Тургеневу как о чем-то необычайном. «Прошлую пятницу, — писал он, — была у нас проба, на которой был Ник(олай) Сандунов, который нас учил.»⁴

¹ С. П. Жихарев, Записки современника, ред., статьи и комментарий Б. М. Эйхенбаума, М.—Л., Изд. АН СССР, 1955, стр. 75. О Н. Н. Сандунове см. также: С. А. Переселенков, Затерявшиеся пьесы Н. Н. Сандунова, «Бирюч петроградских государственных театров», сб. II, Пг., 1920 (исключенные цензурой места из пьесы «Капитан Хинхилла») и «Описание дел Архива министерства народного просвещения» под ред. Н. С. Николаева и С. А. Переселенкова, Пг., 1921 (публикация списка пьес Сандунова из бумаг митр. Евгения, см. стр. 92).

² Тургеневский архив, № 50, л. 193-об. О Есипове см.: Геннади, Справочный словарь о российских писателях и ученых, т. I, Берлин, 1876, стр. 346.

³ Там же, л. 58.

⁴ Там же, письмо от 18 ноября 1841 г., л. 40-об.

Цитированные выше слова Прокоповича-Антонского, радушно предлагавшего пансионскую сцену в распоряжение «партии» Кайсарова, были произнесены уже после постановки «Солдатской школы», прошедшей очень удачно и одобренной директором университета И. П. Тургеневым, с мнением которого непосредственно подчиненный ему Антонский вынужден был считаться. Первоначально же, как это следует из писем Кайсарова, он чинил всяческие препятствия постановке пьесы, видимо, испугавшись ее боевого антикрепостнического содержания.

Прокопович-Антонский тормозил работу над пьесой, на почве чего между ним и А. Кайсаровым возникали столкновения. 18 ноября 1801 г. последний с раздражением сообщал Андрею Тургеневу, что в прошлое воскресенье репетиция не состоялась: «Опять нашлись историко-энциклопедические причины» (Антонский преподавал «историю и энциклопедию»). «Но зато уж, — продолжал Кайсаров, — и я взбесил господина профессора! Рад, сказывают, был на стену лезть () По крайней мере уверяют, что в следующий раз будем играть непременно». ¹ То, что возражения директора пансиона, насаждавшего на пансионской сцене «нравственные» пьесы в духе обязательной религиозной морали, были направлены против социально-политического пафоса «Солдатской школы», следует из цитированного уже выше письма Кайсарова, сообщавшего о резкой перемене в отношении Антонского после блестящей удачи постановки. «Третьего дни из строгого Антон(ского), которой боится развратить своих питомцев светскими пьесами, сделалось превращение в агнца». ²

Первая постановка «Солдатской школы», видимо, состоялась 8 декабря 1801 г. На другой день А. Кайсаров писал другу в Петербург: «Брат! Брат! для чего тебя тут не было. Для чего ты не был свидетелем моего триумфа? () Я играл вчера Стодума в Сол(датской) школ(е) — и уверяют будто совершенно. Сам Санд(унов), с которым мы незадолго перед этим крепко побранились, сам он прыгал от радости. Батюшка (И. П. Тургенев — Ю. Л.) вчера сказал мне: ну, брат, Андрехан! Vous avez surpassé mes attentes» ³

Успех был полный. 12 декабря Кайсаров сообщил Тургеневу: «Я задыхаюсь от восхищения! Как играл Вас(илий) Степанович! Ура! отпотчевали почтенную публику. Да видно хорошо — просили, чтобы о святках еще сыграть, и сыграем! пусть еще нас посмотрят!». ⁴

Пьеса, постановку которой организовали А. Кайсаров и его друзья (к сожалению, точный состав исполнителей пока установить не удалось), принадлежит к числу наиболее ярких антикре-

¹ Тургеневский архив, № 50, л. 40.

² Там же, письмо от 19 декабря 1801 г., л. 58.

³ Там же, л. 50—51.

⁴ Там же, л. 145-об. Установить личность «Василия Степановича» нам не удалось.

постнических выступлений в литературе конца XVIII в. Нет необходимости останавливаться на ее содержании, поскольку оно уже несколько раз пересказывалось в исследовательской литературе. Отметим только некоторые особенности произведения, существенные для дальнейшего формирования воззрений Кайсарова. Все произведение проникнуто решительным отрицанием крепостного права. Из пьесы трудно заключить, разделяет ли автор революционные идеалы Радищева, но бесспорно, что с точки зрения критики крепостнических установлений «Солдатская школа» стоит в первом ряду демократической литературы XVIII в. Приказ помещика старосте заставляет вспомнить Григория Сидоровича и его «указ» из «Трутня» Новикова: «Собрать тебе всех старых и нынешних недоимщиков, которые к батюшкину ангелу не прислали денег, пересечь их на сходке нещадно, разослать по нашим конским и винным заводам, дома их продать, коров приписать к нашим, а девок оставить до нашего приезда». ¹

Действующие лица резко делятся на два лагеря — крестьяне, носители благородных свойств человеческого характера, и их угнетатели, в первую очередь, тунеядцы-дворяне. «Ой вы, шелкоперы, — говорит старый солдат Радушич молодому дворянчику Разнежину, — все для вас на свете, а вы ни для чего; на что ни взглянете, все наше; кому ни прикажете, должен вам служить». ²

Посвятив свое произведение от первого до последнего слова страданиям угнетенных крестьян, автор настойчиво намекает на возможность и законность отпора угнетению. Именно такой смысл имели слова Иосифа, сына преследуемого старостой крестьянина Бедона. Готовясь пожертвовать жизнью ради спасения отца и сестры, Иосиф говорит: «Есть зло, которое оправдывается само собою, и насилия, которым одна только отчаянность противустоять может». ³ Еще более показателен в этом отношении диалог Бедона и старосты Занозы.

«Бедон: вон, вон! — Этой девки не видать ни тебе, ни барину; я лучше наложу на нее и на себя свои руки, коли его руки нет над нами (сплеснув руками в крайней горести, устремился на него).

За́ноза: Ни мне, ни барину! Ни барину! Так чтоб ты над собой и над нею чего не сделал, сейчас же велю ее взять под караул, а тебя и по рукам и по ногам заковать в железы — вишь какой!

Бедон: Это тебе не удастся: вся деревня за нас вступится».

Смысл этих слов окончательно уточнен реакцией старосты:

¹ Солдатская школа, драма в трех действиях, Детский театр, М., 1802, стр. 143.

² Там же, стр. 109.

³ Там же, стр. 208.

«Заноза: что? бунтовать? .»¹

Как мы увидим в дальнейшем, антикрепостническая пьеса Сандунова не прошла бесследно для воззрений одного из инициаторов постановки. Однако значение спектакля этим не исчерпывается: он познакомил сравнительно широкую аудиторию с ярким антикрепостническим произведением, дотоле похороненным на страницах малодоступных рукописных сборников. (О том, что пьесы Сандунова переписывались, свидетельствует цитированное выше письмо А. Кайсарова) Можно полагать, что успех постановки открыл пьесе также и дорогу в печать. Как известно, «Солдатская школа» была написана еще в начале 90-х гг. Однако, для опубликования ее, видимо, возможностей не было. Вообще, наученный осторожностью преследованиями писателей в конце XVIII в., Сандунов и в царствование Александра I предпочитал не отдавать своих произведений в печать. По крайней мере, в списке его сочинений, хранящемся в материалах Евгения Болховитинова, указано одиннадцать драматических произведений, одобренных цензурой, но ненапечатанных. Успех «Солдатской школы» оживил у автора стремление издать пьесу, а в равной степени подействовал на цензора (это был тот же Прокопович-Антонский), первоначально очень настороженно отнесшегося к произведению. Состав сборника, по всей вероятности, не случаен. Сандунов поместил перед «Солдатской школой» несколько пьес, в полной мере безобидных с цензурной точки зрения, долженствующих отвлечь внимание недоброжелательного читателя. Таким образом, постановка «Солдатской школы», в которой Андрей Кайсаров принимал самое активное участие, сыграла важную роль в популяризации боевой антикрепостнической пьесы. Бесспорное влияние она оказала и на формирование воззрений самого Кайсарова.

Неприятным отношением к дворянству, критикой дворянских моральных норм, дворянского искусства проникнуты и другие из дошедших до нас пьес Н. Сандунова. Драма его «Отец семейства», известная Кайсарову и по рукописи, и по постановке в театре, противопоставляла отрицательным образам дворян положительную фигуру разночинца-художника. По силе обличительного тона она значительно уступает «Солдатской школе», что, возможно, объясняется переводной основой произведения — пьеса построена как вольное воспроизведение драмы Геммингена (Gemmingen) «Der deutsche Hausvater», Mannheim, 1782.² Однако Сандунов значительно усилил демократическую направленность произведения. Так, в немецком тексте отсутствуют слова гр. Чадолюбова: «Аршин полотна, вышедший из рук искусного живо-

¹ Солдатская школа, драма в трёх действиях, Детский театр, М., 1802, стр. 147.

² Пьеса Сандунова, написанная в 1793 г., издавалась два раза — в 1794 и 1816 гг. Сравнение с драмой Геммингена производилось по изданию Deutsche National-Litteratur. Historisch-kritische Ausgabe, 139 B., erste Abt., Das Drama der klassischen Periode, II.

писца, для меня дороже многих наших грамот», — подчеркивающие превосходство разночинца-художника над титулованной знатью. Введена Сандуновым, например, и следующая характеристика придворной жизни: «Мы должны искать и приобретать происками и просьбами, нехотя обижать иногда и быть самими обиженными, — нас давят, да и от нас стонут поминутно, куда ни обернись». ¹ Резко отразились в пьесе взгляды Сандунова на искусство, высказываемые устами живописца. Слова его: «На что и искусство, коли оно бесполезно», — в немецком тексте отсутствуют. Сандунов придавал им большое значение: недаром он поставил их в качестве эпиграфа ко всей драме. В отличие от немецкого текста, где художник говорит только об изображении на полотне чувств своей души («Hier, an der Staffelei, das große Gefühl der Kunst in meiner Seele, der Gedanke der Natur hier in der Hand die Farben, mit denen ich's wiedergeben kann, was ich so mächtig fühle .»), Сандунов подчеркнул истину, как главное содержание искусства: «Здесь только, дочь моя, при моей работе, когда душа моя занимается природою, когда рука моя красками изображает мои чувства, когда нежный твой голос *кажется мне голосом истины, которую пишу я здесь*» (курсив мой — Ю. Л.).

При анализе пьесы бросается в глаза еще одна деталь: в пьесе участвуют, в числе других персонажей, граф Добросердов и графиня Разумова. Называя героев традиционными «значашими» именами (в немецком тексте нейтральные «Monheim» и «Amaldi»). Сандунов пошел, однако, на значительное драматургическое новшество: Добросердов принадлежит в драме к числу отрицательных персонажей, а графиню Разумову никак разумной назвать нельзя. Это необходимо Сандунову для того, чтобы подчеркнуть социальный, а не психологический характер деления героев на положительных и отрицательных. Имя Добросердова подчеркивает способность графа к добрым поступкам, действия же его в пьесе должны подчеркнуть нереализованность этих возможностей и калечащее воздействие светской обстановки. То же самое следует сказать и о графине Разумовой. Недаром даже добродетельный граф Чадолубов должен сознаться, что ему приходится «нехотя обижать» беззащитных бедняков. Имя же положительного героя художника — Иосиф Бедняков — подчеркивает именно его социальную характеристику. Среди дошедших до нас пьес Сандунова имеется весьма примечательная по резко выраженной ненависти к дворянству и сочувствию простому народу комедия «Губернаторство Санха Пансы на острове Баратории» ² в которой Санчо Панса советует «этих всех бесполезных

¹ Отец семейства, Соч. Н. Сандунова, М., 1816, стр. 101.

² Впервые рассмотрена в ст. М. К. Азадовского (Неизвестная пьеса о губернаторстве Санчо Пансы, сб. Сервантес, Л., 1948), не установившего автора пьесы. Авторство Сандунова, указанное в списке произведений, хранящемся в бумагах митрополита Евгения, впервые установлено П. Н. Берковым.

донов (понимай — дворян — Ю. Л.) перевесить». ¹ Мы не оста- навливаемся на этой пьесе подробнее, поскольку она написана значительно позже, в 1810 г., однако, она показательна для харак- теристики общей направленности воздействия Н. Сандунова на Кайсарова.

Вероятно, через Сандунова (и брата его, известного актера Силу Сандунова) Кайсаров познакомился со средой московских артистов. В письмах его, переполненных оценками пьес и спектак- лей, начинают появляться сочувственные замечания о положении актеров. «Театр отдан князю Волхонскому, — сообщает он А. Тургеневу. — Что это значит? За что отнимать хлеб у бед- ных актеров и откармливать сиятельного за их счет». ² Крепост- ной театр вызывает у него резко отрицательную оценку: «Завид- но мне, что ты видишь прекрасные пиесы и хорошо игранные; а я принужден видеть чушь, в которой действуют как куклы рабы Волхонского». ³

Конечно, не только пьесы Сандунова толкали Кайсарова к размышлению над положением русских крестьян: бесспорно, ему была хорошо известна в основных произведениях вся антикре- постническая традиция русской литературы XVIII в. Друг Кай- сарова Николай Тургенев в раннем возрасте прочел «Путеше- ствие из Петербурга в Москву», другой из его ближайших дру- зей — Мерзляков — был редактором первого собрания сочине- ний Радищева. Более чем неправдоподобно предположить, чтобы эта книга осталась неизвестной Андрею Кайсарову.

Однако, для того, чтобы проникнуться ненавистью к крепост- ному праву, конечно, книжных впечатлений было недостаточно — в первую очередь на Кайсарова воздействовали живые впечатле- ния окружавшей его действительности. Вопрос положения народа волновал Кайсарова задолго до того, как он сел на студенческую скамью в аудитории Шлецера. Не случайно, во время путешествия он так старательно наблюдает жизнь и по- ложение крестьян. ⁴

Годы пребывания в Геттингене были заполнены напряжен- ным трудом по изучению русской истории, славянских языков, народной поэзии. Однако, о чем бы ни думал Кайсаров, мысль его все время обращалась к вопросу о положении народа. Об этом красноречиво свидетельствуют выписки из различных источ- ников, сохранившихся в его геттингенской тетради.

Читая книгу Арндта «Дух времени», Кайсаров выписал цита- ту о рабстве как причине упадка Рима и тут же вспомнил поло- жение русских крестьян. «Многие римляне, — выписывал Кайсаров, — имели от 1000 до 2000 рабов лишь для роскоши и

¹ ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, Рукописное собрание. Шифр: F XV. № 75 л. 4-об.

² Тургеневский архив, № 50, л. 55.

³ Там же, л. 70.

⁴ См. архив бр. Тургеневых, вып. 2, стр. 5 (вторая пагинация).

ремесла. Те же, кто еще пользовались свободой и именовали себя римлянами, превратились в конце концов благодаря иностранцам и вольноотпущенным в смесь всех национальностей, пестрое, выродившееся племя ублюдков (*Bastardgeschlecht*)» (Арднт, Дух времени, стр. 183). Выписка вызвала у Кайсарова знаменательную аналогию: «Настоящее изображение нашего любезного отечества. К чему дворяне наши употребляют рабов своих? Из кого состоит русское дворянство? — Русские, поляки, немцы проклятые, грузины, татары и даже французы!!!»¹

Знаменательно, что Кайсаров значительно переосмыслил цитату Арндта. У последнего характеристика «пестрое, выродившееся племя ублюдков» относится не к рабовладельческой верхушке римского общества, а к римскому «пролетариату» — сброду из деклассированных элементов общества и вольноотпущенников, заменившему в качестве среднего сословия разоренное римское крестьянство. Кайсаров же переносит эту резкую оценку на русских дворян, что, согласуясь с другими его высказываниями, (например, в диссертации) соответствует резко критическому отношению его к угнетателям крестьян—помещикам. В полной мере воззрения Кайсарова в этом вопросе проявились в его диссертации.²

Диссертация Кайсарова не является произведением революционного мыслителя — она такой и не могла быть по самому характеру исторического момента. Отражая раннюю стадию формирования дворянской революционности, еще весьма незрелой, во многом не осознающей своего отличия от дворянских либералов, диссертация вместе с тем содержит определенные черты, позволяющие охарактеризовать ее как первую ступень в развитии именно революционной, декабристской мысли.

Через все сочинение Кайсарова проходит мысль о крестьянине, как лучшем, достойнейшем человеке общества. Изучая знаменитый «*Tripartium*» — труд венгерского юриста XVI в.

¹ Тургеневский архив, № 2052. Выписки Андрея Сергеевича Кайсарова. Цитаты из Арндта у Кайсарова приведены по-немецки. В книге этому месту предшествует не менее знаменательное, бесспорно, также привлекающее внимание Кайсарова место: «При императорах превратилась прекрасная Италия в пустыню, потому что землю больше не обрабатывали веселые и свободные руки добрых крестьян. Несмотря на свои миллионы рабов, некогда богатая Италия платила дань голоду, если запаздывали корабли из Египта и Африки». (*Geist der Zeit von Ernst Moritz Arndt, 1806, S. 183.*)

² *Andreas de Kaisarov, Dissertatio inauguralis philosophico-politica de manumittendis per Russiam servis* (в дальнейшем — *Dissertatio*).

Обычно переводится «Об освобождении рабов в России». Б. В. Правдин в ст. «Русская филология в Тартуском университете» (*Ученые записки ТГУ. вып. 35, 1954, стр. 133*) переводит «О необходимости освобождения крепостных в России». Данный перевод представляется более точным и в грамматическом (оттенок долженствования в форме *gegrundivum'a*), и в смысловом отношении.

За проверку перевода латинских текстов автор выражает благодарность Н. Забинковой.

Werböczy, Кайсаров выписал то место, которое говорило, что в понятие нации, т. е. в политико-юридическое представление о народе, входят как дворяне, так и простой народ. «Под именем и названием народа (populi) в этом смысле обычно понимают господ, прелатов, баронов и другую знать (magnates), равно как и вообще дворян, но не простой народ (ignobiles)

§ 1 Подобаает в этот термин (народ) включать в равной мере всех дворян (Nobiles) и простонародье (ignobiles). Относительно простонародья (которое понимают под именем плебса) это само собой разумеется.

§ 2 Народ отличается, однако, от простонародья, как род от вида. Имя народа означает вообще дворян как знать, так и мелких (inferiores), а также простой народ. Название же плебса подразумевает только простонародье». ¹

Приведенная цитата не только не согласовывалась с официальной точкой зрения дворянского государства, для которого крестьянин был «в законе мертв» и рассматривался как вещь, но также решительно расходилась с представлением русских дворянских либералов XVIII в., считавших, что дворянство — «состояние», «долженствующее оборонять Отечество купно с государем и *корпусом своим представлять нацию* (курсив мой — Ю. Л.). ²

Хотя, как мы видим, постановка вопроса в цитате решительно отличалась от позиции, сформулированной Фонвизиным, поскольку признавала за крестьянами и дворянством равное право «представлять нацию», но и она не удовлетворила Кайсарова. В диссертации он говорит о том, что подлинное лицо нации представляет именно трудящийся народ, и весьма резко оценивает «благородный корпус дворянства».

«Уже давно, — писал Кайсаров, — дворяне считают, что в них заключается высшая сила и крепость нации, но последние 20 лет приносят обильные доказательства, что она заключена во всем народе в целом, что им (т. е. дворянам — Ю. Л.) не следует приписывать почти никакого значения, и что они зависят от простого народа. В составе нации гораздо больше следует ценить того, кто приносит какую-либо пользу государству, чем того, кто как трутень занят тем, что растрчивает плоды чужого труда. Кто же не понимает, что первое место в народе следует отвести крестьянину? Ибо он, сам ни в ком не нуждаясь, снабжает всех средствами к жизни. Он всегда бы имел всего в достаточном для существования количестве, если бы ему не ставилось никаких препятствий; все же то, что он производит своим неусыпным

¹ Тургеневский архив, № 2052, л. 17. Выписка на латинском языке. Ср. Tripartium, Opus juris consuetudinarii incliti Regni Hungariae. Stephani Werbeuzi, M D LXXXI, Pars secunda, p. LXIX et sq.

² Д. И. Фонвизин, Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой формы государственного правления, Избранные сочинения и письма, Гослитиздат, 1947, стр. 187.

трудом, крайне необходимо для всех прочих; итак, значения его ни в коем случае нельзя умалять». ¹ Дворяне — не лучшая часть народа, а разноплеменный сброд, потомки «татар, немцев и поляков», ² в моральном отношении они стоят бесконечно ниже крестьян, а их физические силы подорваны излишествами и развратом. Крестьянство «вследствие того, что оно выделяется чистотой нравов, обладает телом, не изнеженным роскошью и негой; жена крестьянина и дети также участвуют в труде (не так, как обстоит дело у жен и детей дворян, которые состязаются между собой в расточительности)», ³ « Народ наш крепок, мощен, здоров, хотя и не настолько лишен человеческих слабостей, чтобы не болеть, но далеко не так часто и не такими заболеваниями, — иронически добавляет Кайсаров, — как дворяне». ⁴

Чем выше ставил Кайсаров возможности народа, тем резче вырисовывалась перед ним нетерпимость угнетенного положения крестьян. Крепостное право не дает развернуться народным талантам. Кайсаров подчеркивает противоречие между душевными возможностями крепостного крестьянина и ужасными условиями его жизни: «Сколько должно было совпасть благодаря счастливой случайности благоприятных обстоятельств, чтобы появились Кулибины () и им подобные! Как часто исключительный ум подавляется рабством и не может проявить себя. Действительно, 100 лет тому назад (т. е. в петровскую эпоху — Ю. Л.) русский народ показал, что он не лишен силы и остроты разума, если же он будет провозглашен свободным, то затраты на его образование поистине в кратчайший срок окупятся сторицей». ⁵

Описание условий жизни крепостного крестьянина совсем не носит «отвлеченного» характера и показывает в авторе отнюдь не книжное знакомство с русской действительностью. Кайсаров рисует облик крепостного, «тело которого ослаблено и изнурено постоянными чудовищными трудами, сокрушено скудной пищей, дух которого обеспокоен и согбен горестью из-за неотступных дум о нужде и бедности». ⁶ Приводя случай «зверской свирепости помещиков» в Гольштинии, автор тут же добавляет, что они «могли бы поучиться у наших дворян». ⁷

Даваемая Кайсаровым характеристика положения народа указывает не только на знакомство с бытом русской крепостной деревни (в этом нет ничего удивительного, удивительнее было

¹ Dissertatio, стр. 12.

² Там же, стр. 5.

³ Там же, стр. 16.

⁴ Там же, стр. 18.

⁵ Там же, стр. 25—26. После фамилии Кулибина следует непонятное Szaroviі (Царевы?). Возможно, это опечатка и следует читать «Захаровы».

⁶ Там же, стр. 13.

⁷ Там же, стр. 14

бы, если бы Кайсаров не был с ним знаком, живя в атмосфере крепостничества), но и с русской и иностранной антикрепостнической литературой. В своей книге о славянской мифологии он использует сочинение Меркеля «Латыши, особенно в Ливонии .», ссылку на Меркеля находим и в опыте словаря древнерусских слов, над которым Кайсаров работал позже в Тарту.¹ Описание судьбы крестьянского младенца в диссертации живо напоминает соответствующее место «Отрывка путешествия в *** И *** Т ***». В диссертации читаем: «Пока родители подобно скоту выгнаны в поле для несения тяжелейших трудов, дети остаются дома, ползая в соломе среди скота, крича от голода (потому что мать, которая могла бы дать им молоко, отсутствует чуть не весь день), призывая мать, которая, когда, наконец, возвращается, изнуренная долгим трудом и обессиленная, домой, прикладывает их к груди, иссушенной зноем и горем».

Близость хода рассуждения чувствуется и в других местах у Кайсарова: «. Хорошо известно, что для всех сельских трудов предписаны и установлены определенные сроки, а наибольшую часть этого времени крепостные вынуждены, работая, находиться в поле своего господина. Если погода для этих трудов благоприятна, то раб должен использовать ее на господском поле, вспахать его, собрать урожай и увезти в амбары, а если наступает плохая погода, господин разрешает позаботиться и о себе, себе пахать, жать и т. д., при этом его не тревожит, что солнечный зной, осыпаящий зерна из его колоса, тот же убыток производит и на поле крестьянина, и что тот же дождь, который приносит ущерб его полям, готовит пашням его крепостных ту же беду».²

¹ Рукописное собрание Государственной Библиотеки им. В. И. Ленина, ОИДР, № 210/15, л. I.

² Dissertatio, стр. 18 и 10. «Отрывок путешествия в *** И *** Т ***» нашел широкий отклик у читателей, о чем свидетельствуют как ряд перепечаток его в позднейшие годы (в составе «Живописца» и отдельно), так и реминисценции из него в других произведениях. Мы уже отмечали скрытую ссылку на него в письме Н. И. Тургенева Сергею Ивановичу (см. стр. 11 настоящей работы). Можно было бы отметить еще один любопытный факт, возможно, также связанный с влиянием «Отрывка путешествия в *** И *** Т ***», хотя и нет достаточных оснований для безоговорочного утверждения этого. В анонимной книжке «Путешествие моего двоюродного брата в карманы, Вольной перевод», М., в губернской типографии у А. Решетникова, 1803, находим следующую картину: «Не плачь, не страдай, сын вельможи, естли ты можешь это сделать, не заставляй же плакать и подобно тебе рождающихся! Не забудь, что в дымной избе поселянина часто один-единехонек барахтается в люльке младенец, плачет — вопит и на крик его отвечают другие малютки своим криком. Не забудь, что не матернее небрежение и не отцовское хладнокровие тому причиною, но ты, ты сам! . . Они работают на тебя» (стр. 73). Влияние «Отрывка» проявилось здесь не только в общей теме и общем отрицательном отношении к крепостному праву, но и в характерной детали: в «Отрывке» говорится о трех грудных младенцах в одной избе — случай очень редкий, но необходимый автору для доказательств трех неотъемлемых прав человека — в «Путешествии моего брата .» «на вопль младенца отвечают другие малютки». Однако,

Ср. в «Отрывке путешествия в *** И *** Т ***»;

«У нашего барина такое, родимый, поверье, что как поспеет хлеб, так всегда его боярской убираем, а со своим-то де, изволит баять, вы поскорее уберетесь. Ну, а ты рассуди, кормилец, ведь мы себе не лиходеи: мы бы и рады убрать, да как захватят дожди, так хлеб-то наш и пропадет». ¹ Не следует думать, что аналогичный ход рассуждений в приведенных случаях свидетельствует об обязательном воздействии на Кайсарова данного определенного текста. Для подобных утверждений бесспорных оснований нет. Зато очевидно другое: ход рассуждений Кайсарова идет в русле боевой антикрепостнической публицистики конца XVIII в. и, если можно спорить по вопросу о знакомстве Кайсарова с тем или иным конкретным произведением, то осведомлен-

необходимо отметить, что из картины крепостнического угнетения автор делает не революционный — радищевский, а новиковский — просветительно-моралистический вывод. Тем не менее, по остроте критики крепостного права книга примечательна. В ней говорится о том, что великолепие господского дома «куплено ценою его (крестьянина — Ю. Л.) крови, слез и трудов» (стр. 74), что «бедняк, лишенный многих достоинств, которые ему как человеку принадлежат, должен из милости владеть жизнью свою в состоянии гражданина () Он вынужден покупать землю, самый воздух, которым мог бы дышать на свободе» (стр. 76). «Горе жестокому эгоисту, который растрогивается при чтении чувствительного романа, плачет об участи бедных в театральной ложе; между тем за порогом театра стоит семья действительно несчастных (. .) Недостойная человечества чувствительность!» (стр. 75—76). Книга обращает на себя внимание критикой «сантиментальности» (см. ироническое замечание на стр. 98) и многочисленными выпадами против Карамзина (намек на «Письма русского путешественника» на стр. 8, на статьи Карамзина в «Вестнике Европы» на стр. 45—46). На стр. 58 читаем: «Верно, каждый имеет свою Лизу, которую норовит скорее сделать бедною (разрядка здесь и прежде — оригинала — Ю. Л.)». В конце книги, нападая на неоригинальность Карамзина, автор намекает, что программное вступление к «Аглае» — плод плагиата. «Московские ведомости» (1803, № 20, марта 11), сообщая о выходе «Путешествия моего двоюродного брата. .», снабдили известие любопытной аннотацией: «Книжка сия есть из числа критических сочинений, а как произведения сего роду навлекают тем самым и на себя строжайшее суждение, то воздерживаюсь ото всякого оной одобрения». Полемично направлено против «чувствительного» синтаксиса Карамзина и его злоупотребления тире, многоточиями и восклицательными знаками предисловие книги, которое выглядит так:

!! — . — !!
? .. ? ? ? ?

(?) (!) (!) (!)

!! — — . — — !!

Ср. в воспоминаниях Греча об учителе Д. И. Кудлае, который «любил везде ставить тире в подражание модному тогда Карамзину». (Греч, Воспоминания, стр. 168.) Обращает на себя внимание, что книга была напечатана в той же типографии Решетникова, которая издала в 1806 г. анонимно весьма интересный и загадочный журнал «Московский собеседник». В статье Л. В. Крестовой (Исторические записки, 1953, № 44, стр. 254—287) высказана любопытная гипотеза о Новикове как редакторе журнала, считать которую доказанной пока еще нет оснований.

¹ Сатирические журналы Н. И. Новикова, ред., вступит. статья и примечания П. Н. Беркова, Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 331—332.

ность его во всей традиции антикрепостнической публицистики бесспорна.

Итак, отметив, что крестьянин составляет самую здоровую часть нации, Кайсаров констатирует, что, вопреки его идеалу государства, в котором бы «никакому сословию не было позволено обогащаться за счет убытка и ущерба других»,¹ в России все плоды крестьянского труда отнимаются помещиками.² Автор диссертации понимает, что действия помещиков неизбежно породят отпор крестьян. На это Кайсаров, в той или иной степени прикровенно, настойчиво намекает во многих местах работы. Так, например, возмущаясь тем, что «помещикам позволено произвольно налагать кары на рабов, не ожидая суда», Кайсаров добавляет: «Если господа не будут лишены этого права, народ, увидишь, освободит себя от таких оков».³ Еще более определенно высказывается автор в другом месте: «Человек, попавший в такие условия (сделавшийся рабом — Ю. Л.) угнетенный и мучимый тиранией, который уже оставил и оплакал всякую надежду освободиться от отягчающих его оков, сначала втайне скорбит о перемене своей судьбы, потом, когда его чувства притупляются, он как бы засыпает, глухой и безразличный ко всему; затем, когда тяжесть рабства становится еще невыносимее, он снова, собравшись с духом, начинает думать, как ему стряхнуть давящее его ярмо и чем можно отомстить жестокому тирану за свои слезы и стоны».⁴ Следует отметить также и то место, в котором Кайсаров, говоря о сравнительной роли дворянства и народа, явственно намекает на революционные события во Франции. Когда Кайсаров говорит, что «последние 20 лет принесли обильные доказательства, что она (крепость нации — Ю. Л.) заключена во всем народе в целом, что им (дворянам — Ю. Л.) не следует приписывать почти никакого значения, но что они зависят от простого народа», — то неизбежно напрашивается вопрос: какие события он имеет в виду. Если отсчитать 20 лет от 1806 г. — времени написания рассматриваемой работы, — мы получим 1786 г. — дату, мало что говорящую с точки зрения доказательства решающей роли народа. Вернее предположить, что ораторский оборот Кайсарова не следует понимать, как точное хронологическое указание — речь, вероятно, идет о событиях 1789 года, на самом деле доказавших всему миру, что дворянству «не следует приписывать почти никакого значения» и что народ, освободившийся от «благородного сословия», способен отстоять свои завоевания от сил внутренней и внешней контрреволюции.

Из приведенного, однако, не следует, что сложная проблема отношения Кайсарова к народному восстанию вообще и фран-

¹ Dissertatio, стр. 7.

² См. там же, стр. 17.

³ Там же, стр. 26.

⁴ Там же, стр. 4.

цузской революции в частности решается как прямолинейное и безоговорочное признание. На самом деле вопрос обстоял значительно сложнее. Кайсаров, как мы видели, доказывал незаконность угнетения и признавал закономерность и оправданность стремления народа к свободе. Но от принципиального признания этих положений до практической ориентации на революционную энергию народа было еще бесконечно далеко. Боязнь непосредственного развязывания народной борьбы, кровавых путей свержения угнетателей, свойственная дворянской революционности вообще, особенно чувствовалась на ранних этапах ее формирования и, в частности, в воззрениях Кайсарова. Он настойчиво подчеркивает свое отрицательное отношение к якобинской диктатуре, которая, по его мнению, является извращением принципов революции; в результате ее «народы одели на себя новые, еще более тяжелые оковы». ¹ Диктатура Наполеона — наказание за «излишества» террора. Подобная концепция позже была весьма популярна в умеренных кругах «Союза Благоденствия» и отразилась, например, в строках пушкинской оды «Вольность»:

«Падет преступная секира
И се — злодейская порфира
На галлах скованных лежит».

Кто же должен освободить народ? Ориентироваться на крестьянство, «ждать, чтобы бородачи топором разрубил этот узел», ² деятели дворянской революционности не могли по самой природе своих воззрений. Это порождало на ранних этапах формирования декабризма (а у деятелей умеренного крыла и позже) иллюзорную веру в освободительные возможности правительства. Н. Тургенев в 1816 г. писал: «Все в России должно быть сделано Правительством; ничто самим народом. Естьли Пр(авительст)во ничего не будет делать, то все должно быть предоставлено времени, ничто народу». ³ Можно было привести ряд аналогичных высказываний других деятелей умеренного крыла декабризма. Со своеобразием этого этапа связана еще одна особенность диссертации Кайсарова: он не касается вопросов политической свободы, не требует ограничения самодержавия, сосредоточивая свое внимание на требовании освобождения крестьян. Он предупреждает, что в его труде речь идет «о гражданской свободе», истолковывая это понятие в антикрепостническом смысле. Последнее знаменательно: если дворянские либералы XVIII в. охотно выступали против «тирании» самодержца, расточали громы в адрес деспотизма, что практически означало требование политического ограничения самодержавия и введения

¹ Dissertatio, стр. 1.

² Выражение П. А. Вяземского, Остафьевский Архив, т. II, стр. 21.

³ Архив бр. Тургеневых, вып. 3. Дневники Н. И. Тургенева за 1811—1816 годы, СПб., 1913, стр. 333

«свобод» для верхушки «просвещенного дворянства», то вопрос крепостного права они предпочитали не затрагивать. Касаясь же положения крестьян, они переносили центр внимания на просвещение, которое, якобы, должно предшествовать освобождению.

Первые шаги дворянской революционности связаны были именно с перенесением центра внимания на интересы народа, на проблему освобождения крестьян. Если в надеждах на освобождение со стороны правительства проявилась идейная незрелость раннего этапа дворянской революционности, то, вместе с тем, сложная диалектика исторического процесса состояла в том, что в этом же заключалось и зерно будущего развития декабристской мысли — осознание противоречия между крестьянами и помещиками. Утопические надежды на правительство в деле освобождения крестьян были сложно связаны с трезвым пониманием противоположности интересов крестьян и помещиков и неспособности последних добровольно освободить народ. Не будучи революционной, эта концепция отличалась от воззрений дворянских либералов. Обращение к царю с указанием на необходимость освобождения крестьян, временный отказ от требования расширения политических свобод, как средства расширения прав дворянства, увлечение политической экономией, сменившее характерное для XVIII в. увлечение политическими доктринами, — всё это явления, связанные между собой и имевшие прямое отношение к критике помещичьего строя. Н. Тургенев писал: «В особенности не нужно терять ни мало самодержавной власти прежде уничтожения рабства. Перы не ограничат ее, но усилят».¹ Размышляя об английской Хартии вольности, он записал в дневнике: «Это, может быть, единственный пример в истории, что от ограничения власти верховной, выгодной для дворянства, пользовался вместе и простой народ».² С наибольшей определенностью по этому вопросу Николай Тургенев высказался в статье «Нечто о состоянии крепостных крестьян в России». «Всякое распространение политических прав дворянства, — писал он, — было бы неминуемо сопряжено с пагубою для крестьян, в крепостном состоянии находящихся. В сем-то смысле власть самодержавия есть якорь спасения для отечества нашего. От нее и от нее одной мы можем надеяться освобождения наших братьев от рабства, столь же несправедливого, как и бесполезного. *Грешно помышлять о политической свободе там, где миллионы не знают даже и свободы естественной*»³ (курсив мой — Ю. Л.)

Дальнейшее развитие декабристской мысли связано было с осознанием единства интересов царя и помещиков, что сопро-

¹ Архив бр. Тургеневых, вып. 3, стр. 302, курсив Н. И. Тургенева.

² Там же, стр. 337.

³ Сб. Исторических материалов, извлеченных из архива собственной е. и. в. Канцелярии, вып. IV, СПб., 1891, стр. 51.

вождалось новым усилением тяги к борьбе против самодержавия, за расширение политической свободы, теперь уже в сочетании с антикрепостнической программой. Якушкин имел основания, процитировав требование «Зеленой книги» «споспешествовать благим намерениям правительства», заключить: «В этих словах была уже наполовину ложь, потому что никто из нас не верил в благие намерения правительства».¹

На этом этапе деятели, сохранявшие веру в дарованное освобождение, оказывались оттиснутыми на правое крыло движения или вообще порывали с декабризмом, но для начального периода подобная постановка вопроса была неизбежной и закономерной ступенью в общей цепи развития идей дворянской революционности. Ее не следует смешивать с весьма распространенным в начале века стремлением подойти к освобождению крестьян с точки зрения увеличения рентабельности помещичьего хозяйства. Такая постановка вопроса тоже не ставила политических проблем, но, в отличие от кайсаровской, лишена была активного народолюбия и острой ненависти к угнетателям крестьян, лишена отрицания главенствующей роли дворянства в государстве.

Задача диссертации Кайсарова — пропаганда идеи освобождения крестьян. Это заставляет Кайсарова развернуть систему доказательств, обосновывающих необходимость освобождения. Крепостное право, по мнению Кайсарова, не может быть оправдано ссылками на историю. Крестьяне в России были исконно свободными. Для доказательства этого он цитирует «Судебник» Ивана Васильевича, позволяющий крестьянам «отказываться из волости в волость или из села в село». «Отсюда ты не без оснований заключишь, что наши крестьяне, которые были согласно этому уложению приписаны к земле, были свободны»²

Что же касается до происхождения рабства вообще, то Кайсаров делает вывод, что «чем дальше углубляется разум в вопрос происхождения рабства и стремится добраться до его истоков, тем вероятнее, по сравнению с другими, нам кажется мнение, считающее, что насилие и обман породили это проклятое несчастье».³

В основе подобного суждения лежит весьма распространенное в демократической философии XVIII в. представление о свободе как исконном и неотъемлемом праве человека. Вступая в

¹ Записки, статьи, письма декабриста Н. Д. Якушкина. Ред. и комментарии С. Я. Штрайха, М., Изд. АН СССР, 1951, стр. 19. Разумеется, намеченная эволюция политических воззрений декабристов не претендует на исчерпывающую полноту. Эволюция определенного течения декабристской мысли сложилась иначе: от обостренной постановки требования борьбы с политической тиранией (вплоть до тираноборческого акта) к осознанию необходимости решить коренной вопрос народной жизни — требованию уничтожения крепостного права.

² Dissertatio, стр. 6.

³ Там же, стр. 4.

общество, человек преследует основную цель — собственное благо, следовательно, отказ от основного блага — свободы невозможен для человека, сознающего свои интересы и способного их защищать. Радищев в «Беседе о том, что есть сын отечества» говорил «о тех злосчастнейших, коих коварство или насилие лишило сего величайшего преимущества человека» (т. е. свободы — Ю. Л.).¹

В. Анастасевич, публикуя в 1809 г. перевод книги гр. В. Стройновского «Об условиях помещиков с крестьянами», в предисловии «От переводившего» подчеркнул ту же мысль, что освобождение крестьян «было бы только возвращением им того блага, коим они вообще наслаждались не слишком в давние времена, то есть менее 200 лет». Эту мысль он подкрепляет ссылкой на «Древнюю российскую библиофику», откуда приводится статья «Холопы и крестьяне», начинающаяся утверждением, что «крестьяне в древние времена в России были вольными».

Итак, рабство исторически «не опирается ни на какое право»,² но оно не оправдывается никакими другими соображениями. Оно наносит ущерб государству, подрывая продуктивность сельского хозяйства. Интересы сельского хозяйства, которое «поддерживает жизнь всех граждан», «требуют и предписывают, чтобы крестьяне пользовались личной свободой и правом собственности». Положение это у Кайсарова подробно аргументировано. «Если крестьянин, — пишет Кайсаров, — скорбя и рыдая, принимается за возделывание земли, если борозды пашни он орошает своими слезами, которые исторгло сердечное страдание, тогда и сама земля, мать-кормилица, как бы в союзе с его скорбью, мстит за его пот и слезы (. . .), если он трудится ради блага и выгоды своего господина, то с какими проклятиями бросает он в землю каждое зерно! Этот человек, почти задушенный и превращенный в скота чрезмерным, превосходящим силы напряжением, волочит соху» «Насколько противоположным всему этому, что я бегло охарактеризовал, выглядит крестьянин, охваченный чувством свободы! Ты увидишь его чуть не с пляской понукающим своих ретивых коней к начатую работу; кажется, сама земля раскрывает свои объятия, чтобы принять зерна и возратить их сторицею». Ход мыслей Кайсарова весьма близко напоминает известное рассуждение в главе «Хотиллов» «Путешествия из Петербурга в Москву», а также аналогичное место в оде «Вольность».³ Было бы, однако, преувеличением на

¹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., Изд. АН СССР, т. I, стр. 215.

² Dissertatio, стр. 7.

³ Ср.: «Как мачеха к чужеутробным
Исходит с видом всегда злобным,
Рабам так нива мзду дает,
Но дух свободы ниву греет,
Бесслезно поле вмиг тучнеет,
Себе всяк сеет, себе жнет».

основании этого видеть в ходе кайсаровского рассуждения «радищевские» черты, вкладывая в это понятие комплекс представлений о революционности и боевом демократизме. Подобные доказательства широко использовались противниками крепостного права и из числа не принадлежавших к радикальному лагерю. Следует только отметить, что Кайсаров в данном случае не стоит на позиции физиократов, рассматривавших продуктивность земледелия как самоцель, а в крестьянине видевших лишь средство для ее достижения. Кайсаров переносит центр внимания на положение крестьянина, охраняя интересы которого, закон должен позаботиться, «чтобы труд крестьянина не наталкивался на затруднения, чтобы то, что он потом себе добывает, не отнималось, не похищалось бы у него». ¹

Далее Кайсаров говорит о губительности воздействия крепостного права на прирост населения. Автор останавливается на значении нищенского, бесправного положения крепостных крестьян как тормоза для дальнейшего роста народонаселения. Повышению рождаемости препятствуют, однако, и прямые запрещения со стороны помещиков крестьянам вступать в браки. «Я сам помню, — продолжает Кайсаров, — что в моем отечестве слышал я о господах, столь бессовестных и злобных, что они всеми способами мешали бракам своих рабов, и я видел на моей родине множество девушек, которые, достигнув 30 лет или даже 50 лет, были вынуждены сохранять целомудрие потому, что их господин порицал браки». ²

Приведенная цитата указывает на хорошее знакомство Кайсарова с распространенным злом крепостнического быта. Достаточно вспомнить хотя бы помещика Зверкова из «Записок охотника» Тургенева или, весьма близкое к кайсаровскому, описание в «Сатирическом вестнике» Страхова. ³ Запрещение вступать в брак крепостным девушкам, работающим на фабрике, наблюдал Н. Тургенев, посетив свою деревню.

Не проходит Кайсаров и мимо другого распространенного в крепостной деревне зла — неравных браков. «Часто мы видим, что мальчишки 12 лет по приказу своих господ женятся на женщинах 25 лет и старше». ⁴ Любопытно, что Кайсаров не рассмат-

¹ Dissertatio, стр. 17.

² Там же, стр. 14.

³ В описании Страхова кружевницы, «лишены будучи способов ко вступлению в брачные обязательства, вместо того, чтобы в продолжении жизни своей иметь случай делать излияния на благо Правительства и человечества, ничего иного в весь свой век обществу и свету не производят, как только несколько десятков аршин филе. Мода есть их тиран, а филе, для которых барышня их полагает быть созданными, изнуряет их век и занимает место брачных уз». Цитирую по ст. А. В. Западова «Николай Страхов и его сатирические издания», Сб.: Проблемы реализма в русской литературе XVIII в., Изд. АН СССР, 1940, стр. 307.

⁴ Dissertatio, стр. 15. Вопрос этот волновал Радищева (см. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 379) и Пушкина (История села Горюхина, Путешествие из Москвы в Петербург). Сводку пушкинских высказываний по этому вопросу

ривает этот уродливый обычай как простое проявление самодурства и произвола помещиков — он видит его экономическую основу: «Смысл этого, — пишет он, — следует искать единственно лишь в том, что труд по обработке земли в России только тогда возлагается на рабов, когда они вступают в брак». ¹

Кайсаров подчеркивает и то, что для увеличения прироста населения мало устранить препятствия для браков крестьян — надо устранить нищету, порождающую детскую смертность. «Допустим, что наши крепостные могут произвести много детей: но сколько из них, я спрашиваю, достигнут юности? Ведь такова бедность и нищета их родителей, что она поглощает все заботы, которые должны быть отданы детям. Поэтому не следует удивляться, что эти цветы, еще не раскрывшись, уже вянут и погибают () Так ребенок, ползающий в навозе, истощенный голодом, лишенный всего необходимого, подходит к юности и сразу же начинает проводить дальнейшую жизнь в полях и лесах, под открытым небом, подвергаясь свирепости дождей, зноя, снега, морозов и любой непогоды, и, таким образом, если юношеское тело не бывает сломлено суровостью климата, появляется муж, — с горькой иронией заключает автор, — достойный называться русским». ² Говоря о случаях заболеваний, Кайсаров подчеркивает, что только свобода явится «средством, которое освободит раба от болезней». ³

Одиннадцатая глава диссертации Кайсарова посвящена вопросу приглашения в Россию иностранных колонистов — мере, широко практикуемой правительством, начиная со второй половины XVIII в., для заселения пустующих земель. Кайсаров указывает на противоречие между привилегированным положением иностранцев и угнетенным состоянием русского крестьянина. «Как ты думаешь, — спрашивает Кайсаров, — с каким лицом смотрит русский на иностранца, обладающего такими привилегиями, о которых ему самому не позволено и мечтать». ⁴ В случае освобождения крестьян, доказывает автор, не было бы нужды в искусственных мерах для заселения пустующих земель, равно как и в оскорбительном для национального достоинства пред-

см. в комментарии Н. Лернера (соч. Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 242). Как указали Н. Лернер и Б. В. Томашевский (ст. «Генезис «Песен западных славян», Л., Атений, 1926, стр. 41), с этим же связан замысел песни «Уродился я, бедный недоносок». Н. Лернер лишь указал на номер соответствующей песни в сб. М. Чулкова, однако, сравнения не производил. Между тем, ясно, что именно чулковский текст лежит в основе произведения Пушкина. У Чулкова находим мы и объяснение строки «Недоростка меня бедного женили» (у Чулкова: «Недоростка меня матушка женила»), отсутствующей в рукописях Пушкина, но имевшейся в копии Лернера. Подбор народных песен с этим сюжетом см. Русская баллада, Л., 1936, стр. 211—215).

¹ Dissertatio, стр. 15.

² Там же, стр. 18.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 20.

почтении иностранцев: « Мы гораздо больше ценили бы колонии из наших собственных уроженцев. А это может иметь место не раньше, чем крестьяне получают свободу». ¹

Хотя Кайсаров и делает вид, что выступает против привилегий, предоставленных иностранным колонистам правительством Екатерины II, на самом деле — и это понятно было читателю — имелась в виду полемика против правительственной политики современного автору периода. Так, официозный «Санкт-петербургский журнал» в первом же номере (1804) опубликовал доклад гр. В. Кочубея императору от 22 ноября 1802 года о свободе, земле и привилегиях для иностранных колонистов. Кайсаров, внимательно следивший за законодательной деятельностью правительства, не мог этого не знать.

Разбираемая глава диссертации интересна и в другом отношении: в ней отчетливо сквозит мысль о том, что любые «проекты» улучшения земледелия бесполезны, пока не решен основной — освобождение крестьян. С осуществлением этого центрального требования остальные проблемы сельского хозяйства решатся сами по себе, благодаря творческой инициативе неугнетенного крестьянина: « Народ, не прикрепленный к земле, не нуждаясь почти ни в какой заботе со стороны высшей власти, сам по себе организует колонии в неосвоенных областях государства, что будет сделано безо всяких или с минимальными затратами со стороны правительства». ²

Ход рассуждения А. Кайсарова показателен: для него политическая экономия — прежде всего, наука, обосновывающая право человека на свободу. Именно это дает возможность Кайсарову сблизить таких, по существу, различных представителей экономической мысли, как Зюссмильх, Юсти, Бюш, Адам Смит, Артур Юм и др. Подход Кайсарова аналогичен здесь точке зрения, которую через десятилетие с небольшим отчетливо сформулирует Николай Тургенев:

«Кроме существенных выгод, которые доставляет политическая экономия, научая например не делать вреда, когда стремишься к пользе, она благотворна в своих действиях на нравственность политическую (курсив мой — Ю. Л.) Занимающийся политическою экономиею, рассматривая систему меркантилистов, невольно привыкает ненавидеть всякое насилие, самовольство и в особенности методы делать людей счастливыми, вопреки им самим. Проходя систему физиократов, он приучается любить правоту, свободу, уважать класс земледельцев (. .). Наконец, занимающийся политическою экономиею, проходя систему, называемую смитовою или критическою, научается () простому здравому смыслу и всему, что естественно, непринуж-

¹ Dissertatio, стр. 19.

² Там же, стр. 22.

денно. Он и здесь увидит, что *все благое основывается на свободе* (курсив автора)». ¹

Интерес к политической экономии поставил Кайсарова перед вопросом о перспективах промышленного развития России. А это, в свою очередь, потребовало, уже с другой стороны, критики крепостнических отношений. В главе XII работы он поставил вопрос о необходимости освобождения крестьян для обеспечения фабрик и мануфактур рабочей силой. Практика промышленности на основе крепостного труда вызывает у него решительное осуждение. Так, он резко осуждает указ от 22 июля 1763 г., на основании которого «иностранным колонистам, которые собирались организовывать фабрики, было предоставлено высшим правительством право свободной покупки сел, вместе, разумеется, с населяющими их крепостными». ² Эта мера не только несправедлива по отношению к крестьянам, но и невыгодна для промышленности: «Если раб, а не свободный человек работает на фабрике, то он трудится по принуждению и, следовательно, каких плодов можно ожидать от его труда». ³ Освобождение крестьян приведет к развитию промышленности, а это, в свою очередь, улучшит положение торговли, которая из пассивной превратится в активную, поскольку «вещь, которую произвела отечественная земля, вывозиться будет не сырой, а предварительно обработанной».

Отрицательное отношение Кайсарова к крепостной промышленности продиктовано, однако, не только низким уровнем производительности труда последней, но и сочувствием крестьянам, эксплуатация которых принимала в этом случае чудовищные формы. Ссылаясь на свои личные наблюдения, Кайсаров писал, что крепостные «деревни, в которых основаны фабрики, терпят жестокую нужду, поскольку жители в них отрываются от земледелия». ⁴

Аналогичные впечатления зафиксировал в своем дневнике Н. Тургенев, побывав летом 1819 г. в своей деревне: «Работа фабричная, — писал он, — изнуряет людей еще в самом младенчестве».

Однако, по мнению Кайсарова, для успешного развития промышленности необходимо не только наличие свободных рабочих рук: требуется еще иметь свободное городское население — третье сословие, которое могло бы обеспечить сбыт продукции отечественной промышленности. Для этого необходимо обеспеченное и свободное население. В современной же России Кайсаров видит только крепостных, заботящихся лишь о том, чтобы иметь «достаточно пищи для поддержания жизни», и знать, которая

¹ Н. Тургенев, Опыт теории налогов, Второе издание, Спб., 1819, стр. XVI—XVIII.

² Dissertatio, стр. 23.

³ Там же.

⁴ Там же.

«покупает только иностранные (exotici) товары». ¹ Пока не появилось третьего сословия, «наши города останутся городами только по имени». ²

В период, когда революционные бури конца XVIII в. еще были свежи в сознании современников, Кайсаров не мог не понимать, что появление третьего сословия — вопрос, касающийся не только развития фабричного производства, но и широких общественно-политических проблем, однако, предпочитал этой стороне дела не затрагивать. Тем не менее, в качестве подтекста в разбираемых главах постоянно присутствует мысль, сформулированная позже Н. Тургеневым, писавшим: «На что суровость феодального правления не могла подействовать, на то имели сильное влияние происхождение городов, сделавшихся убежищем независимости, распространение торговли, заведение фабрик и мануфактур, произведенное тем усовершенствование земледелия и, наконец, образование среднего состояния граждан, сделавшегося весьма важным в составе государственном». ³

Рассмотрение экономических воззрений Кайсарова убеждает, что, хотя он и не поднялся до оправдания революционного переустройства общества, однако, идея отрицания системы феодально-крепостнических отношений была ему присуща.

Диссертация Кайсарова обнаруживает ряд черт, весьма показательных для умонастроений передовой дворянской молодежи раннего этапа развития декабризма. Она характерна как своими исторически обусловленными слабыми сторонами (вера в правительственную инициативу, туманность основных формулировок: так, например, отстаивая «собственность» крестьян, Кайсаров четко не определяет своего отношения к тому, с землей или без земли должен быть освобожден крестьянин), так и сильными (отрицанием крепостничества, резким осуждением помещиков, активным народолюбием и верой в творческие силы народа). Вместе с тем, диссертацией Кайсаров завершил не только литературный, но и общественно-политический разрыв с карамзинизмом — идеологией, наиболее умело и последовательно защищавшей классовые интересы дворянства.

Интерес к политической экономии, отмеченный Пушкиным как отличительная черта умонастроений передовой дворянской молодежи 1818—20 гг., не являлся следствием поверхностной моды — это было одно из проявлений поворота умов «от бесплодных полей мрачной мечтательности к важной действительности» (Н. Тургенев) Поколение, выросшее в атмосфере освободительных идей демократической философии XVIII в. и патриотического пафоса 1812 г., привыкло к мысли о свободе как неотъемлемом праве человека и, считая стремление к вольности

¹ Dissertatio, стр. 23.

² Ср. слова А. Бестужева о том, что в России «города существуют только на карте», Из писем и показаний декабристов, Спб., 1906, стр. 37.

³ Н. Тургенев, Опыт теории налогов, стр. 5—6.

«чертой века», сознательно и страстно противопоставляло себя людям эпохи, о которой «свежо предание, а верится с трудом».

Вера в то, что «столетие требует свободы», пронизывает всю диссертацию Кайсарова. Цитируя известное место из IV эклоги Виргилия о наступлении новой эры, он заключает: «Иное время требует новых нравов. И ведь засияло уже то время, тот благодатный день, который приказывает, обещает, требует нового, более счастливого порядка вещей».¹

Историческая оценка места антикрепостнической диссертации Кайсарова в развитии общественной мысли в России возможна лишь при сравнении ее с сочинениями современных ему представителей основных направлений общественно-политической мысли.

Деятели лагеря откровенной реакции не сложили оружия. В том же 1806 году, в котором Кайсаров защищал диссертацию о необходимости освобождения крестьян, в Москве вышла брошюра Растопчина «Плуг и соха», возражавшая даже против чисто технических новшеств в сельском хозяйстве из боязни способствовать «склонности к новостям» «в образе мыслей». Как известно, непосредственным толчком к началу работы Кайсарова над диссертацией явился выход брошюры прибалтийского барона Вольдемара Унгерн-Штернберга, напечатанной в 1803 г. в Петербурге.² Написанная под влиянием панического ужаса, посеянного в среде прибалтийского «рыцарства» восстанием 1802 г. в поместье Каугури (при подавлении его была использована артиллерия), брошюра в цинически-развязном тоне проповедовала карать как «предпочтительное средство при внутренних беспорядках», а философов—врагов крепостного права рекомендовала «вздернуть на виселице». На основании того, что брошюра была запрещена, а автору объявлено «негодование его величества за столь дерзновенный поступок»,³ В. И. Семеvский сделал вывод о том, что, якобы, реакционные идеи, высказанные Вольдемаром Унгерн-Штернбергом, «противоречили либеральным намерениям правительства по крестьянскому вопросу вообще и, в частности, желанию улучшить быт крестьян в Лифляндии».⁴ Болезненность реакции правительства на брошюру объяснялась, конечно, не нежными чувствами его по отношению к крестьянам, хотя откровенная прямолинейность автора-крепостника могла неприятно подействовать на игравшее в либерализм правительство. Следует вспомнить, что в ежегодном отчете, составленном для Александра видным деятелем «Негласного комитета» министром

¹ Dissertatio, стр. 29.

² Ist die, von Einigen des Adels projektierte Einführung der Freiheit unter dem Bauernstande in Livland, den Staatsrechte Rußlands conform? Eine Abhandlung, den Landtag in Livland von 1803 betreffend von Woldemar Freyherr von Ungern-Sternberg verabschiedeten Major ., St. Petersburg, 1803.

³ Исторические сведения о цензуре в России, Спб., В типографии морского министерства, 1862, стр. 13.

⁴ В. И. Семеvский, Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I, СПб., 1888, стр. 289.

внутренних дел гр. В. Кочубеем, решительно одобрялось применение оружия против крестьян в Каугурах.

«В Лифляндии крестьяне Вольмарского уезда, — читаем здесь, — при объявлении им высочайшего указа о сложении стационарной подати, предавшись ложным толкованиям, возмечтали, что всем даруется им и совершенная от всех повинностей помещичьих свобода, и отложение от повиновения (. .). Воспаление умов столь было сильно, что не прежде возвратились непокорливые к порядку, как по истощении всех кротких средств со стороны правительства и когда уже признано было нужным образумить буйство действием силы». ¹ Высочайшее негодование было, видимо, вызвано другим (судить с достоверностью трудно, поскольку «Исторические сведения о цензуре», на данных которых, кстати, основывался и Семевский, очень скупо повествуют об этом эпизоде, найти же подлинное дело в фондах ЦГИА в Ленинграде нам не удалось, возможно, оно уже не существует). — Опасаясь распространения крестьянского движения, Александр потребовал от дворянства обсудить на ближайшем ландтаге меры по изменению положения крестьян. В виду этой, весьма определенно выраженной воли правительства, озлобленные ругательства Унгерн-Штернберга, называвшего сторонников любого улучшения в положении крестьян «тупоголовыми», приобретали определенно оскорбительный для правительства характер. Как намек на «Негласный комитет» могло быть воспринято написанное в вызывающей форме посвящение к книге. «Я посвящаю это рассуждение всем тупым головам, которые болтают о совершенстве, от которого они сами более всего удалены». ²

Кайсаров, возмущение которого было продиктовано иными соображениями, чем руководившая Александром I смесь наигранного негодования с уязвленным самолюбием и стремлением встать в позу либерального преобразователя, писал, имея в виду Унгерн-Штернберга, что «появился человек выдающейся наглости — если только он заслуживает названия человека, и притом владелец какого-то поместья в Ливонии, который утверждает, что рабство исходит из природы, соответствует принципам человеческого разума и что русский народ по законам и предписаниям природы должен терпеть рабство». Кайсаров негодует по поводу советов автора сохранить «рабство, не ограниченное никакими пределами» и убеждений «принимать во имя сохранения и укрепления его жесточайшие воинские меры». «Голос, — комментирует Кайсаров, — поистине достойный жадного купца-англичанина, ради жажды золота отнимающего у рабов свободу, а не русского гражданина, да еще в XIX веке». ³

¹ Доклад министра внутренних дел с представлением отчета с учреждения министерства за последние четыре месяца 1802 года, Санкт-петербургский журнал, № I, 1804, стр. 15—16.

² «Ist die, von einigen des Adels...», S. 3.

³ Dissertatio, стр. 2.

Идеи, против которых выступил Кайсаров, были живучи. Через десять лет после защиты им диссертации, в 1816 г., в Харькове М. Грибовский, в будущем доносчик на «Союз Благоденствия», отпечатал в университетской типографии брошюру «О состоянии крестьян господских в России». Главной своей целью он считал опровержение мнений, «утверждающих рабство противным вовсе уму и уничижающим природу человеческую». ¹ Если Кайсаров доказывал исконную свободу русского крестьянина, то для Грибовского «существование рабов в России в самые древние времена (. .) не может быть подвержено никакому сомнению». ² Он цинически одобряет торговлю людьми, поскольку «почитая раба вещь, которою владетель располагает по воле своей, должно допустить и продажу его». ³ На духовенство автор возлагает обязанности «предостерегать крестьян против ложных разглашений и утверждать в повиновении владельцам, а в случае возмущения, — с удовлетворением отмечает он, — местное начальство тотчас подает руку помощи, и даже для усмирения посылаются воинские команды». ⁴ Если Кайсарова рассуждение Арндта о римских рабах заставило вспомнить о крепостных в России, то Грибовский стремится доказать невозможность такой параллели (стр. 73).

Заостренность воззрений Кайсарова против идей реакционно-помещичьего лагеря, так же как и актуальность для эпохи начала XIX в. предпринятого им труда, предстает, таким образом, с полной очевидностью.

Такого же внимания требует рассмотрение соотношения воззрений Андрея Кайсарова с лагерем правительственным, поскольку в буржуазно-либеральной исследовательской науке укрепилось мнение о диссертации Кайсарова как о результате воздействия на автора либерального правительственного курса.

Настоящий очерк не может претендовать на сколь-либо детальное рассмотрение постановки крестьянского вопроса в правительственной политике начала 1800-х гг. Однако и указания на уже вошедшие в научный оборот сведения достаточно для того, чтобы убедиться в несостоятельности либерального искажения смысла деятельности Кайсарова.

Если за закрытыми дверями «Негласного комитета» молодые друзья Александра любили рисоваться своим свободолюбием и

¹ О состоянии господских крестьян в России, соч. М. Грибовского, Харьков, 1816, стр. 1. Книга была посвящена Аракчееву. Декабристы Бурцев и Аврамов показывали при первом допросе, что источником их свободомыслия были «сочинения Гравовского (описки, надо — Грибовского) о свободе крестьян» (см. «Восстание декабристов», IV, стр. 43.). Чтобы правильно понять это показание, следует учесть, что в этот период они «решительно отрицались» от участия в тайных обществах и указывали только «безопасные» источники своего вольномыслия. Рядом с книгой Грибовского они указали на возбуждающее влияние «некоторых действий правительства».

² Там же, стр. 5.

³ Там же, стр. 12.

⁴ Там же, стр. 77.

резкостью оценок существующего в России порядка (правительство не препятствовало тому, чтобы неопределенные и неофициальные слухи об этом проникали в общество, и Александр не прочь был использовать искусственно создаваемый шум вокруг реформаторских намерений правительства для обмана демократически настроенной части общества, с одной стороны, и шантажирования склонной к идее аристократической конституции вельможной оппозиции, — с другой), то открытая общественная дискуссия о положении русского крепостного не могла вызывать в Зимнем дворце никакого сочувствия. Поэтому одни и те же политические формулы, в зависимости от того, были ли они изложены в представленном правительству проекте или предложены на общественное обсуждение в книге, приобретали различный смысл и, соответственно, встречали различную оценку. Так получалось, что одно и то же произведение могло быть награждено бриллиантовым перстнем и запрещено цензурой.

Лейтмотивом всех обсуждений крестьянского вопроса в «Негласном комитете» являлась боязнь того, что любые шаги в сторону изменения существующего положения вызовут широкое народное движение. Строганов в заметке «Об определении положения крестьян» писал, что лучше вообще не пользоваться словом «свобода» «из-за боязни, чтобы оно не было ложно понято и не повлекло бы беспорядков». ¹ В другой заметке он говорил, что «задача состоит в том, чтобы предоставить им (крестьянам — Ю. Л.) эти права без всякого потрясения, поскольку в ином случае лучше не предпринимать ничего». ² Не случайно поэтому обсуждение вопроса в «Негласном комитете» не принесло никаких плодов. Одновременно в предназначенных для широкой аудитории заявлениях правительство решительно подчеркивало свое стремление сохранить основы существующего социального порядка. Не случайно перед опубликованием указа о вольных хлебопашцах в 1803 г. Кочубей в специальном циркуляре губернаторам разъяснял, что «никак не предполагается при сем ослабить порядок, ныне существующий между помещиком и крестьянином», а в следующем, 1804, году правительственный «Санкт-петербургский журнал» опубликовал уже упоминавшийся нами отчет министра внутренних дел за 1802 г. Здесь читатель находил: «В короткое время управления моего министерством внутренних дел встретилось несколько случаев неповиновения крестьян к их помещикам. Зная, () сколь тщетны все своевольные заключения о свободе крестьян или другом порядке вещей, заблуждением или пристрастием рассвayeмые, равно как и то, сколь твердо ваше императорское величество желает удерживать все нужные связи между разными классами подданных Ваших, не допускать, чтобы они выходили из пределов, законом

¹ Николай Михайлович, гр. Павел Александрович Строганов (1774—1817), т. II, Спб., 1903, стр. 43.

² Там же, стр. 42.

для каждого положенных, я во всех случаях в переписке моей с начальниками губерний старался опровергнуть на самом деле нелепость сих заключений. Меры, принимаемые к обузданию и малейших на сие покушений, должны были еще сильнее их в том удостоверить». ¹

К 1806 г. — к моменту защиты Кайсаровым диссертации — ни печатное обсуждение вопросов крепостного права, ни требование немедленной его отмены ни в малой степени не входили в расчеты правительства. Исследователь цензурной политики этих лет отмечает, что «особенно обращали на себя внимание правительства суждения о крепостном праве, к которым оно чрезвычайно подозрительно относилось и всячески старалось стеснять, хотя и не решилось их категорически запрещать». ² Неудивительно поэтому, что русского текста диссертации в печати не появилось, хотя совершенно невероятно, чтобы Кайсаров не предпринимал усилий в этом направлении. Семевский, видимо, основательно считает, что причиной этому явились цензурные препятствия. Обнаружить архивные подтверждения данной мысли нам, однако, не удалось.

Таким образом, между позицией Кайсарова и правительственным курсом в крестьянском вопросе мы можем отметить коренное отличие: Кайсаров открыто и резко осуждает крепостное право, преследуя цель добиться практических и действенных мер по освобождению крестьян. При этом он субъективно исходит из интересов народа, неизменно противопоставляя крестьянина в качестве этического идеала и полезнейшего члена общества дворянским тунеядцам и бездельникам, подымаясь от осуждения отдельных сторон и отдельных представителей дворянского общества до отрицания самого принципа паразитарного существования. Для правительства же Александра I разговоры о свободе крестьян сводились к тактическому маневру в сложной игре, имеющей целью ввести в заблуждение передовую часть общества и укрепить дворянско-помещичий строй, отнюдь не в интересах крестьянина. Наконец, следует отметить и то, что, хотя Кайсаров, не будучи революционным мыслителем и возлагая надежды на Александра I, вынужден был идти на известные компромиссы и одобрять некоторые правительственные мероприятия (например, реформу в Лифляндии), делал он это в надежде на то, что вслед за данными ограниченными реформами последует широкое освобождение крестьян во внутренних губерниях России. Да и самую реформу в Лифляндии Кайсаров расценивал не как удовлетворительное решение вопроса, а лишь в качестве благоразумного по своей осторожности, но всего только

¹ Санкт-петербургский журнал, № 1, 1804, стр. 14—15.

² С. А. Переселенков, Законодательство и цензурная политика в России в 1-ю четверть XIX-го века, в кн.: Описание дел Архива министерства народного просвещения, т. II, под ред. А. С. Николаева и С. А. Переселенкова, Пгр., 1921, стр. XXIX.

первого шага. Необходимо указать и на то, что программа «дней александровых прекрасного начала» явилась высшей точкой правительственного либерализма, от которого в дальнейшем наблюдалось резкое попятное движение, убедившее к исходу второго десятилетия XIX в. наиболее радикально настроенную часть дворянской интеллигенции в тщетности надежд на освобождение сверху. Для Кайсарова же, находившегося в начале своего бурного и рано оборвавшегося пути, пламенно сочувствовавшего народу и искренне искавшего путей к уничтожению рабства, изложенная им в диссертации система воззрений, бесспорно, представляла лишь первый шаг в формировании антикрепостнической системы идей.

Следует иметь в виду, что, хотя Кайсаров и обращался к правительству, не видя другой силы, способной освободить крестьян, но он был весьма далек от безоговорочного одобрения действий правительства. Об этом свидетельствуют его черновые записи геттингенского периода.

Выписывая запомнившиеся ему отрывки из различных книг, он процитировал французское изречение: «Когда-нибудь все будет хорошо — вот наша надежда; все хорошо сегодня — вот наше заблуждение». ¹ Любопытно и то, что, делая выписки из источников по римской истории, он особенное внимание уделил фальшивому либерализму Августа, который «положил основание императорской политики и старался обмануть народ, показывая, что он не нарушает его вольности». ² При разделяемом Кайсаровым подходе к истории как сумме примеров для «поревнования» и осуждения вполне вероятно, что образ Августа вызывал у него ассоциации с характером деятельности Александра I. Именно такой смысл имело использование характеристики Августа в «Песни исторической» Радищева.

Требую освобождения крестьян, Кайсаров не становился на точку зрения русской буржуазии, поскольку в центре его внимания — не судьбы промышленности и торговли (хотя, как мы видели, он уделяет этому вопросу много внимания), а положение народа. Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить его диссертацию с французской брошюрой (также изданной в Геттингене) его товарища по университету Вильгельма Фрейганга. В изданной Фрейгангом книжке не нашлось места для размышлений о положении народа. «Среди преимуществ, которые дает уничтожение рабства, одно из наиболее значительных, — формулирует Фрейганг свой главный аргумент, — особенно при настоящем положении вещей, состоит в возрастании торговли, которое повлечет за собой увеличение циркуляции денег». ³ Ни

¹ «Un jour tout sera bien, voilà notre espérance, tout est bien aujourd'hui, voilà l'illusion». (Тургеневский архив, № 2052, л. 5-об.).

² Там же, л. 42.

³ Guillaume de Freygang, Sur l'affranchissement des serfs, Goettingue, p. 3.

одного упоминания об угнетении крестьян, о праве крепостных на свободу в брошюре не содержится.

Для оценки позиции Кайсарова необходимо также соотнести его воззрения с трудами по крестьянскому вопросу деятелей, в той или иной степени продолжавших традиции русской демократической мысли XVIII в.

При не очень внимательном сравнении сочинений Пнина, Попугаева, с одной стороны, и Кайсарова, с другой, легко наметить схему, подчеркивающую совпадение основных идейно-теоретических принципов. И тот, и другие были противниками крепостного права, и тот, и другие, в отличие от дворянских либералов, подчеркивали, что никакое просвещение народа не может увенчаться успехом, пока крестьянин томится в цепях рабства; можно было бы указать также и на ряд совпадений в аргументации необходимости освобождения. Наконец, никто из перечисленных мыслителей не поднялся до революционного, радищевского взгляда на пути решения крестьянского вопроса. И Пнин, и Попугаев, и Кайсаров — в этом сказалась их общая ограниченность — поднесли свои антикрепостнические труды Александру I, а последние два даже посвятили их ему.

У нас нет оснований сбрасывать со счетов указанные линии сближения Кайсарова и современных ему представителей демократической мысли или объявить это сближение случайным, не имеющим научного значения. Однако, ближайший анализ убеждает, что в позиции указанных деятелей существовали и глубокие различия, отражавшие различие в социальной сущности их мировоззрения.

Революционное мировоззрение Радищева логически последовательно было связано с его теоретико-философскими воззрениями. Материалистическая гносеология Радищева подводила его к выводу об определяющем воздействии внешних обстоятельств на формирование характера человека. Основные положения по этому вопросу, как известно, были изложены еще в философском приложении к «Житию Ф. В. Ушакова». ¹ Представление о том, что «общежитие вселяет в нас род своих мыслей», заставило Радищева сделать вывод об ответственности общественного порядка за нравственный облик человека и потребовать изменения социального строя, уродующего человека, который способен, по своим потенциальным возможностям, «к прекрасному, величественному, высокому». ² Революционное мировоззрение вызвало

¹ «Человек рождается ни добр, ни зол. Утверждая противное того и другого, надлежит утверждать врожденные понятия, небытие коих доказано с очевидностью», «...люди зависят от обстоятельств, в коих они находятся». «Различное соитие внешних предметов, на нас действующих, должно неотменно производить различное чувствование». (Полн. собр. соч., т. I, стр. 191 и 199). Подробно об этом см. в ст. Ю. М. Лотмана. Из истории литературно-общественной борьбы 80-х годов XVIII века. А. Н. Радищев и А. М. Кутузов, сб.: Радищев, ЛГУ 1950.

² А. Н. Радищев, Беседа о том, что есть сын отечества, Полн. собр. соч., т. I, стр. 215.

к жизни те черты историзма, которые, проступая сквозь метафизичность теории договорного происхождения общества, составили своеобразие социологической концепции Радищева. «Человек — хамелеон, принимающий на себя цвет предметов его окружающих». ¹ Следовательно, стремления людей определяются окружающими их условиями, а из этого вытекает, что в справедливом обществе, в котором условия существования всех людей одинаковы, интересы отдельной личности и общества совпадают:

«Свою творю, творя всех волю».

Так возникала этическая теория, основанная на оправдании права человека на счастье и враждебная идеалистическому учению о жертве как основе морали. Теория договорного происхождения общества получала при подобном подходе революционное звучание. — Человек, свободный в своем «дообщественном» состоянии, сохраняет полноту своей свободы и после вступления в общество, поскольку его стремление к счастью не ограничивается, а подкрепляется стремлением к счастью других членов общества. Поэтому никакое ограничение свободы человека не может быть оправдано общим благом (общее благо не противоречит частному) и всякий, даже единичный, случай угнетения есть показатель несправедливости всего строя и достаточное основание для революции.

В несправедливом обществе (объяснить материалистически происхождение угнетения Радищев не мог и склонен был искать его в невежестве народа, дающего обмануть себя тиранам, вооруженным религиозными «предрассуждениями») условия жизни угнетенных, «кормильцев тощеты и насытителей глады» всего общества, и их угнетателей не одинаковы. Следовательно, не одинаковы и их стремления. Из этого Радищев делал гениальный по глубине вывод о невозможности «убедить» тиранов и, — отсюда — о необходимости революционной борьбы.

Эта стройная теория, органически соединявшая материалистическую гносеологию ² с идеей народной революции, смогла быть воспринята ближайшими последователями Радищева далеко не в полном объеме. Сохранив и антикрепостнический пафос, и материалистический характер мировоззрения, они по условиям эпохи не смогли подняться до революционной целеустремленности Радищева. Особенно типична в этом отношении система воззрений Пнина.

Мировоззрение Пнина строилось на четкой материалистической основе. Вера в материальность мира и в способность человеческого разума на основе опытного знания проникнуть в сокро-

¹ А. Н. Радищев, Житие Ф. В. Ушакова, Полн. собр. соч., т. I, стр. 200.

² Ср. представления материалистов XVIII в., охарактеризованные словами Маркса: «Если человек создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими». К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, стр. 160.

венные тайны природы составляет основной пафос большого стихотворного цикла Пнина. Человек для него «на земли, что в небе бог»,¹ —

«. . . Снискавший мудрость сам собою
Чрез труд и опытность свою».

Если современная Пнину дворянская поэзия сосредоточивала свое внимание на субъективно-лирической тематике, то для Пнина характерен интерес к вопросам естественно-научного характера. В этом отношении показательны такие стихотворения, как «Время», «Солнце недвижно между планетами» и другие, продолжавшие естественно-научную лирику Ломоносова и решительно противоположные современной Пнину дворянской поэтической традиции XVIII в. Этико-политическая система Пнина также строилась на основании принципов, характерных для демократической философии XVIII в. Однако, следуя в понимании человека и общества за Радищевым, Пнин не сумел сделать революционных выводов, органически вытекавших из самой сути исповедуемых им взглядов. Это наложило на всю его систему печать половинчатости и нерешительности. Особенно характерно в этом отношении основное произведение автора — «Опыт о просвещении относительно к России».

В основе построений Пнина лежат представления сенсуалистического материализма. Это определило все политико-социологическое построение трактата. «Человек, — писал Пнин, — ни на одну минуту в жизни своей не может, так сказать, отделиться от самого себя; все, на что он покушается, что ни предпринимает, что ни делает, все это имеет предметом доставления себе какого-нибудь блага или избежания несчастья».² Теория договорного происхождения общества понимается Пниным в радищевском духе, и из этого следует вывод о максимальной свободе личности как о высшем законе общественного союза. «Один лишь человек есть господин над самим собою: для безопасности своей живет он в обществе. Следовательно, общество должно каждому из членов своих обеспечить наслаждение самим собою, обеспечить свободно употребление законных его прав и владение вещей, чрез трудолюбие и промышленность им приобретаемых. Из чего следует, что никакая власть на земли не имеет права лишить человека свободы, которая не иное что есть, как способность трудиться для счастья своего согласно с правосудием, ни собственности, под коею разумеется все, что только человек имеет или доставляет себе чрез свои попечения, дарования, проворство».³

¹ Поэты-радищевцы, Вольное общество любителей словесности, наук и художеств, ред. и комментарии Вл. Орлова, Сов. писатель, 1935, стр. 184.

² И. Пнин, Опыт о просвещении относительно к России, Спб., 1804, стр. 13—14.

³ Там же, стр. 76—77.

Понятие «собственности» у Пнина заполнено ярко выраженным антифеодальным содержанием. В понимании связи права собственности и личного труда Пнин развивал взгляды, характерные для русской демократической мысли конца XVIII в.: «Человек приобретает справедливые права на все те вещи, которые, дабы сделаться таковыми, каковы они есть, *требовали употребления личных его способностей* (курсив мой — Ю. Л.). Его работа сливает его так сказать с вещью, которую брал он на себя труд образовать, усовершенствовать, сделать полезною, хотя бы то было для себя, хотя бы то было для других»¹ В подобном контексте апология собственности представляла собой защиту права крестьян на полное пользование продуктом своего труда.

В исходных положениях рассуждений Пнина скрывалась возможность революционных выводов радищевского типа. Если «никакая власть на земли не имеет права лишать человека свободы», то сама природа общества требует уничтожения самодержавия. Если справедлива только собственность, основанная на личном труде, а сам труд полезен для общества только тогда, когда он свободен, то ни о каких средствах смягчения крепостного права не может быть и речи — необходимо полное его уничтожение. Тезис же о материальном интересе как ведущем стимуле человеческой деятельности (человек «что ни предпринимает, что ни делает, все то имеет предметом доставления себе какого-нибудь блага») при радищевском его истолковании естественно подсказывал вывод о невозможности ожидать «свободу сельских жителей» от «великих отчинников».

Итак, связь исходных принципов Пнина с мировоззрением радищевского типа бесспорна. Антикрепостнический характер его воззрений со всей очевидностью предстает даже из текста первого варианта его трактата. Однако, хотя признание спасительности и неизбежности народной революции само вытекало из последовательного применения основных принципов его труда, Пнин, решительно разойдясь с Радищевым, не сделал подобного вывода. Он не только не пришел к признанию права народа на революцию, но и решительно выступил против этого права. Он писал: «Сколь система, стремящаяся к распространению таких прав, ведет к погибели, поселяет дух раздоров, возжигает всеобщий пожар и потрясает самое основание царств (), наконец оные ниспровергает. От семени сего первого их закона должно было непременно произрасти древу вольности, коего очаровательные по наружности своей плоды, заключив в себе сокровенный яд, который, силою своею побеждая силу рассудка, воспламеняя воображение, производит то бешенство и неистовство, в которых только Франция могла дать пример».² Интересно, что для оправдания отрицательного отношения к революции

¹ И. Пнин, Опыт о просвещении относительно к России, Спб., 1804, стр. 78.

² Там же, стр. 26.

Пнину пришлось прибегнуть к помощи аргументов, заимствованных из арсенала дворянского идеализма и находящихся в разительном противоречии с его собственными основными принципами. В поисках силы, способной перестроить общественный порядок, он обращается не к народу, а к правительству. «В России, — писал Пнин, — государь и есть законодатель. — Он все может, чего ни пожелает, и какой монарх находил препятствие к деланию добра? Снять оковы с народа, возвратить людей человечеству, граждан государству, есть такое благодеяние, которое делает царей бессмертными. .».¹

Общие положения Пнина были исполнены глубоких революционных потенций, но его практические выводы, в виду исторической невозможности опереться на народное движение широкого размаха, отличались нерешительностью и половинчатостью. В общей части своего труда он писал, что «все, требуемое от земледельца для пользы государства, есть сколько необходимое, столько и справедливое. Всякое же другое требование есть уже зло, для отращения коего нужно законодательно употребить всю свою деятельность. Как можно, чтобы участь толико полезнейшего сословия граждан, от которых зависит могущество и богатство государства, состояла в неограниченной власти некоторого числа людей, которые, позабыв в них подобных себе человек, человек их питающих (. . .) поступают с ними иногда хуже, нежели с скотами, им принадлежащими».² Следствием подобных рассуждений, казалось бы, должно быть требование полного уничтожения крепостного права, однако, переходя к конкретной программе действий, Пнин требует лишь наделения крестьян правом владения движимой собственностью, с разрешением последующего выкупа. «Я, со своей стороны, — писал Пнин, — желал бы, *соображаясь с нынешними обстоятельствами* (курсив мой — Ю. Л.), чтоб господские крестьяне имели хоть движимую собственность», выражая дальше надежду, что «за первым шагом следует другой».³

Василий Попугаев принадлежал к числу наиболее решительных мыслителей демократического лагеря. В основе его суждений лежала мысль о том, что «человек, тем более народ не должен рабствовать».⁴ Радищевская философия общества была им воспринята более полно, чем кем-либо другим. Однако и он, в прямом противоречии со своими исходными принципами, тяготеет к мирному пути (хотя и угрожает помещикам возможностью революционного взрыва), ищет в конституции средства, уравни-

¹ Цит. по публикации А. Н. Филиппова: «И. П. Пнин и его «Опыт о просвещении относительно к России», Известия ОРЯС АН СССР, т. II, кн. 2, Л., 1929, стр. 515.

² И. Пнин, Опыт о просвещении относительно к России, Спб., 1804, стр. 48.

³ А. Н. Филиппов, И. П. Пнин и его «Опыт о просвещении относительно к России», Известия ОРЯС АН СССР, т. II, кн. 2, Л., 1929.

⁴ В. В. Попугаев, О благополучии народных тел, Рукописное собрание Института русской литературы АН СССР, Р. II, оп. I, № 326, л. 8-об.

вешивающего народ и власть, «сии две борющиеся силы».¹ Ненавистник крепостного права, он, однако, не решается апеллировать к революционной энергии народа. «Не призывая открыто к народной революции, к насильственному свержению власти царя и помещика, как это делал Радищев, Попугаев сосредоточил свою энергию на резкой критике монопольных прав и привилегий дворянства, главным образом, в области просвещения и воспитания».²

То же стремление сузить значение теоретических принципов демократической философии XVIII в. характерно и для мыслителей-демократов следующего поколения (Куницын, Арсеньев), также резко отрицательно относившихся к крепостному праву (причем это отношение закономерно вытекало из всей системы воззрений на договорную природу общества), но в равной мере уклоняющихся от революционных выводов.

По всей книге К. Арсеньева разбросаны высказывания, свидетельствующие о его отрицательном отношении к крепостному праву и недвусмысленно указывающие на социально-философские корни этого отношения. Так, охарактеризовав помещиков как класс «непроизводящий», а крестьян как основную производящую силу, он мимоходом бросает: «Весь класс непроизводящий в политико-экономическом отношении совершенно ничтожен».³ В другом месте он, сопровождая мысль осторожной ссылкой на официально одобренное сочинение Якоби, доказывает, что «крепостность земледельцев есть также великая преграда для улучшения состояния земледельцев».⁴ Для осуждения рабства крепостных крестьян Арсеньев прибегает к разным тактическим средствам: он цитирует резко осудительные высказывания иностранных писателей, а затем отмежевывается от них, но только наполовину. «Сии описания иностранцев, — заключает он, — увеличивают слишком много невыгоды крепостности, *но во многих отношениях имеют свои основания* (курсив мой — Ю. Л.)».⁵

Однако выводы Арсеньева еще более ограничены, чем у Пнина, не говоря уже о Попугаеве.

Таким образом, общая характеристика теоретических построений деятелей антидворянского лагеря рисуется в следующем виде: основой их взглядов является система воззрений материалистической философии XVIII в. В условиях наивысшего напряжения классовой борьбы крепостных крестьян в России 90-х гг. XVIII в., — борьбы, совпавшей с революционным кризисом,

¹ В. В. Попугаев, О благополучии народных тел, Рукописное собрание Института русской литературы АН СССР, Р. II, оп. I, № 326, стр. 38-об.

² В. Орлов, Русские просветители 1790—1800-х годов, Гослитиздат, 1950, стр. 302.

³ К. Арсеньев, Начертание статистики Российского государства, СПб., 1818, стр. 102.

⁴ Там же, стр. 106.

⁵ Там же, ч. II, 1819, стр. 90.

потрясшим феодальные режимы Европы, оказалось возможным сделать из общих принципов материалистического мировоззрения объективно вытекавшие из них революционные выводы. В дальнейшем судьба демократической идеологии оказалась сложной: ее историческое развитие в период первой четверти XIX в. связано было с потерей боевой, последовательной революционной теории.

Мировоззрение Кайсарова выросло на иной основе. Его социально-политические и философские взгляды не отличались такой определенностью, как воззрения Пнина или Попугаева. Юношеские годы Кайсарова, как и Андрея Тургенева, прошли в атмосфере масонского идеализма, который сменился субъективизмом Карамзина. Социальная база этих философских построений была одна: они выражали классовые интересы дворянства и политическим адекватом имели идеи дворянского либерализма. Однако, как мы видели, еще в Москве наметилось стремление Андрея Тургенева и Андрея Кайсарова сблизиться с демократическими мыслителями, подвергнуть критике философские принципы карамзинизма. Навык критики философского субъективизма и стремление пробиться к философии действительности пригодились Кайсарову в Геттингене.

Геттингенский университет был цитаделью кантианства. Кайсаров, в частности, слушал лекции верного последователя Канта — Бутверка. Однако, агностические рассуждения профессора вызвали критику со стороны Кайсарова и Андрея Тургенева. Так, в письме от 10/22 декабря 1802 г. из Вены Андрей Тургенев спрашивал Кайсарова: «Скажи, брат, кантовой ли системе у вас следуют. Кажется, Бутверк от нее непрочь. .». ¹ Видимо, получив от Кайсарова подробную характеристику философского содержания лекции, Андрей Иванович в письме от 4/16 января 1803 г. выступил с развернутым опровержением агностицизма Бутверка, по которому действие ценно не своим объективным результатом, а субъективным отражением в сознании действующего. А. Тургенев писал: «В каком это духе, брат, твой и мой Бутверк писал к тебе, что: «Mensch als Mensch muß idealisieren. Aber er soll nicht begehren erfüllt zu werden, или à peu près.» Так! Строить лестницы, чтобы никогда не всходить на их вершину? Шить сапоги, чтобы никогда их не носить и т(ак) далее». Характерно продолжение письма, типичное для того стремления к активным действиям во имя народного блага, которое объединяло обоих друзей. «Если «idealisieren», — продолжал Андрей Тургенев, — значит составлять идеалы будущей жизни, т. е. делать планы и если не должно ждать их исполнения, то человек имеет еще и другую цель, благороднейшую и полезнейшую для него и для других. Он может действовать и должен действовать: к чему сон без усталости и забава без труда. *А умозрительность, не имею-*

¹ Тургеневский архив, № 840.

щая никакого влияния на действительность, есть праздное только состояние души, не приносит ни труда, ни усталости (курсив мой — Ю. Л.)». ¹

Для философской позиции Кайсарова в эти годы весьма показателен ряд рассуждений в его диссертации. Следует остановиться на одном из них. В главе IV, обосновывая необходимость уничтожения крепостного права, Кайсаров называет в качестве «вечного свойства государства» требование, чтобы «частная польза каждого уступала всеобщей». ² Тезис этот, сам по себе идеалистический, основанный на представлении о противоположности общественных и личных интересов, часто встречался в публицистике тех лет. Им оперировали защитники крепостного права для доказательства необходимости обуздания «эгоизма» стремящегося к «личному благу» народа во имя мнимой «общей пользы», под которой понимались интересы дворянского государства. Полемизируя с философами-материалистами и исходя из учения о врожденно-злой природе человека, масонский журнал «Утренний свет» писал: «Если же душа, как последователи Гельвеция называют, прообразование первоначальных частиц, смертна (. . .), тогда (. . .) общество свободных и мыслящих человек есть ничто иное, как стадо волков», — и далее: «Если бы жизнь телесная единым была последним концом, то бы всеобщая брань всякому давала право споспешествовать благу своему во вред других». ³

Из этого делался вывод о жертве как основе морали, и под видом осуждения эгоизма осуждалось стремление народа к освобождению и земному счастью.

Однако если предпосылки Кайсарова традиционны для дворянской общественной мысли (их широко использовал Карамзин для оправдания самодержавия как средства, ограничивающего «неразумный эгоизм» народа), то выводы оказываются совершенно неожиданными. Под общей пользой Кайсаров понимает не антинародные интересы дворянского государства, а интересы крестьянства. При такой постановке вопроса «частным» интересом, который подлежит ограничению, оказывается не стремление крестьян к свободе, а помещиков — к угнетению народа. «Нужно, — пишет Кайсаров, — тщательно остерегаться, чтобы частные интересы землевладельцев не причинили ущерба обществу и государству». ⁴

Таким образом, формула дворянского идеализма оказывается переосмысленной изнутри, наполненной новым содержанием, направленным на защиту народных интересов от поползновений дворянства.

¹ Тургеневский архив, № 840.

² Dissertatio, стр. 7.

³ Утренний свет, 1778, ч. III, стр. 106 и 111.

⁴ Dissertatio, стр. 8.

Этот пример очень поучителен для определения социальной позиции Кайсарова.

Приравнивать автора диссертации «О необходимости освобождения рабов в России» деятелям типа Пнина (не говоря уже о Попугаеве) с их философским материализмом и боевым демократизмом нет оснований. Его взгляды выросли на основе иной общественной традиции — традиции дворянской общественной мысли. Вместе с тем, на примере анализа воззрений Кайсарова мы проникаем в самые истоки того сложного процесса, в ходе которого передовые представители дворянской общественной мысли, под влиянием классовой борьбы крепостных крестьян и идейного воздействия демократического мировоззрения, обратились к народу и в сложном процессе самоотрицания, порывая еще живые нити, связывавшие их с идеологией дворянского либерализма, и борясь с этой идеологией, закладывали основы формирования сложной и противоречивой теории дворянской революционности.

Глава III.

А. КАЙСАРОВ — ПРОФЕССОР ТАРТУСКОГО (ДЕРПТСКОГО) УНИВЕРСИТЕТА.

Покидая Геттинген доктором философии, Кайсаров отнюдь не склонен был считать свое образование законченным. Он отправился в Данию, а оттуда морем в Лондон. Трудно сказать, что именно заставило Кайсарова избрать Англию местом продолжения своих научных занятий, поскольку документальные данные об этом периоде его биографии чрезвычайно скудны. Возможно, сыграл роль охвативший его в это время интерес к археологии, сведения в области которой он мог надеяться пополнить в Британском национальном музее. У нас также есть данные о желании его извлечь из английских архивов материалы по русской истории. Влияние на выбор, возможно, оказало и стремление познакомиться на месте с английским общественным строем и положением крестьян в Англии, — стремление, естественное в стороннике освобождения, еще не пришедшем к окончательному выводу: с землей или без земли надо пускать крестьян «на волю», каким зарекомендовал себя Кайсаров в своей диссертации.

19(31) мая 1806 г. Кайсаров писал К. Я. Булгакову: «Я сижу теперь в датской пристани Гузуме и дожидаясь уже 4 дня попутного ветра в Англию». Сообщив о том, что «пробыл целый год в Геттингене» (после путешествия по славянским землям), он продолжает: «Я не думаю, чтобы ты молчал от гордости передо мною: ты ведь только граф, а я, брат, сделан в Геттингене доктором философии. При этом случае написал я диссертацию о том, что нехудо бы было отпустить русских мужиков на волю — и посвятить ее государю».¹

Научные занятия в Лондоне и Париже Кайсарову пришлось продолжать в трудных условиях. Позже, в наизидание Сергею Тургеневу, учившемуся в Геттингене, он писал: «Если иногда немецкие карбонады и в душу нейдут, то пусть представишь ты себе 25-летнего молодца в роскошнейшей столице Европы, окру-

¹ Рукописное собрание Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Архив Булгаковых, 45/15, л. 2.

женного богатствами всего света — и питающегося целых пять месяцев одним хлебом и луком»,¹ а Александр Иванович Тургенев, узнав в 1808 г. о возвращении Кайсарова в Россию, писал Н. И. Тургеневу: «А. С. Кайсаров скоро сюда будет; теперь он должен быть в Вене. Пора ему на Святую Русь; пошатался по белому свету и натерпелся нужды; испытал холод и голод. Приятно будет отогреться на русской лежанке или русскими щами».²

Несмотря на материальные трудности, Кайсаров занимался интенсивно, причем в круг его занятий попали также естественные науки. В Эдинбурге он защитил диссертацию на степень доктора медицины (текст диссертации нам неизвестен). Шотландский город Думфрис избрал его почетным гражданином. Научные занятия периода пребывания в Англии известны нам плохо, очевидно лишь, что сфера интересов Кайсарова неуклонно расширялась. Изучив обширные отделы «россики» и «славистики» геттингенской библиотеки, он продолжает разыскивать новые источники сведений. Его путевая книга периода путешествия по славянским землям заполнена библиографическими выписками на немецком, латинском, французском, чешском, польском и др. языках, заметками вроде: «спросить в Гет(тингенской) библиотеке *Doctrina christiana composita dal R. Bellarimino* на албанском языке».³ В Праге спросить у Негедла речь Добровского Леопольду о так называемой грамоте, данной славянам Александром». За этой заметкой следует длинный список книг с указанием, какие из них можно достать в Вене, какие в Лейбахе и Эссексе. Письма Кайсарова к друзьям переполнены советами изучать языки, исторические науки, экономику и просьбами прислать те или иные книги по самым различным областям знания. В письмах к Андрею Ивановичу в Вену он диктует другу обширную программу учебных занятий, рекомендует литературу, просит о покупке и посылке книг, которых в Геттингене нет. В письме к Мерзлякову в конце 1802 г. он уговаривает его читать греческих поэтов и изучать греческий язык. Даже в письме Булгакову, писанном с дороги, не зная еще, как сложится его жизнь в Англии, и находясь в стесненных материальных условиях, он просит: «Нет ли, брат, каких-нибудь новеньких книжек? Отпиши, брат, ко мне об этом. В Вене вышла история Валахии и Молдавии 1805 года, не худо бы ее достать».⁴

Приехав в Москву, Александр Иванович спешит сообщить

¹ Архив бр. Тургеневых, вып. 2, стр. 445.

² Там же, стр. 370.

³ Албанский язык заинтересовал Кайсарова: на л. 94 его путевой записной книжки (Тург. арх., № 2052) находим выписки из указанной албанской книги, «Отче наш» на том же языке и заметку: «Экземпляр, который я брал в Геттингенской библиотеке, принадлежал прежде Теофилю Зигриду Баеру (...) Жаль, что не знаем, как должны выговариваться эти слова, иначе можно как-нибудь найти сходство сего языка с каким-нибудь другим».

⁴ Рукописное собрание Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Архив Булгаковых, 45/15, л. 2-об.

другу в Геттинген, что его «Древняя Российская Вивлиофика» «у нас цела, я стану у нас на Площадке доискивать к ней продолжение и куплю () У нас очень много книг, до Русской истории относящихся». ¹

Если о научных интересах Кайсарова этих лет мы знаем только по отдельным отрывочным сведениям, то для суждения об его впечатлениях от общественного порядка Англии у нас есть, хотя и немногие, но красноречивые документы.

Еще в Геттингене Кайсаров интересовался политическим и общественным строем Англии. Резко отрицательно относясь к положению рабов в английских колониях, считая, что выступление Унгерн-Штернберга в защиту рабства — «голос, поистине достойный жадного купца-англичанина, из-за жажды золота лишаящего рабов свободы, а не русского гражданина, да еще в XIX веке», ² Кайсаров, вместе с тем, сочувственно относился к конституционному строю, считая, что «Британия — монархия, в которой, однако, в высшей степени охраняется свобода и безопасность граждан». ³

Следует отметить, что Кайсаров был не одинок в своих иллюзиях относительно буржуазных свобод Англии. Даже не касаясь реакционного по существу англоманства фрондирующей аристократии (таких, как С. Ф. Воронцов, Новосильцев и др.), следует отметить наличие симпатий к конституционным свободам Англии и среди демократически настроенных писателей начала XIX в. Так, даже наиболее радикальный из мыслителей «Вольного общества» В. Попугаев высоко оценивал парламентский строй Англии. ⁴

Пребывание в Англии и более близкое знакомство с характером буржуазных свобод заставило Кайсарова пересмотреть свои взгляды по этому вопросу. Не имея возможности научно разобраться в противоречиях буржуазного общества, он тем не менее воочию убедился в том, насколько оно далеко от идеалов государства, защищающего народные интересы. Если Фрейганг в своей брошюре интересовался вопросом освобождения крестьян только с точки зрения поисков свободной рабочей силы для промышленности, то Кайсарова положение народа интересовало не как средство, а как цель. Именно поэтому его поразило характерное для Англии сочетание буржуазно-демократических свобод с нищетой трудовых масс. В бумагах Кайсарова сохранилась любопытная запись на отдельном листке, сопоставляющая положительную оценку социального порядка Англии в книге Венденборна «*Statistische Beyträge zur nähern Kenntnis Großbritan-*

¹ Архив бр. Тургеневых, вып. 2, стр. 330.

² *Dissertatio*, стр. 2.

³ Там же, стр. 8—9.

⁴ См. В. В. Попугаев, О благополучии народных тел, Рукописное собрание Института Русской литературы АН СССР, Р. II, оп. I, № 326, л. 6-об.

piens» и в сочинениях известного геттингенского профессора Гёде (Göde) с его собственными впечатлениями.

«Гёде говорит (v. 76 sq.), что нет земли, где бы богатство так справедливо было разделено, как в Англии. В доказательство приводит, что самые бедные едят пшеничный хлеб. Но 1) разве он не видал английских нищих, 2) есть ли в Англии другой какой хлеб, кроме пшеничного? деревенский хлеб печется для домашнего употребления, а не для продажи .»¹

От Кайсарова не укрылось характерное явление английской жизни этих лет: технический прогресс выбрасывает рабочих на улицу и увеличивает резервную армию труда.

«Английское правительство, — пишет он, — принимает совсем не хорошие меры против нищеты. Первое правило тех, которые должны заниматься пропитанием и промышленностью народа, есть то, чтоб естели один род людей через изобретение какой-нибудь машины лишится хлеба, то (чтобы он²) мог тотчас быть употреблен в другие работы. Английские нищие суть или работники, лишившиеся таким образом работы, или жены матросов и фабрикантов (т. е. ремесленников — Ю. Л.), преждевременно от своих занятий умерших. Для этого бы можно найти лекарства».³ Вместе с тем, запись показывает, насколько Кайсаров, собиравшийся «найти лекарства» для улучшения положения народа, был далек от понимания объективного характера экономических законов.

Вернувшись в Россию, Кайсаров вынужден был некоторое время провести на родине в Саратове. К этому вынуждали и материальные обстоятельства, и, особенно, пошатнувшееся здоровье. Малярия, жестоко мучившая Кайсарова во время его путешествия по славянским землям, возобновилась. В это время Кайсаров особенно сблизился с трогательно ухаживавшим за ним младшим из братьев Тургеневых — Сергеем.

С Николаем Тургеневым Кайсаров сблизился еще раньше во время приступа малярии весной 1802 г. Уже тогда он разглядел сходство характеров Николая и Андрея Тургеневых. В письме к последнему он отметил: «Николай имеет право на autorité уже потому только, что много на тебя похож». И через несколько дней: «Николай молодец! То-то характер! Настоящий Андрей Иванович».⁴ Это сходство позже отметил и Александр Тургенев, писавший: «Николая не узнал, вырос чрезвычайно () похож на пок(ойного) брата чрезвычайно», и дальше: «Я не могу смотреть на Николашу; он точный брат .»⁵

Умерший в молодости Сергей Иванович рано определился как мыслитель передового, близкого к декабризму направления. В пе-

¹ Тургеневский архив, № 2052.

² Пропуск в тексте.

³ Тургеневский архив, № 2052.

⁴ Там же, № 50, л. 60 и л. 135-об.

⁵ Архив бр. Тургеневых, вып. 2, стр. 325.

реписке с М. Ф. Орловым он отстаивал освобождение крестьян без какой-либо компенсации помещикам, поскольку «владение мужиками никогда не может быть правом». ¹ В письме А. Кайсарову летом 1813 г. (письмо было написано, когда Кайсаров уже погиб) Сергей, говоря о братьях Александре и Николае, что «оба они философы, только противных систем», ² отметил свою близость к последнему. В этом отношении сближение А. Кайсарова с Сергеем Тургеневым ³ представляет факт весьма знаменательный, бесспорно, сыгравший не последнюю роль в формировании антикрепостнических и свободолюбивых воззрений младшего из братьев Тургеневых.

Пребывание в Саратове не прервало научных интересов Кайсарова, тем более, что с саратовским дворянским обществом молодой противник крепостного права не сошелся. В стихотворении «Прости Саратову» это общество фигурировало, как

Полдюжина почтеннейших мужей,
Плюмажем скрывшая ослину стать ушей.

Расставшись с Саратовым, Кайсаров, после короткого пребывания в Москве, отправился через Петербург в Тарту (Дерпт), где его ждало место профессора русского языка и истории, оставшееся вакантным после ухода в отставку Г. Глинки. Александр Тургенев сообщал в письме от 23-го сентября 1810 г. Николаю в Геттинген: «Андрей Сергеевич должен скоро сюда быть, а потом поедет в Дерпт к своему профессорству, на которое он, кажется, уже там и избран». Далее в том же письме он сообщает эту новость уже утвердительно: «Андрея Сергеевича избрали уже в профессора и послали к нему вокацию». ⁴ О скором выезде Кайсарова на место назначения Ал. Тургенев сообщил в письме от 15-го октября 1810 г. 10-го января 1811 года он писал уже о приезде Кайсарова в Петербург. «Теперь здесь и Андрей Серг(еевич) и на сих днях вместе с Борисом, который со мною, отправляется в Дерпт профессором Р (усской) литер (атуры)», ⁵ 28-го февраля

¹ Декабрист Н. И. Тургенев, Письма к брату С. И. Тургеневу, Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 22.

² Там же, стр. 18.

³ Письма Кайсарова Сергею Ивановичу написаны в тоне, свидетельствующем о близких дружеских отношениях. Летом 1810 г. он писал: «Здравствуй мой милый Сереженька! Ты, думаю, еще в Петербурге. Лихорадка моя оставила было меня на две недели, а теперь опять возвратилась. Наконец уж и скучно платить ей оброк всякой год два по два и по три — но что делать? В жару иногда протягиваю к тебе руку, думаю, ты сидишь подле меня, но не тут-то было. Ты, бывало, ласкою облегчал болезнь мою, а теперь я совершенно один в степях саратовских» (Тургеневский архив, № 386, л. 4).

⁴ Архив бр. Тургеневых, вып. 2, стр. 427.

⁵ Там же, стр. 431. Приехавший в Тарту вместе с Кайсаровым и учившийся в университете во время профессорской деятельности Андрея Сергеевича Борис Тургенев был племянником И. П. Тургенева. Позже он был близко знаком со многими декабристами и А. С. Грибоедовым (см. М. В. Нечкина, А. С. Грибоедов и декабристы, М., 1947, стр. 74 и 142). Вместе с тем, не следует преувеличивать прогрессивности его общественно-

1811 г. он сообщил, что «Андрей Серг(еевич) уже профессорствует в Дерпте». ¹

Кайсаров выехал в Тарту в начале 1811 года, однако, избрание его на должность профессора состоялось раньше. 25 августа 1810 года он был избран, а, как следует из хранящегося в ЦГИА в Ленинграде «Дела об утверждении Кайсарова в звании ординарного профессора Дерптского университета», 8 сентября 1810 года распоряжение о назначении его было уже подписано А. Разумовским. ²

В Тарту Кайсаров прибыл прекрасно подготовленным ученым, доктором двух наук, свободно владеющим основными европейскими, латынью и большинством славянских языков, к тому же ученым с широким кругозором, прошедшим школу исторического исследования, основанного на научной критике большого круга источников, археологом и лингвистом.

Однако Кайсаров прибыл в Тарту не только как квалифицированный ученый, но и как стремящийся к общественной деятельности противник рабства. Взгляды его в этой области если и изменились, то отнюдь не в сторону примирения с крепостничеством. В этом смысле любопытна характеристика, которую дал Кайсаров герою в наброске задуманного им в Саратове автобиографического романа: «Sohn der Natur с пламенным, добрым сердцем, страстным к свободе». ³

Положение эстонских крестьян давало в этом отношении Кайсарову обильную пищу для размышлений. Судьба крепостных в Прибалтике интересовала Кайсарова и прежде: как мы видели, в Геттингене он с возмущением реагировал на выразившую настроения прибалтийских баронов книгу Унгерн-Штернберга. В эту же пору он был уже знаком с известной книгой Меркеля «Латыши, особенно в Ливонии, в исходе философского столетия», ссылку на которую он дает в своей «Мифологии». Была она у него под руками и в Тарту; работая в 1911 г над словарем древне-русского языка, он в тексте рукояиси делает ссылку на этот источник. Знакомство на месте с положением крепостных в Прибалтике должно было научить Кайсарова многому.

политических устремлений. Неустойчивость характера Б. Тургенева отметил хорошо знавший его Кайсаров (они жили в Тарту в одной комнате), который писал летом 1811 г. Сергею Ивановичу: «Мы с Борисом поживаем! Бог знает, будет ли для него какая-нибудь польза. Я согласен с тобою, что он не имеет твердого характера, и это-то меня беспокоит () Но это недостаток всех почти наших соотечественников. Больше гораздо не нравятся мне грубость в его нраве. Это происходит от того, что он думает этим заменить ту твердость, которой ему недостает» (Архив бр. Тургеневых, вып. 2, стр. 445). В том же духе, но еще определеннее, высказался Николай Тургенев, назвавший двоюродного брата, по-крепостнически расправившегося со слугою, «гнусным Борисом» (Декабрист Н. И. Тургенев, Письма к брату С. И. Тургеневу, АН СССР М.—Л., 1936, стр. 261).

¹ Там же, стр. 432.

² ЦГИА в Ленинграде, ф. № 732, оп. I, дело № 33259, л. 112.

³ Тургеневский архив, № 568, л. I.

В период работы над диссертацией Кайсаров мог еще верить в освободительные намерения правительства, однако, последующие события должны были рассеять его иллюзии: даже реформаторская деятельность Сперанского не предвещала в этом отношении никаких решительных мер по уничтожению крепостной зависимости. Ал. Тургенев в письме к брату Николаю в Геттинген цитировал, как показатель политической атмосферы в России, статью, напечатанную 31 августа 1809 года в «Санкт-петербургских ведомостях»: «В предостережение легковёрности признается нужным объяснить, что с некоторого времени прилежным надзором открыты и обнаружены здесь затеи праздных людей, старающихся для собственных видов озоботить ложными слухами внимание публики». К числу таких «ложных слухов» и «нелепых толков» статья относила разговоры о скором выходе указа, «ниспровергающего все отношения помещиков к поселянам».¹

Если надежды на решение крестьянского вопроса правительством постепенно сходили на нет, то одновременно в связи с международными событиями (прежде всего, Тильзитским миром) авторитет Александра I в кругах передовой части общества пал очень низко.

Все это должно было определенным образом повлиять на сторонников свободы народа. Приезд Кайсарова в Тарту, бесспорно, должен был оказать также влияние на его оценку реформы, проведенной в Прибалтике в первом десятилетии XIX в. Он мог воочию убедиться, что положение крепостного, описанное в его диссертации, вполне соответствовало жизни крестьян Эстонии и после законов 1804 года. Указывая на наличие в России пустых земель и низкий прирост населения, Кайсаров в диссертации спрашивал: «Какое можно придумать этому (росту населения — Ю. Л.) большее препятствие, чем если крестьянин, как это имеет место в России, лишен свободы и собственности».² Нищета заставляет крестьян ограничивать браки. Наблюдавший положение эстонских крестьян человек отнюдь не революционных мыслей, а просто объективный чиновник, Арсеньев в донесении Кочубею рисовал картину, разительно напоминавшую описание судьбы крестьянина в диссертации Кайсарова. «Здесь, — писал Арсеньев, — приходится на квадратную версту около 1½ ревизских душ — простора более чем достаточно. Сие обличает коренное притеснение, мешающее народу умножаться при таком множестве земли и способов к пропитанию (), настоящая причина (малого количества детей — Ю. Л.) есть бедственное состояние батраков, погруженных в глубину нищеты, да еще нищеты страдательной, измученной работами».³

Среди профессоров Тартуского университета Кайсаров мог

¹ Архив бр. Тургеневых, вып. 2, стр. 399.

² Dissertatio, стр. 13.

³ (Е. В. Чешихин), Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. I, Рига, 1877, стр. 509—510.

найти людей, осуждавших крепостное право, беседы с которыми быстро ориентировали бы его в истинном положении эстонских крестьян.

В этом отношении любопытна история, разыгравшаяся в Тартуском университете в связи с книгой Г Эверса «О состоянии крестьян в Лифляндии и Эстляндии» в декабре 1806 года — почти одновременно с защитой Кайсаровым диссертации.

В конце лета и осенью 1805 г по северной Эстонии прокатилась волна крестьянских возмущений, явившихся ответом на закон 1804 года. Перепуганное правительство пошло навстречу «рыцарству», подавлявшему ростки антикрепостнической мысли и эстонской национальной культуры. 4 июня 1807 года попечитель учебного округа Клингер доносил министру просвещения учебного округа Завадовскому о том, что «Лифляндское губернское правление () по высочайшему повелению запретило издававшуюся в Дерпте на эстляндском языке газету», однако, одновременно, но представлению Совета университета, он протестовал против произвольного запрещения правлением изданного университетом «небольшого сочинения под заглавием «Von dem Zustande der Bauern in Lief- und Estland». ¹

Содержание запрещенной книги примечательно с точки зрения развития антикрепостнической мысли в Прибалтике.

Выступления крепостных в 1805 году вызвали оживление дебатов по крестьянскому вопросу. Для характеристики трусливой бюргерской оппозиции весьма показательно выступление Коцебу, опубликовавшего в печати некоторые сомнения относительно закона 1804 года для Эстляндии, но под давлением со стороны «гауптмана рыцарства» Розенталя поспешившего печатно взять свои возражения обратно.

Книга Эверса интересна по содержанию. Автор, во-первых, издевается над трусливой позицией либералов, а во-вторых, в меру цензурных возможностей, раскрывает, что нес закон 1804 года для эстонского крестьянина. Возможно, для того, чтобы сделать книгу менее уязвимой в цензурном отношении, Эверс противопоставляет положению эстонского крепостного более свободное положение крестьянина в Лифляндии, но внимание свое сосредоточивает не на последнем, а на острой критике «учреждения для крестьян Эстляндской губернии».

Первая часть книги представляет ядовитую насмешку над неуклюжими попытками Коцебу, стиль которого автор едко пародирует, оправдать «рыцарство», а заодно и свое отречение от собственных убеждений.

¹ ЦГИАЛ, ф. 733, опись 118, ед. 9888, л. I. В отношении Совета университета Клингеру читаем: «Вследствие предписания вашего превосходительства от 24-го декабря 1806 года под № 281-м к ректору сего Университета запрещено университетскому типографщику Гренциусу продолжать печатание и продажу издаваемых здесь на эстляндском языке ведомостей для простого народа».

«Г Коллежский советник фон-Коцебу, — пишет Эверс, — напечатал в периодическом издании под названием «Откровенный» в прошлом году некоторые сомнения относительно нового учреждения для крестьян Эстляндской губернии. Но в 67 номере того же издания, объявил он, что:

I. Г Гауптман рыцарства фон-Розенталь имел благосклонность отвечать ему с величайшею вежливостью на его сомнения и возражения.

II. Что из того, более трех часов продолжавшегося собеседования, в первую очередь, выяснилось, 1) Что рыцарство в представлении своем его И. В. изъявило наипохвальнейшие намерения и что, следовательно,

а) нет никаких причин питать сомнения, ибо многое из того, что могло явиться причиною сомнений, должно пониматься лишь как возвышенное рыцарством, столь благородное, заслуживающее наивысших похвал намерение постепенно приступить к делу, б) потому, что многие другие сомнения объяснены новым законоположением, в) потому что опять-таки на многие пункты г. гауптман рыцарства фон-Розенталь доставил весьма достаточные разъяснения.

III. Что он (г. коллежский советник фон-Коцебу) с величайшим удовольствием убедился в некоторых ошибках, сделанных им при сравнении лифляндского учреждения с эстляндским».

Издаваясь над пустословием Коцебу, Эверс, вместе с тем, утверждал, что «рыцарство должно быть судимо не по словам, а по делам его», напоминая при этом, что «намерение постепенно приступить к делу очень похвально, только следовало бы начать его более удачно, чем это было сделано с эстляндским учреждением, если хотя бы предупредить плачевные происшествия, подобные случившемуся 3 октября 1805 г. в некоторых поместьях близ Ревеля». Из последней цитаты видно, что Эверс, хотя в сноске осторожно оговорил свое сожаление по поводу крестьянского восстания, причиною его считал несправедливость помещиков и жестокое угнетение крепостных.

«Г фон-Коцебу, — пишет Эверс, заключая книгу, — говорит много о достохвальных намерениях Эстляндского рыцарства. Сочинитель настоящей книги не может судить о них, ибо один всевышний судит намерения. То, что рыцарство сделает доброго в будущем, не останется незамеченным, но что делает теперь, того нельзя оправдать надеждою на лучшее».¹

Далее, комбинируя цитаты из различных законоположений, определявших обязанности эстонского крестьянина, Эверс рисует картину полного бесправия и закабаленности: «Крестьянин может быть продан без земли», «Крестьян можно брать в дворовые люди без их согласия», «Хозяин двора, равно как и все его работники, может быть подвергнут домашнему наказанию, которое

¹ Цит. по русскому переводу В. Языкова, хранящемуся в ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 118, дело 1807 г., № 9888, лл. 21—26-об.

может простираться до 30 ударов палками», «Помещик назначает рекрут по собственному усмотрению» Эверс показывает, что крестьянский суд в Эстонии фактически оказывается в руках помещиков: «В приходском суде присутствуют два крестьянина, дабы подтвердить справедливость приговора судей, хотя он (приговор — Ю. Л.) делается без их согласия, которого никогда не спрашивают». Средняя инстанция, куда переносит дело крестьянин, недовольный приходским судом, «составлена из пяти дворян». «Комитет, избранный рыцарством, есть высшая инстанция, где решаются жалобы крестьян на помещиков».

Крестьянин бесправен: «Помещик может отбирать крестьянские земли», «Закон не дает права крестьянину покупать землю и владеть ею».

Положение крестьян, обрисованное Эверсом, было настолько безотрадным (хотя автор и уклонился от изложения своей положительной программы), а критика «добрых намерений» рыцарства столь язвительной, что появление книги вызвало настоящий переполох. Лифляндское губернское правление дало Дерптской полицейской управе предписание: «В доме типографщика Гренциуса все экземпляры сего сочинения захватить, отобрать и, запечатав, доставить в полицию». Предписание требовало также узнать от Гренциуса «имя сочинителя и донести об этом», но последний «отговорился неведением».¹

Университетский совет увидел в этом действии полиции вмешательство во внутренние дела университета и через Клингера обратился к министру просвещения с жалобой.

Просьба университета дала, однако, обратный результат. Завадовский в письме Клингеру полностью одобрил действия губернского правления, книгу Эверса назвал «сочинением, в коем ошутительно кинуты семена к народному вознегодованию о своем состоянии»,² и потребовал имени автора и цензора. Клингер струсил и, резко переменяя курс, начал сваливать ответственность на Совет университета, а последний в письме от 25 мая 1807 года доносил, что «сочинитель есть доктор философии Густав Эверс». Цензором, по сообщению Совета, числился Паррот, однако, книгу рассматривал не он, а весь университетский Совет. При этом Совет пытался оправдаться тем, что «тогда, когда издано сие малое сочинение, «Эстляндское положение» еще не было удостоено высочайшего утверждения». Это объяснение не удовлетворило Завадовского, который на полях карандашом написал: «Естл(яндское) положение утверждено 1804 авг. 27, а сочинение написано в декабре 1806 г.»

Узнав о разгоревшейся истории, Паррот обратился к Завадовскому с полным достоинства письмом, в котором изъявлял готовность полностью принять ответственность на себя. Это,

¹ ЦГИАЛ, ф. 733, опись 118, ед. хр. 9888, л. 5.

² Там же, л. 8

видимо, спасло Эверса: Завадовский не захотел продолжать дело, грозившее перерости в скандал, способный привлечь общественное внимание, и задержал уже заготовленное в его канцелярии резкое письмо Парроту В деле читаем: «Г Министр велел оставить, т. к. книга запрещена и не существует». Последнее неточно: полиция не удалось полностью изъять всех экземпляров книги. Один из них, например, хранится до сих пор в Фундаментальной библиотеке Тартуского университета.

Таким образом, антикрепостнические настроения не прошли мимо прогрессивной части профессуры. Кайсаров, ежедневно встречавшийся с Эверсом, еще до приезда в Тарту интересовавшийся его историческими трудами, не мог не знать нашу мемуарную историю с запрещенной книгой.

Однако в университете имелась и группа реакционных преподавателей, тесно связанных с прибалтийским «рыцарством» и всячески противившихся распространению в университете освободительных идей. Стремясь сохранить кастовые привилегии немецких баронов, они ожесточенно сопротивлялись попыткам Кайсарова наладить преподавание в университете русского языка и русской истории.¹ Именно их А. Тургенев в письме к Жуковскому и Воейкову от 25 ноября 1813 г назвал «волками, которые все в лес смотрят»; «незабвенный Андрей, как верный сын России, сражался с ними беспрестанно...».²

Реакционную часть немецкой профессуры имел в виду Борис Тургенев, когда писал о «выписанных из-за моря» профессорах: «Два попугая, две лошади и собака теперь называются Mitglied или, по-моему, Kollege. Сии животные находятся под протекцией Академии. Правду сказать, — добавляет Б. Тургенев, — недостатку нет (и) у нас в животных.»³

Итак, вскоре после приезда Кайсарова в Тарту определились основные контуры его будущей деятельности: сближение с прогрессивной частью профессуры и студенчества, пропаганда изучения русского языка, литературы и истории и борьба против реакционных профессоров, отражавших крепостнические настроения «рыцарства».

В начале весеннего семестра 1811 г Кайсаров приступил к чтению лекций.⁴ Свою преподавательскую деятельность он рассматривал как часть научной работы. В связи с этим небезынтересно будет остановиться на воззрениях Кайсарова — лингвиста, фольклориста и историка, тем более, что в науке утвердился

¹ О борьбе вокруг утверждения кандидатуры Кайсарова Советом университета см. в ст. Б. Правдина, Русская филология в Тартуском университете, Ученые записки ТГУ вып. 35, 1954, стр. 133, и личное дело Кайсарова в архиве университета (Центральный Исторический архив ЭССР в г. Тарту, ф. 402, опись 3, ед. хр. 705).

² А. Н. Веселовский, Жуковский, Спб., 1804, стр. 149.

³ Тургеневский архив, № 386, л. 1.

⁴ См. Годовой отчет университета за 1811 г., Исторический архив ЭССР, ф. 402 (Tartu Ülikool), оп. 4, ед. хр. 248, л. 19.

безосновательный взгляд на Кайсарова как дилетанта, лишенного глубоких специальных знаний и научных интересов.

Филологические интересы Кайсарова начали формироваться рано. В Геттингене, как свидетельствуют его бумаги, он тщательно изучал лингвистические труды, в частности, почти еще неизвестную в русской лингвистической науке грамматику Лудольфа. Здесь же он, совместно с Александром Тургеневым, начал изучение, наряду с обычными для дворянского образования западноевропейскими языками, славянских языков, отнюдь не попадавших в круг даже самого широкого «светского» образования. В дневнике Ал. Тургенева мы находим указания на «приватное» занятие русских студентов сербским и польским языками.¹

Позже, путешествуя по славянским землям, Кайсаров приступил к работе над осуществлением широко задуманного плана лингвистических трудов. Он задумал создание сравнительного словаря всех славянских языков. В его рукописях начинают попадаться библиографические заметки по лексикографии. Так, он делает выписку из *Catalogue of Dictionaries, Vocabularies, Grammars and Alphabets* ., London, 1796, раздела «*Slavonian Dialect*», выписки интересующего его материала из лексикона Памвы Беринды, *Vocabularum venedicum* («словаря немецко-люнебургского, или полабского», как он сам переводит) К этому же времени относится запись молитвы по-русски, польски, чешски, хорватски, сербски, лужицки и на далматском наречии, а также по-славонски глаголицей. Видимо, под влиянием Шлецера, у Кайсарова, после возвращения из путешествия, возникает проект составления сравнительного словаря всех славянских языков. Вук Караджич писал, что «Шлецер жаловался Стратимовичу, что нет никакого словаря, ни грамматики сербского и болгарского языков».² К началу такой работы, видимо, побуждал он и Кайсарова. По крайней мере, последний в письме Мушицкому писал: «Меня принуждают издать сравнительный словарь славянских наречий».³ Одновременно Кайсаров побуждает деятелей кружка Стратимовича к созданию грамматики сербского языка. Мушицкому он пишет: «Я надеюсь, что Ваша сербская грамматика скоро будет совершена; чем скорее, тем лучше. Стыдно великому сербскому народу оставаться без самонужнейших, начальных книг».⁴ Любопытно, что в качестве материала для своего словаря Кайсаров

¹ См., напр., Архив бр. Тургеневых, вып. 2, стр. 191. В 1805 г. он уже мог, после путешествия по славянским землям, вести переписку с Мушицким по-сербски (См. Я г и ч, Источники для истории славянской филологии, т. II, сб. ОРЯС, т. LXII, Спб., 1897, стр. 695—698.).

² Скульпьени граматички и полемички списи Вука Стеф. Караджича, кн. III, свеска I, Београд, 1898, стр. 68.

³ Я г и ч, цит. соч., стр. 697.

⁴ Там же, стр. 695. Желание Кайсарова осуществилось лишь год спустя после его смерти. В 1814 г. в Вене вышла «Писменица сербского езика по говору простого народа» В. Караджича.

требовал от Мушицкого «слова написать мне простым сербским языком».

Кропотливо работая над сбором лексикологического материала в масштабах, совершенно новых для славистики начала XIX в., Кайсаров, однако, имел в виду не только лингвистическую, но и политическую сторону вопроса. В этом смысле любопытно написанное им в 1805 г. обширное вступление к предполагаемому словарю, существование которого не было известно до сих пор авторам, занимавшимся биографией Кайсарова.

Предисловие написано как публицистическая статья и затрагивает чрезвычайно широкий круг политических и научных вопросов.

В начале Кайсаров касается остро обсуждавшейся еще в «Дружеском литературном обществе» проблемы воспитания. Он осуждает «несчастный или посмеяния достойной обычай, который в ребячестве уже нашем знакомит нас с иноплемениками. Едва еще начинающий чувствовать младенец русской счастливим почитает себя, если хотя некоторое сходство находит в себе с гордым галлом. Самый наружный вид его стараются родители образовать наподобие иноземца. .». Этот тезис перекликается с уставным требованием Союза Благоденствия, предписывавшим бороться с учителями-иностранцами, которые «внушают детям презрение к отечественному и привязанность к чужеземному». Предвосхищая требование декабристской педагогики, Кайсаров пропагандирует идею патриотического воспитания на материале героических примеров из славянской и русской истории. «Спросите сего невинного несчастливца (молодого воспитанника иностранных учителей — Ю. Л.), и сколько прекрасных повествований расскажет он вам о Генрихах и Людовиках, но знает ли он, что некогда существовал Святополк Моравской, Стефан Сербской и даже Олег Русской?»¹ Патриотическое воспитание нужно не как самоцель: Кайсаров намекает, что оно должно явиться школой, подготавливающей к активной борьбе за освобождение. Нарочито завуалированная форма намека не дает оснований судить о том, подразумевал ли Кайсаров только борьбу за освобождение славян от иноплемennых угнетателей или же мысли его простирались и на проблемы внутренней жизни России. Если вспомнить, что в это самое время готовилась диссертация об освобождении русских крепостных, то можно предположить, что Кайсаров имел в виду оба вопроса, когда писал, обращаясь к воспитателям юношества: «. Приготовились ли вы дать некогда отчет потомству в священном деле своем? Предвидите ли вы, что оно *потребуется от вас некогда истинных сынов отечества? Или мнили, что ослепление будет вечно? Неужели могли вы думать, что кровь славянская может вечно течь*

¹ Рукописное собрание Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ОИДР, № 210/14, л. 1-об.

медленно?» (курсив мой — Ю. Л.). И сама фразеология, и намек на приближающуюся минуту решительных действий знаменательны.

Кайсаров, как в будущем декабристы, мечтает о создании подлинно национальной культуры, основанной на исконно народных традициях. Характеристика, данная ему в воспоминаниях его тартуского друга, профессора Бурдаха, рисует образ, который заставляет вспомнить высказывания Кюхельбекера и Грибоедова о культуре, — высказывания, отразившиеся в монологах Чацкого. В своих мемуарах, характеризуюя Кайсарова, Бурдах писал: «Истинного друга среди своих коллег приобрел я в одном русском, профессоре Кайсарове. Это был благородный человек, принадлежавший к той части русской молодежи, которая, воодушевленная любовью к отечеству, поставила себе целью вознести ввысь славянскую национальность в ее свободном самобытном развитии. Россия не должна больше рабски подражать (nachäffen) ни германским, ни романским народам, не должна украшать себя формами какой-либо из чуждых культур, но через себя самое, через свою самобытность приближаться к идеалу общечеловеческого просвещения».¹ Идеи и тон этого отрывка, бесспорно, воспроизводят собственные слова Кайсарова в его беседах с Бурдахом.

Национальная, самобытная культура, по мнению Кайсарова, должна возникнуть на основе обращения к изучению истории России и истории славянских народов, осознания общности их исторических интересов. «В XI столет (ии) знал Нестор, что и за Россиею есть славяне; Нестор оставил нам свою летопись, но кто читал ее? Имеем мы и других отечественных бытописателей, и после Нестора занимавшихся состоянием рода словенского, но кто читал их?».²

Изучение славянских языков поможет очистить русский язык от чуждых его духу варваризмов, в чем Кайсаров видел важный элемент борьбы за национальную культуру: «Как редкие из нас могут понимать язык наших переводных романов? — писал он, — Час от часу язык наш отягчается чужестранными словами, час от часа отходим мы далее от нашего корня, но, может быть, (чего всякой истинной русской вместе со мною пожелает), увидев из общего словаря, что нам гораздо приличнее занимать слова из родных нам языков, () мало-по-малу пришлецы эти получат отставку. Тогда язык наш сделается чисто словенским, а не смесью словенского, французского, немецкого, татарского и пр. О, если бы скорее исчезла эта пестрота!».³

Наконец, изучение славянских культур раскроет новые пер-

¹ Blicke ins Leben von Karl Friedrich Burdach, 4 Band, Selbstbiographie des Verfassers, Leipzig, 1848, S. 234—235.

² Рукописное собрание Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ОИДР, № 210/14, л. 2.

³ Там же, л. 3.

спективы для русской исторической науки, а, следовательно, и для патриотического воспитания. «Вникая в бытописания русские, уверился я самым опытом, что нельзя быть искусным русским историком, не зная других словен. Сколько самых неоспоримых исторических заключений можно сделать из одного сходства разных словенских наречий, знают даже чужестранцы, нашу историю занимавшие». «Какое пространное поле наблюдения! Сколько нового откроет он (историк — Ю. Л.), начав сравнивать обычаи словенина, на Кодьяке живущего, с обычаями брата его в Рагузе. Как удивится, нашед почти одни нравы у казака, в Сибири живущего, и словенина черногорского! Нашед то же простодушие, ту же храбрость в обоих, как удивится он, узнав, что те добродетели, которыми отличались словене за несколько столетий, сохранились ими донныне».¹

Наряду с идеей борьбы за самобытную культуру, все предисловие пронизывает и политическая мысль: необходимость политического и национального освобождения славян, подчиненных Турции и Австрии, как важнейшее условие их культурного возрождения.

Противоречивость и незрелость общественно-политических воззрений Кайсарова проявилась в его отношении к положению в Сербии. С одной стороны, он искренне привязан к столь умеренным деятелям национально-освободительного движения, как митрополит Стратимович, сыгравший самую некрасивую роль в истории подавления крестьянского восстания в Среме в 1807 г.² Кайсаров убежден в том, что залог национального возрождения сербов — лишь в приобщении их к самобытной, народной культуре, в просвещении. Мушицкому он писал: «Если бы можно, я бы переселился к вам и н(а ваши)х улицах всякой день кричал бы сербам: учитесь! учитесь! Это один путь, по которому вы можете достигнуть своего счастья».³ Однако, с другой стороны, в тех же письмах Мушицкому Кайсаров проявляет живой интерес к народному движению под руководством Карагеоргия. В письме от 30 марта 1805 г. он по-сербски пишет: «Что се кажа, брате, за наши Сербы у Турску () Верло желим знать судьбу их? И что ради той Черни?» В следующем письме опять спрашивает о «любезных сербах в Турции».⁴ В предисловии же к своему словарю он не в просвещении видит путь к освобождению, а напротив — в освобождении первое условие успехов просвещения. «Сербам, под турецким правлением живущим, есть один только способ получить грамматики, словари и все полез-

¹ Рукописное собрание Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ОИДР № 210/14, л. 3 и лл. 2 и 2-об.

² См. В. В. Зеленин, Восстание сербских крестьян в Среме в 1807 г., Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР, М., 1955, № 14, стр. 9.

³ Я г и ч, цитир. соч., стр. 699.

⁴ Там же, стр. 698.

ное. Этот способ теперь вместе с победоносным мечем словенским в руках Черного Георгия! Покажите мне грамматику болгарскую, долматийскую, босинскую, морлакскую? ..»¹

Кайсаров сочувственно относился к вспыхнувшему в 1804 г. освободительному движению сербов, «этого доброго, храброго народа». Освобождение славян от иностранного ига им мыслилось, как возглавленное Россией широкое освободительное движение. Отзвуком этих настроений, видимо, является вскользь брошенная в письме Александра Тургенева Кайсарову фраза (письмо написано в 1806 г., после отхода Австрии от антинаполеоновской коалиции и капитуляции ее перед Францией): «Теперь бы нас, брат, надобно напустить на австрийцев. Мы бы сперва православных взбунтовали».²

Проповедуя освободительную роль России в борьбе балканских народов за независимость, Кайсаров откликался не на колонизаторские устремления правительственной верхушки, а на находившие отклик в передовой части русского общества широкие настроения угнетенных славянских народов. К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «. Серб, болгарин, боснийский рая, славянский крестьянин в Македонии и Фракии питают большую национальную симпатию к русским и имеют с ними больше точек соприкосновения, больше средств духовного общения, чем с говорящими на том же языке римско-католическими славянами».³ В борьбе за освобождение славян Кайсаров решающую роль отводил России. Однако, не следует забывать, что одновременно он работал над диссертацией об освобождении русских крепостных. Идеалом его была свободная Россия — центр освобожденного славянского мира. Таким образом, Кайсаров явился ранним предшественником пропагандировавшейся «Обществом соединенных славян» идеи, которая «состояла в том, чтобы соединить в одну Республику все славянские племена Южной Европы и присообщить их к России».⁴ Как мы видим, публицистическая

¹ Рукописное собрание Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ОИДР, № 210/14, л. 4-об.

² Архив бр. Тургеневых, вып. 2, стр. 351. Правительство Александра I не прочь было использовать борьбу южных славян для того, чтобы предстать перед общественным мнением в качестве защитника свободы народов (об этом царь прямо писал Новосильцеву в инструкции 1804 г.). Вместе с тем, в сфере практической политики дело неизменно сводилось к проектам раздела турецких земель между европейскими державами при полном равнодушии (а порой и враждебной настороженности) к судьбам национально-освободительных движений. Так, Чарторыйский предлагал решить «славянский вопрос» передачей Австрии Хорватии, части Боснии, Белграда, Рагузы, России — Молдавии, Корфу и проливов, Франции и Англии — части Адриатического моря и земли в Азии и Африке. См. G. Vernadsky, Alexandre I et la problème slave pendant la première moitié de son règne, *Revue des études slaves*, t. VIII, fasc. I et 2, 1927, p. 94—98.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 377.

⁴ Восстание декабристов, Материалы, т. IX, М., Госполитиздат, 1950, стр. 85. Кайсарову, вероятно, были известны проекты Стратимовича относительно освобождения Сербии с помощью России. (см. «Чтение в имп. обще-

часть «предисловия» отличалась широтой постановки вопроса. Не менее интересна собственно-лингвистическая.

Идея словаря, подчеркивает Кайсаров, возникла у него из живого наблюдения грамматического и лексического сходства славянских языков. Следствием путешествия по славянским землям, пишет он в предисловии, «было час от часу усиливавшееся во мне желание показать моим соотечественникам на первый раз чрезвычайное сходство русского языка с прочими словенскими наречиями, для этого предлагаю здесь небольшой опыт сравнительного словаря словенских наречий».¹

Задачу составления словаря Кайсаров понимал широко. Он не довольствовался простым сравнением лексики славянских языков, но поднимал вопрос о сравнительном изучении их грамматики. «Вместе с сочинением словаря не должно выпускать из вида общей словенской грамматики. Обе эти вещи так соединены тесно между собою, что одна без другой не может быть совершенна. Если только захотеть писать одни слова из разных наречий, если не заниматься притом этимологическими исследованиями, тогда, конечно, работа будет слишком обыкновенная. Известный по своим знаниям в словесности словенской Г Антон говорит, что сравнивать языки надо более грамматически, нежели в виде словарей. Но я повторяю, что одно без другого совершенно быть не может».²

Кайсаров понимает, однако, что созданию такого широкого исследования по сравнительному изучению славянских языков должна предшествовать предварительная научная работа. «Где, например, грамматика простого сербского языка, где словарь его?», — спрашивает он. Поэтому, понимая, что «для большого словаря надобно сделать совсем другое начертание, которое было бы более основано на философии языков»,³ свой труд Кайсаров рассматривает как предварительный, долженствующий возбудить дальнейший научный интерес. «Может быть (надеяться всякому позволено), кроме меня, многие в любезном моем отечестве так же пламенно, так же слепо привязаны ко всему словенскому, как я; может быть, что этот недостаточный опыт подаст им повод к дальнейшим исследованиям».⁴ Для решения намеченной им широкой научной программы Кайсаров выдвинул план объединения научных усилий всех лингвистов славянских

стве истории и древностей российских», 1868, кн. I, смесь, стр. 238—256.) Позиция Кайсарова глубоко отличалась от идей Стратимовича. Последний в основу клал идею религиозной общности и обходил очень значительный для Кайсарова вопрос о внутренних преобразованиях в общественной жизни России.

¹ Рукописное собрание Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ОИДР, № 210/14, л. 3-об.

² Там же, л. 7.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 3.

народов. «Если Российская Академия соединится с учеными обществами Богемским, Варшавским, Карпато-Российским, с гимназией Карловицкою, чего нельзя тогда надеяться?»¹ Последнее характерно для стремления Кайсарова связать научную работу с широкой по размаху общественной деятельностью. Не даром в одном из своих сочинений он с таким уважением отзывается о Н. И. Новикове.

Работа над сравнительным словарем славянских языков не была доведена Кайсаровым до конца. Однако, мнение Истрина, считавшего, что дальше самого общего замысла дело не пошло, ошибочно. Исследователь ограничился материалами, хранящимися в Тургеневском архиве и, не найдя там рукописей, относящихся к замыслу словаря, решил, что таковых, вообще, не было. Обнаружение предисловия к словарю позволяет установить, что работа над этим научным замыслом продолжалась и после возвращения из путешествия, а также убедиться в серьезности интереса Кайсарова к данной научной проблеме. Последнее обстоятельство заставляет сомневаться в справедливости мнения Истрина, который, не зная о существовании «Предисловия», предполагал, что интерес к словарю был мимолетным и прошел в творчестве Кайсарова бесследно. Дальнейшие поиски тартуских бумаг Кайсарова, возможно, дадут ответ на этот вопрос.

Педагогическая работа Кайсарова в Тарту натолкнула Кайсарова на тему научного труда, нового по замыслу, но органически связанного со словарем. Будучи поставлен по ходу учебных занятий перед необходимостью читать со студентами памятники русской истории, Кайсаров обнаружил трудности, связанные с истолкованием слов древнерусского языка, усугублявшиеся тем, что студенты не всегда достаточно свободно владели практической русской речью. К решению этого вопроса Кайсаров подошел с присущей ему научной широтой: в 1811 году в Тарту он начал работу над словарем древне-русского языка. Сама идея этого труда говорит о зрелости лингвистических воззрений Кайсарова, не отождествлявшего древнерусский и старославянский язык. Работа была поставлена широко. Для того, чтобы представить круг привлекавшихся Кайсаровым источников, приведем составленный самим автором список использованных при работе исторических материалов:

1. Древний летописец.
2. Древняя российская вивлиофика.
3. Таубертово издание Нестора, или первая часть библиотеки российской.
4. Codex Nestor in Museo Britannico. Список летописи Несторовой с прибавлениями в Музеуме Британском.
5. Татищева история.

¹ Рукописное собрание Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ОИДР, № 240/14, л. 6.

6. Шлецеров Нестор.
7. Максимовича указатель российских законов.
8. Авраамия Палицына, об осаде Троицкого монастыря, по списку, находящемуся в Музее Британском.
9. Псалтырь.
10. Патерик печерский.
11. Судебник царя Ивана Васильевича.
12. Правда русская.
13. Сводный судебник.
14. Минеи Четия.
15. Летопись о многих мятежах и пр.
16. Слово о плъку игореве, Игоря сына Святослава, внука Ольгова, Москва, 1800.
17. Уложения царя Алексея Михайловича.
18. Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, названная в летописи суздальской поучением, СПб, 1793, in 4^o.
19. Летописец Двинский в Опыте трудов Вольного российского общества, часть I.
20. Летопись русская по Никонову списку.
21. Житие святейшего патриарха Никона, писанное некоторым бывшим при нем клириком, СПб., 1789—8^o
22. Розыск о раскольнической брынской вере С. Дмитрия, Москва, 1745.
23. Болтина примечания на историю Леклерка.
24. Новгородский летописец во 2-й части продолжения Древн. Росс. Вивл.
25. Летописец Новгородской, Москва, 1781, in 4^o.¹

В поле зрения Кайсарова оказались не только все основные источники, которыми располагала русская историческая наука тех лет, но и ряд рукописных материалов, самостоятельно собранных в архивах и монастырях во время путешествия по славянским землям и Англии.

Автограф словаря, о существовании которого в научной литературе до сих пор не упоминалось, представляет тетрадь, разбитую на буквы алфавита и озаглавленную: «Index vocabulorum Glossarii mediae et infimae Russitatis curavit Andreas de Kaisarov P. D. Linguae et Litteraturae Russicae P. P. O. in Universitate litterarum Caesarea, quae Dorpati constituta est. Anno MDCCCXI». Тетрадь содержит 465 древне-русских слов, сопровождаемых объяснением и иллюстрированными цитатами из древних памятников. Не производя специального анализа работы Кайсарова, отметим, что это первый в истории русской науки опыт создания подобного словаря.

Начавшаяся в 1812 г. война с Наполеоном прекратила преподавательскую деятельность Кайсарова и оборвала его работу

¹ Рукописное собрание Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ОИДР, № 210/15, л. 96.

над словарем. Тартуский архив ученого затерялся, пропали, бесспорно, имевшиеся у него, подготовительные материалы, которые позволили бы судить о том, на какой стадии оборвалась работа над словарем, и только обнаруженный нами в архиве Общества Истории и древностей российских автограф тетради, куда Кайсаров заносил слова, работа над которыми была уже завершена, остался памятником этой интереснейшей для истории русской лингвистики работы.

Кайсаров преподавал в Тартуском университете курс «Древняя русская история в памятниках языка». Это заставляет нас кратко остановиться на исторических воззрениях молодого профессора.

С большим уважением отзываясь о Шлецере, под руководством которого он прошел школу критического изучения исторических источников, Кайсаров, вместе с тем, далек был от слепого преклонения перед авторитетом автора «Нестора». В бумагах Кайсарова мы находим многочисленные заметки, критически оценивавшие как частные, так и общие положения Шлецера. Особенно резко разошелся с Шлецером Кайсаров в отношении к древнейшему периоду русской истории. Как известно, Шлецер, вслед за Миллером, которого за это упрекал еще Ломоносов, вел начало русской государственности от варягов, не проявляя к предыдущему периоду научного интереса. Хотя в годы угрозы оккупации Германии войсками Наполеона Шлецер занял позицию сторонника и доброжелателя России (именно это, наряду с широкой эрудицией, привлекало к нему симпатии Кайсарова и Тургенева), однако, объективно, стремление его начинать изложение русской истории с «призвания варягов» пропагандировало антинаучную «норманистскую теорию»

Научные интересы Кайсарова приковывали его внимание, в первую очередь, к вопросу древнейшей, «доваряжской» истории восточных славян. Еще в Геттингене плодом этого интереса явилась сохранившаяся в его черновых записях статья «О жилищах славян во время германцев», посвященная вопросу древнейших славянских поселений, и брошюра «Славянская мифология», напечатанная в 1804 году на немецком языке в Геттингене. Причина интереса к первому вопросу раскрывается двумя заметками в черновой тетради геттингенского периода. «Начальным жилищем словен почитает Шлецер берега Дуная: «Оттуда они вышли, согласно моему Нестору (курсив Кайсарова)!».¹ Это еще не доказательство: может быть, его Нестор утверждает это, а наш Нестор говорит просто: «ини же седоша по Дунаеве». Оттуда, будучи утеснены римлянами, пошли некоторые из них в Россию».² В другом месте он пишет: «Гиббон в своей Римс(кой) Истории часть I, глава 2, говоря о состоянии населения Р(им-

¹ Цитата из Шлецера в рукописи по-немецки.

² Тургеневский архив, № 2052, л. 65.

ской) Империи), говорит, что число ее жителей превосходило число жителей нынешней Европы; между прочим, для европейской России назначает не более 12 миллионов жителей. Переводчик его немецкой, Венк, желая его поправить, дает России 14 миллионов — оба попали!

Гиббон же во второй части, глава 9, в начале, говоря о границах Германии, полагает, что почти вся новая Германия, Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Лифляндия, Пруссия и большая часть Польши составляли древнюю Германию и были населены различными отраслями германского народа — а где же были славяне?». ¹ Таким образом, по замыслу Кайсарова, его работа должна была доказать на основании исторических источников автохтонность славян в Европе, широту их территориального распространения и, следовательно, наличие у них исторических прав на земли, в дальнейшем подвергавшиеся немецкой колонизации или порабощению со стороны турок. Этот интерес к историческим темам, имевшим остро-актуальное звучание для современности, присущ Кайсарову. Столь же публицистичен был его интерес к политической истории Руси древнейшего периода. Еще в Геттингене Кайсаров выписал мнение Шлецера о том; что «Рурик, Синав и Трувор были позваны славянами, чтоб быть их полководцами, но сделались в течение времени похитителями непринадлежащей им монаршей власти». ²

Вопрос этот в начале века имел остро-дискуссионный характер и, переплетаясь с оценкой государственной системы Новгорода, непосредственно отражал политические симпатии авторов. Так, например, А. Н. Радищев, считая, что древнейший политический строй славян был вечевой республикой, осуществлявшей непосредственно верховную власть народа, рассматривал основателей самодержавия — варягов как иноземных захватчиков, силой отнявших у народа его суверенные права. Самодержавная власть, таким образом, своим происхождением обязана насилию, и, следовательно, свержение её — лишь законное сопротивление народа захватчикам. Именно в этом плане следует истолковывать центральную мысль поэмы «Песни, петье на состязаниях».

Работе над поэмой предшествовало многолетнее изучение Радищевым исторических источников. Изучая «Повесть временных лет» (по книге «Летопись Нестерова с продолжателями по Кенигсбергскому списку», М., 1767 г.; экземпляр с пометками Радищева хранится в библиотеке Института русской литературы АН СССР), Радищев, в частности, чертой на полях выделил место, говорящее о древней общности славянских племен. В летописи Радищев искал подтверждения своей мысли о том, что свободное республиканское правление было исконной формой древней славянской государственности.

¹ Тургеневский архив, № 2052, л. 18—21.

² Там же, л. 40.

Изучая русскую историю, Радищев старательно подбирал случаи изгнания князей, в чем он усматривал проявление народного суверенитета. «Кн(язя) Всеволода, — записывал он, — н(ово)городцы, лиша правления, держали два месяца в заточении». И дальше: «С Ярославом Ярославичем в(еликим) кн(язем) н(овгородским) они сделали по войне письменное примирение, из коего видно, сколь мало они в(еликого) кн(язя) почитали».¹ Особенно интересна следующая выписка: «Когда новгородцы в л. 1186 выгнали от себя Ярослава Володим(ировича), а взяли Мстислава Давид(овича) княжить, то продолжатель Несторов говорит. .».² На этом месте лист рукописи обрывается, однако, обращение к соответствующему месту летописи позволяет установить, какие слова летописца привлекли внимание писателя. На стр. 279 издания, которым пользовался Радищев, после слов: «выгнаша новгородцы Ярослава Володимеровича, а Мстислава Давыдовича пояша к себе княжити», — находим привлекаемое Радищевым резюме: «таков бо бе их обычай». В этих словах писатель видел подтверждение своей мысли о том, что изгнание неугодных князей было не случайностью, а устойчивым обычаем в жизни древней Руси, непосредственным результатом верховного характера власти народа.³ Вечевой строй не был исключительно новгородской чертой, по мнению Радищева. В Новгороде лишь дольше сохранилась эта исконная республиканская форма государственной жизни древних славян. «И в Киеве, — писал Радищев, — были народные собрания, называемые «вече», кои созывал тысяцкий». Князь присягал народу, «целовал им на то крест».⁴ Отягченные податями володимирцы говорили: «Мы есмо вольные, а князей приняли к себе, и крест (они — Ю. Л.) целовали к нам на всем».⁵ В обобщенной форме Радищев выразил эту мысль в «Сокращенном повествовании о приобретении Сибири: «Вечевой колокол, палладиум вольности новгородской, и собрание народа, об общих нуждах судящего, кажется быть нечто в России древнее и роду славянскому сосущественно». В сноске он добавляет, что «собрания общественные в России были употребительны».⁶

Интерес к жизни Новгородской республики, таким образом,

¹ А. Н. Радищев, Избр. соч. М.—Л., ГИХЛ, 1949, стр. 645.

² Там же, стр. 642.

³ На идеологическую значимость этого вывода до Радищева обратил внимание еще средневековый летописец. Касаясь этого вопроса, акад. А. А. Шахматов пишет: «Таков бо бе их обычай», замечает суздальский летописец, но прибавка москвича, уже мечтавшего о покорении Новгорода, свидетельствует о более раздраженном отношении к вольностям новгородским; он пишет: «так бе их обычай блядиных детей» (А. А. Шахматов, Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 39).

⁴ А. Н. Радищев, Избр. соч., стр. 649.

⁵ Там же, стр. 642.

⁶ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. II, М.—Л., Изд. АН СССР, 1941, стр. 145.

приобретал в начале XIX в. характер политически-актуальный. Среди ряда произведений, касавшихся этой темы, отметим одно, до сих пор не привлекавшее специального внимания исследователей. Внимание к этому произведению тем более обосновано, что оно, бесспорно, находилось в поле зрения Кайсарова.

В 1808 г. в Москве в типографии Решетникова без указания автора была отпечатана книга «Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода». Автором книги обычно считается Евгений Болховитинов, что подтверждал и сам он. Однако более близкое знакомство с книгой приводит к несколько неожиданным выводам: книга состоит из 3-х отдельных «разговоров». Первые два, касаясь деталей истории древнего Новгорода, носят обычный для Евгения мелочно-фактологический характер. Совершенно иначе написан третий — «Разговор о возвышении и упадке Великого Новгорода», который, как указано на титульном листе, был произнесен «в собрании Новгородской семинарии в Антониевском училищном монастыре студентами философии во время открытого их испытания в успехах, 1807 года декабря 20 дня». «Разговор» поражает читателя неожиданно острой публицистической формой и почти не замаскированными республиканскими симпатиями. Последнее обстоятельство заставляет поставить под сомнение авторство Евгения для последнего «Разговора». «Разговор», написанный в форме тройственного собеседования, прежде всего, устанавливает, «что они (новгородцы — Ю. Л.) до Рюрика управлялись республиканским правлением». Один из собеседников выражает в этом сомнение, «потому что у них еще до Рюрика был князь Гостомysl», но другой опровергает это, говоря, что «Гостомysl в древней Новгородской летописи Иоанновой именуется не князем, а посадником»,¹ и проясняет разницу между этими понятиями: «Князья владели народами по породе и по наследству, а посадники по выбору народному и на определенное только время, а большей частью на год, так как в Риме консулы»,² «Славяне издревле привычны были к вольному республиканскому правлению».³ И в другом месте: «Князей собственно своих Славяне никогда не имели. Ибо Прокопий, шестого века историк, именно свидетельствует, что славяне не состояли ни под какою единоподержавною властью; но имели с древних времен общенародное правление: почему о делах своих, до пользы общей касающихся, советовали (так! — Ю. Л.) всегда вместе».⁴ Даже «самое название князя не имеет ясного корня в языке славенском, а, вероятно, заимствовано из другого какого-нибудь».⁵ Автор явно опасается договаривать до

¹ Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода, М., 1808, стр. 49.

² Там же, стр. 50.

³ Там же, стр. 53.

⁴ Там же, стр. 50.

⁵ Там же.

конца и без того явную мысль: слово «князь» так же, как и принцип самодержавия внесено в славянские языки захватившими власть иноземными насильниками.

Особенно подробно останавливаются «Разговоры» на характеристике веча, причем последнее истолковывается как орган, непосредственно осуществляющий верховную власть народа — «посадники и княжие наместники, да и прочие чиновники в решения сии не должны были мешаться, ибо вечевой суд был собственно суд народный».¹ Особенно подчеркивается, что князья и чиновники, которые «народу не угодны были», приговором веча низлагались, и их «часто даже выгоняли». Свободолюбивые новгородцы — истинные патриоты: они не принимают монет других русских княжеств XIV в., т. к. те «были большею частью с татарскими надписями, а потому-то новгородцы, никогда не считавшие себя порабощенными татарами, принимать их не хотели».²

Вече и князь — две противоположные, борющиеся силы, олицетворяющие народ и самодержавие. Автор детально останавливается на характере этой борьбы. Особенно интересует его вопрос о причинах падения Новгорода. Он решительно отвергает повторяющуюся дворянской публицистикой версию о том, что Новгород пал от внутренних мятежей — неизбежного, якобы, спутника республиканского правления. Эту мысль высказывает один из собеседников: «Мне кажется, что еще со времени прав и вольностей, данных новгородцам от Ярослава I, своевольство и внутренние несогласия начали уже расслаблять союз новгородский (. . .), многократные мятежи и бунты, заводившиеся от самой вечи новгородской, предзнаменовали уже падение государства сего». Однако мнение это приводится лишь для того, чтобы тут же его опровергнуть: «Нет: мятежи в цветущие времена новгородской республики бывали чаще всего за сохранение вольных прав и большею частью искореняли только злоупотребление правительствующих властей или хищность богачей, но не ослабляли общей народной силы».³ Мысль о том, что гибель республики не была обусловлена каким-либо пороком ее внутреннего строя, а вызывалась чисто внешним насилием самодержавия, автором завуалирована. На вопрос о причине упадка Новгорода он предпочитает ответить намеком, хотя и достаточно ясным: «Цветущие и особливо великие республики, окруженные монархиями, вообще долго стоять не могут, и удивительно даже, что Новгород мог процветать около 600 лет».⁴

Политический итог «Беседы» ясен — народное благо связано с

¹ Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода, М., 1808, стр. 52.

² Там же.

³ Там же, стр. 66.

⁴ Там же.

исконной славянской формой вечевой республики, самодержавие же — результат незаконного ига, наложенного насильственно на народ захватчиками.

Для того, чтобы понять остроту подобной постановки новгородской темы, полезно вспомнить о том, как она освещалась в умеренно-либеральной и консервативной публицистике тех лет. Если даже не касаться мракобесно-реакционной точки зрения, которая, например, была выражена в замечаниях Екатерины II на главу «Новгород» «Путешествия из Петербурга в Москву»¹ или в бездарной и рептильной пьеске П. Сумарокова «Марфа-посадница, или покорение Нова-Города» (ср. также в его «Новгородской истории», М., 1890), столь ядовито рельефную картину даст позиция в этом вопросе Н. М. Карамзина. Для Карамзина республика — вечное царство анархических раздоров (объяснение карамзинского идеала «республиканца в душе» в данном случае не входит в нашу задачу). Государственный порядок может быть обеспечен только самодержавной властью. Он настоятельно подчеркивает историческую неизбежность провозглашения самодержавия и добровольный характер призвания народом князей. «Новгородцы лобызали ноги» Рюрика, «который примирил раздоры, (.) проклинали гибельную вольность и благословляли спасительную власть единого».² «Скандинавия (.) дала нашему отечеству государей, добровольно принятых славянскими и чудскими племенами, обитавшими на берегах Ильменя, Бела-Озера и реки Великой». «Идите, — сказали им Чудь и Славяне, наскучив своими внутренними междоусобиями, — идите княжить и властвовать над нами».³ В соответствии с этим в истории Новгорода Карамзина привлекало лишь доказательство закономерности его падения (Марфа-посадница), а история России превращалась в историю самодержавного государства. Поэтому жизнь славян «до-княжеского периода» Карамзина не интересовала. Не случайно именно за это отсутствие интереса к древнейшему периоду истории славян упрекали Карамзина декабристы (Орлов, Муравьев).

Внимание Жайсарова, как мы уже говорили, было приковано именно к древнейшим периодам русской и славянской истории.

Прежде всего, характерно включенное им в подготавливаемый им во время пребывания в Тарту словарь объяснение слова «вече».

«Вече — 1) Народное собрание, которое было не в одном Новгороде, но и в других местах.

2) Колокол, в который созывали на собрание.

¹ Ср. также её пьесу «Из жизни Рюрика».

² Н. М. Карамзин, Соч., СПб., 1848, изд. А. Смирдина, т. III, стр. 169.

³ Н. М. Карамзин, Записка о древней и новой России, СПб., 1914, стр. 1—2.

1. «Тогож лета (1304) на Костроме бысть вече на бояр: на Давида Явидовича, да на Жеребца и на иных и убиша тогда Зерна и Александра.

Др(евний) Ле(тописец), 1, 84»

Тат(ишев) IV, 85

«Того же лета (1324) Новгородцы сотворише вече по старинному своему обычаю и избраша себе в Архиепископы Моисея, архимандрита Юрьевского, аще митрополит благословит.

Др(евний) Ле(тописец), I, 113

Тат(ишев) IV 114

«И людие киевстии прибегоша к Киеву и сотвориша вече на торговище, и пославшися к князем, глаголюще: се половцы расселись на земле, вдай княже оружия и кони, аще бьемся с ними. и идоша с вечея на гору.

Тауб(ертово издание Нестора), 113.

2) И Онцыфарь с Матвеем зазвониша в вече у Святые Софии, а Федор и Андрей зазвониша в вече на Ярославле дворе».

Др(евний) Лет(описец), I, 70».¹

Привлеченная выписка любопытна, во-первых, подбором цитат, рисующих полноту власти вече в разнообразных проявлениях (народ осуществляет суверенное право на власть, казня неугодных ему бояр и избирая не только гражданских, но и духовных чиновников; народ вооружается для защиты родной земли); во-вторых, Кайсаров подбирает цитаты, подтверждающие его тезис о повсеместном распространении республиканских форм правления как исконной политической власти на Руси (Кострома, Киев, Новгород).

Любопытно и другое; как и автор «Разговоров», Кайсаров видит в Новгороде республику на манер античной. Во вступительной лекции перед студентами Тартуского университета он сказал: «Греки защищали свою вольность, но наш Новгород и Псков, но вся наша Россия разве менее за нее пролили крови?».²

Интерес к республиканским традициям заставил Кайсарова во вступительной лекции, читанной в Тарту, настойчиво проводить параллель между античным миром и древней Русью. Кайсаров призывал слушателей «поревновать» древним добродетелям: «Все народы роятся, младенчествуют, приходят в мужество, и, достигнув своего предела, оканчивают свое поприще. Но Афины и Спарта, Рим и Карфаген еще не изгладились из памяти потомства! Не одни имена их внесены в книгу бытий — добродетели их донныне служат примером: ими мы восхищаемся, — им последовать тщимся!».³

Однако Кайсаров видит образцы республиканских добродетелей

¹ Рукописное собрание Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ОИДР, 210/15, л. 2.

² Там же, № 210/13, л. 4.

³ Там же, л. 2.

телей и гражданственного патриотизма и в древней Руси. Им-то и следует в первую очередь подражать, изучение их должно воспламенить патриотические чувства современников. «Полезно, — говорил он в той же речи, — заниматься историей других народов и так называемую историю всемирную, приятно видеть успехи людей, под другими законами живущих, другим языком свои чувства изъясняющих, другую веру исповедующих; приятно видеть успехи всего человеческого семейства, но сколь приятнее, сколь отраднее знать историю своих собственн(ых) успехов!

Многим добродетелям древних должны мы отдать справедливость, но простительно ли забывать добродетели своих праотцев? Спарта была славна своим мужеством — неужели Россия уступает ей в оном? Уже (ли) Термопильское сражение можно наряду поставить с Донским побоищем, с сражением под Полтавою (. .). В поседевшей Москве, конечно, нет Капитолий, но есть древний Кремль, нет священного пути, но есть путь к монастырю Сергиеву; там не произносились пышные речи консулов и трибунов — одно слово простого гражданина: «пожертвует женою и детьми для отечества!» — достаточно было, чтобы воспламенить каждого.¹ Из этого следовал характерный вывод: «Москва, Киев, Новгород для истинного русского священнее Афин и Рима!».

Плодом интереса Кайсарова к древнейшей «докняжеской» эпохе Руси, переплетавшегося для него с темой древней общности славян, явилось и его «Разыскание о славянской мифологии» (*Versuch einer Slawischen Mythologie*, 1804). появившееся в русском переводе под заглавием «Славянская и российская мифология», Соч. г Кайсарова.²

В уже известном нам предисловии к сравнительному словарю славянских языков Кайсаров говорил, что многое мог бы «написать, если бы хотел доказать сходство нравов, обычаев и пр., между всеми славянскими народами до сих пор существующее».

Работа преследовала именно эту цель. Вместе с тем, Кайсаров старался, собрав все имевшиеся в исторических источниках указания на характер языческих верований славян, подвергнуть их научной критике, проверяя данные позднейших писателей летописями. Так, например, говоря о божестве «Дидо», он пишет: «Попов говорит, что сему божеству поклонялись в Киеве, Нестор же и не упоминает об имени его; а Леклерк, недовольный тем, вздумал еще утверждать, что он имел пребогатый храм в Киеве (. .) Кому же поверить? Леклерку или честному Нестору?».³ Однако исследование этого вопроса, лишенное в ту пору

¹ Рукописное собрание Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ОИДР, № 210/13, л. 4.

² Все цитаты даем по русскому переводу, второму изданию (М., 1810, в типографии Дубровина и Мерзлякова), т. к. это издание, осуществленное в типографии ближайшего друга Кайсарова в период, когда последний возвратился в Россию, бесспорно, предпринималось с ведома автора и, вероятно, было им просмотрено.

³ А. Кайсаров, Славянская и российская мифология, стр. 79—80.

археолого-этнографической базы, находилось еще на столь низком уровне, что Кайсарову не удалось осуществить задуманной им научной разработки вопроса. Значительного влияния на дальнейшее развитие науки брошюра его не оказала.¹ Она интересна другим: Кайсаров указал, какое значение имеет для этого вопроса изучение русского народного творчества. Постановка данной проблемы свидетельствовала об исследовательском такте Кайсарова и, вместе с тем, перекликалась с рассуждениями в «Дружеском литературном обществе» о роли фольклора для выработки национально-самобытных основ культуры. Эта мысль вплотную подходила к декабристской постановке вопроса.

Перечислив основные источники для изучения славянской мифологии (обряды, памятники материальной культуры и т. д.), Кайсаров переходил к характеристике народного творчества. «Кроме сих, — пишет он, — хотя и недостаточных источников, есть у нас в России еще два посторонние источника, состоящие в наших песнях и так называемых народных сказках. — Невероятно, какое в сих двух предметах находится сокровище не только для нашей мифологии, но и во многих других отношениях. Жаль только, что это сокровище долго пребывало в неизвестности не только у иноземцев, но даже у соотечественников наших. Что касается до песней, то есть у нас многочисленные собрания их, которых число простирается до двадцати книг. Но во всех сих изданиях, даже в самых новейших, нет ни одного критического замечания (). В русских песнях находится много характеристического, на многих остался отпечаток седой древности; иные ж из них происходят, вероятно, из языческих времен, потому, что в них упоминаются часто имена некоторых русских богов. Натурально, в них переменялось много от времени; но тем не менее остаются они драгоценными для россиянина, который из них познает характер и обычаи добрых, мужественных своих предков». Далее Кайсаров говорит о сказках, в которых «с патриотическим жаром повествуется деяния героев древности».² Интерес к народному творчеству, родной истории противопоставляется господствующим литературным вкусам дворянского общества: «Сии и многие другие сокровища долго уже скрываются, будучи написаны не à la Voltaire или à la Stern, или² à la ». Что ж из того следует? Что у россиянина в девятнадцатом веке нет еще совсем российской истории». Имя, замененное многоточием, легко восстановить — это, очевидно, Карамзин (не случайно соседство Стерна). Противопоставление карамзинизма народности знакомо нам уже по «Дружескому литературному

¹ Это не мешало положительной оценке ее Добровским.

² А. Кайсаров, Славянская и российская мифология, стр. 8—10. Ориентируясь на сказочные сборники XVIII в., Кайсаров не отделял собственно сказок от вольного прозаического пересказа былины.

³ В издании 1810 г. искажающая смысл опечатка: вместо «или» — «но». Исправляем по немецкому изданию 1804 г.

обществу». Замененное точками, имя могло относиться только к писателю русскому и живому, а, с другой стороны, влияние его должно было быть столь значительно, чтобы дать возможность сравнить его со Стерном. Если вспомнить предшествующие оценки Карамзина Кайсаровым, то наше предположение может показаться вполне вероятным.

Интерес Кайсарова к народному творчеству был связан не только с его историческими трудами и борьбой против карамзинского направления в литературе — он прямо соотносился с его свободолобием, как в плане борьбы за освобождение славян, так и в связи с антикрепостническими настроениями ученого.

Показательно, что из сербского фольклора Кайсарова привлекла историческая песня о битве на Косовом поле, запись которой сохранилась в его бумагах. Еще более симптоматичен пример его работы над русскими пословицами. Одновременно с подготовкой диссертации «О необходимости освобождения рабов в России» Кайсаров занялся изучением русских пословиц. Об этом свидетельствует несколько выписок, хранящихся в его черновиках. Рассмотрение последних позволяет заключить, что книгой, над которой работал Кайсаров, явилось известное в XVIII в. «Собрание 4291 древних российских пословиц». Один из последних исследователей сборника заключает, что «в ряде мест «Собрания» обращает внимание подбор пословиц, в котором нельзя не увидеть определенной демократической тенденции».¹ Однако Кайсаров не удовлетворился этим и в свою очередь выписал в значительной части те пословицы, которые могли служить доказательством антикрепостнических настроений народа или его тяжелой участи. Из 17 пословиц, сохранившихся в его черновых бумагах, 11 имеют в этом отношении вполне недвусмысленный характер, остальные также связаны с характеристикой народного быта. Приведем первые:

1. Не бойся истца, бойся судьи.
2. Мирская шея толста.
3. Не будет пахатника, не будет и бархатника.
4. Москва стоит на болоте, ржи в ней не молотят, а больше деревенскова ядят.
5. Неволя скачет, неволя пляшет, тому бы таково, кто заставляет.
6. Не все с хлыстом, иное и с свистом.
7. Не всякой хлеб пашет, да всякой его ест.
8. Невеяный хлеб не голод, а посконная рубашка не нагота.

¹ Н. В. Баранская, «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева и устное народное творчество XVIII в., Изв. АН СССР, Отд. лит. и языка, 1952, т. XI, вып. 5, стр. 413. Выписки Кайсарова, видимо, сохранились лишь частично: до нас дошли лишь только привлечшие внимание Кайсарова пословицы на «м» и «н», что соответствует 132—156 страницам указанной книги.

9. Не гром то грянул, что бедной слово молвил.

10. Не ломайся овсянник, не быть калачом.

11. Не наша еда лимоны, есть их иному».¹

Обзор научных воззрений Кайсарова убеждает нас, что в его лице Тартуский университет приобрел прекрасно подготовленного специалиста и одновременно — ученого, вооруженного передовыми общественными взглядами. Именно это обстоятельство определило и вторую сторону его трудов во время пребывания в Тарту — Кайсаров выступил не только как преподаватель, но и как общественный деятель.

Преподавание русского языка в Тартуском университете рассматривалось Кайсаровым не только как обычное академическое поручение, но и как высокое общественное призвание. Кайсаров понимал, что для осуществления этого ему придется вступить в борьбу с прибалтийским «рыцарством».

Немецкие помещики в Прибалтике поставляли русскому самодержавию наиболее верных слуг, бенкендорфов и дуббельтов, но вместе с тем они боялись смыкания освободительной борьбы народа в России с освободительной борьбой народа в Прибалтике, боялись проникновения из России освободительных идей и поэтому весьма враждебно относились к распространению интереса к русскому языку и русской литературе.

В надежде закрепить свое положение эксплуататоров коренного эстонского и латышского населения, немецкие бароны враждебно встречали даже робкие попытки правительственной администрации регулировать произвол помещиков. Ссылаясь на «древние права рыцарства», они ревниво охраняли феодальную замкнутость культурной жизни Прибалтики. Насаждаемая немецкими помещиками «культура» в Латвии и Эстонии не являлась народной культурой, выражая кастовые интересы феодальной «рыцарской» верхушки. Борьба с ней объективно соответствовала интересам развития самостоятельной культуры угнетенных народов — эстонцев и латышей. Кайсаров, как впоследствии и большинство декабристов, по вполне понятным историческим причинам не смог подняться до идеи развития национальной культуры угнетенных народов, но борьба его — противника крепостного права — против помещичьей культуры баронов, ее сознательно замкнутого, обособленного характера имела глубоко прогрессивный смысл.

Любопытно отметить, что правительство Александра I не проявляло в этом отношении никакой заинтересованности. Когда прибалтийские бароны встревожились тем, не нарушит ли организация Тартуского университета искусственной замкнутости местной культурной жизни, Александр I настоятельно советовал университету найти с ними общий язык.

В первой же лекции, произнесенной в стенах университета

¹ Тургеневский архив, № 2052, л. 13.

(в отличие от Г Глинки, читавшего по-французски, Кайсаров начал чтение лекций на русском языке), он демонстративно назвал средневековые немецкие рыцарские ордены в Прибалтике, традиции которых усиленно культивировались в среде «рыцарства», захватчиками и угнетателями. Для Кайсарова они — «крестоносные рыцари, имевшие только на груди, но не в сердце залог милосердия», вероломно «нарушавшие толикокрот мирные постановления».¹ В этой же речи Кайсаров, с открытым забралом выступив против «рыцарства», прямо осудил особые политические привилегии баронов и их стремление «охранить» прибалтийские провинции от влияния русской культуры. «Пускай, — сказал он, обращаясь к сидящим в аудитории слушателям, — пускай неблагодарные стараются отторгнуть вас от России, пускай тщатся они уверить вас в том, что вы не рус(с)кие; пускай называют(т) край, вами обитаемый, особенным именем — называют его Остзейскими провинциями — хотят они образовать особенное общество, хотят, что еще пагубнее, — основать государство в государстве; вы посрамляете их своим поступком: вам приятно русское, вам приятно слышать язык русской, вы хотите быть русскими».²

Надо было обладать незаурядной смелостью, чтобы решиться одному, с первых же шагов преподавательской деятельности, открыто выступить против могущественного «рыцарства», тем более, что рассчитывать в этой борьбе на какую-либо поддержку со стороны правительства не приходилось. Кайсаров не мог не знать нашумевшей истории с председателем рижской ревизионной комиссии В. И. Арсеньевым, далеким от передовых взглядов, но честным человеком, осмелившимся поднять голос в защиту крестьян от произвола «рыцарства». По требованию последнего он был несправедливо уволен от должности и отозван в Петербург.

Пафос борьбы Кайсарова против засилия немецкого языка в Эстонии имел смысл борьбы против антинародной, кастово-дворянской культуры. В этом отношении показательно, что он ставит его на одну доску с французским языком русских дворян, противопоставляя и тот, и другой борьбе за народность культуры. В «Примерном уставе нового предполагаемого общества переводчиков» он писал: «Здесь в Лифляндии, немецкий язык такую имеет употребительность, что после столетнего приобретения сего края нет ни одного человека, который бы умел сказать слово по-русски без чужеземного ударения. Там, в наших столицах, французский так завладел обычаями, что едва ли найдем одну женщину дворянского звания, которая бы умела связать

¹ Рукописное собрание Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ОИДР, 210/13, л. 2—2-об.

² Там же, л. 1.

десять слов русских правильно и без ошибки»¹ Вместе с тем, конечно, ошибочно было бы полагать, что распространение немецкого языка в Прибалтике играло только отрицательную роль, способствуя оформлению лишь сословной «рыцарской» культуры. Против желания дворянской верхушки, немецкий язык выполнял роль посредника между зарождающейся молодой эстонской и латышской культурой и идеями передовой антифеодальной философии и публицистики Европы (в первую очередь, Франции)

Исследование связей поколения просветителей XVIII в. в Прибалтике с передовой русской культурой — тема, бесспорно, плодотворная, однако, не следует забывать, что весьма значительный поток антифеодальных идей шел в этот период из Франции, как прямо, так и через посредство немецкой литературы. Но именно этой, передовой культуре XVIII в., с ее стремлением к универсальности, не была свойственна идея корпоративной замкнутости, отгороженности от всего человечества, противопоставлявшая права человека и гражданина «исторические» права рыцарства. А как раз такой смысл ревнивого охранения «особых прав» баронов имела идея исключительной роли немецкого языка в культурной жизни Прибалтики. Страстный поклонник Шиллера, студент и выученик Геттингенского университета, Кайсаров, конечно, не испытывал вражды к передовой немецкой культуре. Характерно, что Бурдах сразу же после характеристики Кайсарова как патриота и борца за самобытность славянской культуры отмечает: «К тому же он отнюдь не был односторонним патриотическим энтузиастом, он живо сочувствовал благоденствию человечества вообще».²

Важной вехой в борьбе Кайсарова за распространение русского языка явилась его вступительная речь к циклу лекций по курсу русской истории в источниках, обнаруженная нами в рукописном отделе Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве. Речь эта является для своей эпохи одним из наиболее ярких выступлений передовых деятелей России против злейших врагов эстонского народа — немецких помещиков.

Изложив аудитории план учебных занятий, Кайсаров особенно настойчиво подчеркнул общественный, политический смысл изучения русского языка в Тартуском университете. Следствием его должно быть «отчуждение от несправедливого и неблагодарного презрения ко всему русскому».³ «Блаженным почел бы я себя, — заключил он лекцию, — если бы, выходя из нашей беседы, вы всякой раз убеждались более и более в том, что

¹ Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских, М., 1858, июнь-сентябрь, кн. III, стр. 143 (в дальнейшем — Чтения).

² В u g d a c h, цит. соч., стр. 235.

³ Рукописное собрание Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ОИДР, № 210/13, л. I.

народ русский заслуживает уважения иноплеменных своих сограждан. .».¹ Рассматривая преподавание русского языка как долг патриота, Кайсаров надеялся, что его лекции не только сообщат студентам определенные сведения и навыки, но и возбудят их к активной общественной деятельности по дальнейшей пропаганде русского языка и культуры: «Подадим друг другу руки, составим священную цепь, пойдем к алтарю отечества и поклянемся быть верными его сынами! Распространим каждый в кругу своем любовь и уважение к языку русскому».² О значении русского языка как средства патриотического объединения разноплеменных граждан России Кайсаров говорил и в своей речи «О любви к отечеству» — первом выступлении на русском языке на торжественном университетском акте:

«Но как утверждается между иноплеменными неразрывная связь? — спрашивал Кайсаров. — Что сближает их? Что к одной общей цели побуждает? Не буду говорить вам о действиях обычаев, законов, веры — языка токмо коснуся. Язык связует их, слушатели! Язык, которым они внятно могут выражать друг другу чувствования сердца, изъясняя души тончайшие движения (. .) Счастливым бы я почел себя, если б слова мои коснулись не одного слуха, но и сердец ваших, и воспламенили бы в них должное уважение и привязанность к языку обильному, красотами исполненному, к языку, в Отечестве нашем господствующему. Счастлив был бы я, если б вы, юноши, ищущие здесь образовать ум и сердце ваше (. .), увидели, сколь необходим для вас язык народа, величайшего в свете, язык вашего Отечества».³

Деятельность Кайсарова вызвала сопротивление реакционной части профессуры, непосредственно связанной с интересами «рыцарства». Кайсаров, по словам Ал. Тургенева, «сражался с ними беспрестанно», хотя «прения его обращались во вред его здоровью».⁴ В работе Зюсса о Моргенштерне есть указания на то, какое сопротивление вызвала со стороны реакционной профессуры попытка Кайсарова активизировать интерес к русскому языку.⁵

Однако ошибочно было бы представлять Кайсарова изолированным от студенческой массы и передовой общественности, борцом-одиночкой. Крепостнические идеи немецких помещиков встречали в стенах университета и до Кайсарова отпор и осуждение (ср., например, указанную выше историю с книгой Эверса). Об активном сочувствии известной части студенчества занятой

¹ Рукописное собрание Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ОИДР, № 210/13, л. 4-об.

² Там же.

³ Речь о любви к Отечеству, на случай побед, одержанных русским войском на правом берегу Дуная, соч. Андрея Кайсарова, Дерпт, 1811. Речь полностью перепечатана в «Сыне Отечества» за 1813 г., № XXVII.

⁴ А. Н. Веселовский, В. А. Жуковский, СПб., 1904, стр. 149.

⁵ См. Süß, Wilhelm; Karl Morgenstern, Ein kulturhistorischer Versuch, Dorpat, 1928.

Кайсаровым позиции говорит тот факт, что организация курса лекций на русском языке, вопреки надеждам его противников, осуществилась успешно: количество записавшихся для слушания курса было значительно, и лекции шли при полной аудитории. Отмечая этот факт, Кайсаров говорил в своей первой лекции: «В первый раз один из здешних профессоров преподает на русском языке; ни одной науки не слыхали вы, сим языком излагаемой, и со всем тем вы не отказались быть моими слушателями. Счастливое предзнаменование! со страхом объявил я вам о моем намерении — с радостью вступаю на мою кафедру».¹

При всей скудности источников мы можем определенно говорить о тесной дружеской связи Кайсарова с Бурдахом и Рамбахом (последний был решительным противником крепостнических общественных отношений) Совместное решение Кайсарова и Рамбаха отправиться в 1812 г. в действующую армию могло возникнуть лишь на основании личной дружбы и близости общественных воззрений.

Если учесть, что именно в годы пребывания Кайсарова в Тарту Г. Эверс, о котором мы говорили как об авторе запрещенной книги, приступил к изучению русской истории, то станет почти невозможно предположить отсутствие каких-либо связей его с Кайсаровым, не только видным знатоком этого предмета, но и обладателем обширной коллекции материалов, как печатных, так и рукописных, собранных и скопированных в славянских землях и Англии. Весьма интересно было бы установить имена студентов, записавшихся на лекции Кайсарова, особенно прослушавших полный курс. К сожалению, известные нам материалы подобных данных не заключают.

Об укрепившемся авторитете Кайсарова в преподавательской среде говорит избрание его во время очередных выборов в конце мая 1812 г. на должность декана историко-филологического отделения философского факультета,² что было весьма необычно, если учесть, что лекции Кайсарова начались лишь в середине февраля 1811 г. Особенно тесные дружеские отношения сложились у Кайсарова с одним из наиболее выдающихся ученых Тартуского университета тех лет — молодым физиологом Бурдахом. Здесь, в окружавшем молодых ученых кружке, видимо, созрела идея создания в Тарту широкой общественной организации, преследующей далеко идущие просветительские цели. Создание такой организации возможно было задумать, только опираясь на контакт со студенческой массой, который, видимо, начал налаживаться. Нельзя считать случайным тот факт, что находившиеся в тесной дружбе Кайсаров и Бурдах выступили в 1811 г. с одновременными проектами создания в Тарту «Обще-

¹ Рукописное собрание Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ОИДР, № 210/13, л. 1.

² См. *Dörptische Beyträge... herausgegeben von Karl Morgenstern*, 1813, I, S. 220.

ства переводчиков» и «Медицинского общества». Хотя оба эти объединения практически организованы не были («Медицинское общество» было запрещено еще до организации), но предполагаемые контуры их настолько интересны, что, по крайней мере об одном из них, непосредственно задуманном Кайсаровым, необходимо сказать несколько слов. Составленный Кайсаровым устав общества был напечатан в «Чтениях ОИДР» в 1858 г без указания имени публикатора и какой-либо характеристики рукописи, с которой производилась публикация. Путь, по которому документ попал в архив ОИДР, также не был разъяснен. Публикация осталась незамеченной даже авторами, касавшимися специально деятельности Кайсарова-профессора (Истрин, Петухов) В ходе предпринятых нами разысканий в архиве ОИДР удалось обнаружить несколько документов, восходящих, видимо, к собранию бумаг Кайсарова тартуского периода, однако, автографа опубликованной в «Чтениях» рукописи и других материалов, посвященных данной теме, найти не удалось. В связи с этим мы лишены возможности судить о том, насколько продвинулась практическая организация общества.

Составленный Кайсаровым «Примерный устав нового предполагаемого Общества переводчиков» состоит из двух частей: первая посвящена обоснованию задач общества, вторая — характеристике его организационных принципов.

Первая часть представляет развернутую программу борьбы за национально-самобытную культуру. Нетрудно увидеть связь ее с выступлениями Андрея Тургенева и Мерзлякова в «Дружеском литературном обществе» Однако, вместе с тем положения Кайсарова не являются простым повторением известного — они учитывают весь идейно-политический опыт Кайсарова: критику крепостного права, пропаганду идеи единой освобожденной славянской культуры, борьбу против немецкого «рыцарства» в Эстонии. Сформулированная Кайсаровым программа носит не революционный, а просветительный характер, однако, широта постановки вопросов, обращение к общественной, а не правительственной инициативе и само содержание понятия «просвещение» делает ее весьма близкой к общественно-просветительской деятельности «Союза Благоденствия».

Центральным тезисом первой части «Устава» является требование борьбы за народность литературы. Как в дальнейшем декабристы, Кайсаров одним из главных вопросов в этой борьбе считал ориентацию на народный язык. Причиной, замедляющей распространение просвещения, является «слишком сильное стремление к употреблению иностранных языков».¹ Цель Кайсарова — «образование народное». «Но ежели мы начнем и писать, и говорить, и думать на чужих языках, сие не будет ли ужаснейшим злоупотреблением?».² Важнейшим средством распростране-

¹ Чтения стр. 143.

² Там же.

ния «просвещения народного» является «отечественная словесность», а развитие ее требует обращения к народному языку: «Мы видим из примера Франции, Германии и других народов, что они не имели отечественной словесности до тех пор, пока все их ученые говорили и писали на латинском языке. То же явление предстоит и нам. Французский и немецкий языки занимают у нас место латинского не только в воспитании, но и в самом обращении жизни. Мы рассуждаем по-немецки, мы шутим по-французски, а по-русски только молимся богу или ругаем наших служителей» (курсив автора)¹ Последняя фраза особенно характерна и иронической постановкой в один ряд молитвы и брани, и переплетением критики антинародной культуры и крепостничества («ругаем наших служителей») Вместе с тем, она и идейно, и текстуально совпадает с многочисленными позднейшими высказываниями декабристов, например, с известным бестужевским: «Было время, что мы невпопад вздыхали по-стерновски, потом любезничали по-французски, теперь залетели в тридевятую даль по-немецки. Когда же мы попадем в свою колею? Когда будем писать прямо по-русски?»²

Проблема народного просвещения в понимании Кайсарова оказывается непосредственно связанной с судьбами литературы. Внимание, уделяемое Кайсаровым вопросам языка и критике современной ему литературы, связано было не с простым противопоставлением русского языка пристрастию общества к французской речи. Подобная постановка вопроса была бы в начале XIX в. отнюдь не нова. Она известна еще в XVIII в. В 1802—1803 гг. она нашла энергичного поборника в Карамзине, резко осудившем (вопреки распространенному и безосновательному мнению о галломании Карамзина) пристрастие дворян к французскому языку. Однако в борьбе за национально-самобытную литературу Кайсаров выступил не как продолжатель Карамзина, возмущавшегося в статье «Отчего в России мало авторских талантов» засилием французского языка в светском обществе, а как полемист и борец против него. Дело в том, что карамзинская школа, в соответствии со всем комплексом своих идейно-эстетических установок, видела в литературе средство выражения субъективного, причем главным жанром становилась лирика. Карамзин был неразрывно связан с исключительным интересом к «легкой поэзии». От языка, в первую очередь, требовалось изящества.

Сдвиги в мировоззрении передовой дворянской молодежи в области литературы, в первую очередь, привели к перенесению внимания читателя с неопределенных и субъективных чувств автора на политическое содержание произведения. Это вызвало интерес к политическим наукам, прозе, «языку метафизиче-

¹ Чтения. . . , стр. 143.

² А. А. Бестужев, Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов. Цит. по собранию стихотворений под. ред. Н. И. Мордовченко, Советский писатель, 1948, стр. 181.

скому», по терминологии М. Орлова. Н. Тургенев в «Мыслях о составлении общества» писал: «Где русский может почерпнуть нужные общие правила гражданственности? Наша словесность ограничивается донныне почти одною поэзиею. Сочинения в прозе не касаются до предметов политики».

По представлению Кайсарова, новые пути русской литературы связаны с появлением научной и политической литературы на русском языке, что, в свою очередь, ускорит создание политической терминологии и языка «русской прозы». Средством к этому Кайсаров считал создание переводной политической литературы: книги, доступные на иностранных языках лишь избранной верхушке, станут достоянием «всего народа российского». Это «даст самой нашей словесности превосходный ход, и мы услышим русских, рассуждающих по-русски о науках и вещах, каких имена едва ли теперь известны».¹ Для Карамзина литература исчерпывалась легкими жанрами, ориентированными на дворянский салон, поэтому у него борьба с французским языком сводилась к жалобе на то, что «в лучших домах», особенно «милые женщины», «говорят у нас более по-французски». Декабристская точка зрения подразумевала не требование изменения языка салона, а отказа от ориентировки на салонность вообще.

То, что стремление к развитию русской самобытной политической литературы вылилось в форму проекта создания общества переводчиков, отчасти связано с необходимостью борьбы против цензуры. Недаром Кайсаров настаивал на освобождении изданий создаваемого общества от цензуры, «чтобы можно было бы без дальнейшего *сопротивления цензуры* (курсив Кайсарова) переводить и печатать на русском языке все книги чужестранные, коих впуск в Россию свободен, и чтобы действие цензоров было ограничено единственно наблюдением, чтобы в переводе не было ничего прибавляемо предосудительного».² Смысл этого требования станет понятен, если мы вспомним, что в России (особенно в начале XIX в.) цензура на иностранные книги была значительно либеральнее, чем на их русские переводы. Классово-дворянский характер такой политики был вскрыт еще Радищевым в главе «Торжок».

Однако, суть дела не в этом: идея создания общества переводчиков связана была со стремлением сделать доступной русскому читателю всю сумму передовых философских идей и тесно переплеталась с борьбой за создание «метафизического языка» и политической литературы. Следует вспомнить, что «Русская правда» Пестеля, по показаниям Бестужева-Рюмина, включала требование: «все знаменитые писатели, в каком бы то роде не были, должны быть переведены на русском языке».³

¹ Чтения стр. 145.

² Чтения . . . , стр. 145.

³ Восстание декабристов, Материалы, т. IX, Госполитиздат, 1950, стр. 59.

В этом отношении проект Кайсарова находит интересную и отнюдь не случайную параллель в деятельности Михаила Орлова, причем именно в ту пору, когда Орлов был озабочен развитием русской политической прозы и философского, «метафизического» языка. Николай Тургенев в письме к брату от 8 мая 1820 г. писал: «Орлов прислал мне проект общества переводчиков для перевода книг полезных иностранных на русский язык. В этом проекте, как и во всем, что пишет О(рлов), много умного».¹

От распространения «просвещения отечественного» Кайсаров ожидал непосредственных результатов не только для развития литературы, но и для решения коренных вопросов общественности. Хотя в этом и проявилась свойственная Кайсарову просветительская ограниченность, но то, как решается им этот вопрос, несомненно интересно, поскольку раскрывает политические симпатии молодого ученого. Русская литература лишена, по мнению Кайсарова, связи с народом. Это приводит автора, как некогда Андрея Тургенева, к тезису об отсутствии в России литературы: «У нас нет словесности, от того, что нет отечественного воспитания, а нет воспитания от того, что все мы более или менее подвержены влиянию чужестранной словесности».² Образование, почерпнутое из иностранных книг, воспитание в духе иностранных традиций и учение на иностранных языках приводит к потере чувства общности с народом; с другой стороны, люди, живущие одной жизнью с народом, получившие воспитание, не похожее на модное дворянское, но, вместе с тем, не получившие достаточной образовательной подготовки, лишены доступа к просвещению. Это порождает разрыв между дворянством — просвещенным и европеизированным, оторванным от народности меньшинством, — и сильной связями с национальными традициями, но оторванной от культуры массой.

«Обращаясь в сем порочном кругу действия, Россияне разделяются на два, весьма отличные, разряда. Первой, принадлежащий к новому состоянию России, причастен общему образованию Европы. Другой, напротив того, оставшийся в прежнем невежестве, не имеет никаких средств к дальнейшему образованию. *Как соединить сии два разные народа в Русском народе?* (курсив Кайсарова). Как сделать, чтобы образование одних могло служить к просвещению других?».³

Намеченное Кайсаровым деление весьма близко напоминает критику дворянской культуры декабристами и Грибоедовым. Достаточно, в этом отношении, вспомнить монологи Чацкого или, в особенности, прямо перекликающуюся с этим рассуждением Кайсарова «Загородную поездку». Грибоедов, называя дворян

¹ Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу, АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 301.

² Чтения ., стр. 144.

³ Чтения ., стр. 144.

«поврежденным классом полу-европейцев», с которым «народ единокровный, наш народ разрознен», писал: «Если бы каким-нибудь случаем сюда занесен был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, он, конечно бы, заключил из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен, которые не успели еще перемешаться обычаями и нравами».

Средством борьбы против этого зла Кайсаров считает просвещение, а путь к просвещению должно открыть общество переводчиков, которое мыслилось как широкая общественная организация, имеющая целью дать массовому читателю широкий выбор книг по различным отраслям знаний на русском языке. Это должно ускорить проникновение просвещения в народ, с одной стороны, и избавить дворянство от необходимости воспитываться на иностранных источниках, с другой. При всей просветительской утопичности этого плана, ему нельзя отказать в широте замысла. Он интересен также, как отражение резкой неудовлетворенности автора дворянской культурой. Хотя Кайсаров, обосновывая свою идею, ссылаясь на пример коллективного перевода «Велизария» двором Екатерины II, однако, фактически замысел его восходит к другому источнику — просветительской деятельности Н. И. Новикова, «которому, — как отзывался сам Кайсаров в «Славянской мифологии», — российская история и словесность многим обязаны»¹

Организационная сторона характеризуется стремлением подчеркнуть независимость от правительства («Общество должно быть вольно», «не должно быть пышного имени Академии» и т. д.) и внутренний демократизм организации («Общество принимает в сочлены свои особ всякого звания», — «все дела в комиссии и комитете решаются по большинству голосов»). Сферу деятельности общества предполагалось расширить за пределы Тарту так, чтобы вовлечь в него и другие университеты, специально ориентируясь на студенчество. Пункт 4-й предлагал «испросить у правительства право переписываться с ректорами университетов, дабы студентов пригласить к сотрудничеству».² Предполагалось организовать в обществе три отделения: переводов с древних, восточных и западных языков.

Широкой программе Кайсарова, по всей видимости, не суждено было осуществиться, требуемое разрешение правительства, вероятно, не было получено так же, как не увенчались успехом и аналогичные попытки Бурдаха. Возможно, Кайсаров и продолжал бы борьбу за реализацию своего плана, если бы начавшаяся война не заставила его резко переменить характер деятельности.

Предпринятая Кайсаровым попытка интересна и в другом отношении: она свидетельствует об определенных связях молодого профессора со студенческой массой, ибо весь план органи-

¹ А. Кайсаров, Славянская и российская мифология, М., 1810, стр. 12.

² Чтения стр. 144.

зации «Общества переводчиков» (как и в свое время издательская деятельность Н. И. Новикова) строится в расчете на активное участие студентов, а без наличия определенного, уже достигнутого контакта об этом не приходилось и думать.

В нашем распоряжении есть еще одно, правда, весьма глухое, свидетельство о попытке Кайсарова нащупать в Тарту какую-то форму организации общественности. Бурдах в уже цитированных мемуарах сообщает: «В Дерпте нашел я в моих коллегам Кайсарове и Стиксе, равно как и в некоторых из горожан, ревностных фран-масонов, которые тогда подумывали об восстановлении запрещенной Павлом ложи». ¹

Кайсаров не был человеком религиозным, тем более мистиком. Хотя мы и не найдем в его произведениях прямо-атеистических высказываний, однако, его отношение к вере остается неизменно свободомыслящим, а к церкви и попам — прямо ироническим. Мы видели, что пиетические устремления Родзянко не нашли сочувствия у руководящей группы членов «Дружеского литературного общества». У Кайсарова еще в Москве неоднократно бывало столкновения с матерью, требовавшей соблюдения официальной церковной обрядности. 18 ноября 1801 г. он жаловался в письме Андрею Тургеневу: «Третьего дни было мое рождение — и первая мне встреча была брань за то, что мне нельзя ехать к обедне () Недовольно того, что накануне заставили меня выслушать в церкви одну вечерню, одну всенощную и один молебен! О чем прссить мне бога за обеднями?». ² В другом письме он сообщает, что «по долгу христианина, а паче по наряду Катерины Семеновны (матери Тургеневых — Ю. Л.) был у обедни». ³

В «Славянской мифологии» Кайсаров с нескрываемым сарказмом пишет о жрецах, обманывавших народ. «При каждом жертвоприношении священники съедали мясо, а богине доставалась только кровь, которую обмазывали ей рот». ⁴ Жертвенное вино жрец «давал отвеживать идолу; но как вино никогда не нравилось Святовиду, то он сам опоражничивал рог, наливал его снова и опять вкладывал ему в руку». ⁵ Язвительно отзывается Кайсаров не только о языческих жрецах, но и о христианских миссионерах, которыми владело «бешенство навязывать другому народу свою веру». ⁶ В этой же брошюре Кайсаров попытался научно поставить вопрос о происхождении религии. «Каждая новая потребность, — писал он, — приносила с собою новое божество». ⁷ Религиозные представления человека имеют, таким

¹ Вигдасч, цит. соч., стр. 569.

² Тургеневский архив, № 50, л. 39.

³ Там же, л. 76.

⁴ А. Кайсаров, Славянская и российская мифология, стр. 93.

⁵ Там же, стр. 177.

⁶ Там же, стр. 165.

⁷ Там же, стр. 17.

образом, земное происхождение и непосредственно связываются с практическими нуждами людей. Религиозное свободомыслие Кайсарова не простиралось, однако, до атеизма, хотя и связано было с резкой критикой обрядности и официальных церковных догм. Лучше всего его отношение к этому вопросу рисуется из письма к Андрею Тургеневу: «Пишу тебе, мой милой друг, в то время, как в спальней у матушки попы изо всей глотки кричат всенощную. Всякой своим образом хочет хвалить или благодарить бога — иной бьет лбом об землю, другой стоит как вкопанной, иной уже охрипшим от пьянства голосом гремит хвалу богу, другой шепчет себе под нос и делает такие хари, от которых бы и сами чудотворные иконы рассмеялись бы, если б они были не иконы». Однако здесь же он прибавляет: «Со всем тем я всегда лучше соглашусь жить с таким человеком, который делает все эти дурачества, нежели с тем, которой, называя все это суеверием, не делает, однако же, существенного».¹ Правда, последняя фраза, возможно, прибавлена из опасения, что письмо попадет в руки отца Андрея, правоверного масона И. П. Тургенева, мнением которого Кайсаров дорожил. Но по крайней мере, в дружеской переписке вопросов религии всегда касались лишь иронически.²

Критическое отношение к обрядности, само по себе, однако, еще не исключало возможности увлечения масонством (масоны, как известно, также отрицали церковный ритуал) Не менее существенно здесь глубокое отвращение, испытываемое Кайсаровым по отношению к мистицизму (это повлияло на его взаимоотношения с Родзянкой). Кайсарову были чужды идеалистические построения масонов. Не случайно его ближайший друг, имевший еще большую возможность поддаться масонскому воздействию, Андрей Тургенев, как отмечает Истрин, решительно полемизировал с масонами. Истрин отмечает, что «ни в записках, ни в дневниках, ни в письмах молодого тургеневского кружка мы не находим ничего, что могло бы указать нам на интерес к масонскому направлению».³ В этом отношении указание Бурдаха вызывает недоумение (заподозрить ошибку в свидетельстве этого обычно точного мемуариста и близкого друга Кайсарова у нас нет оснований)

Объяснение, вероятно, следует искать в следующем: в масон-

¹ Тургеневский архив, № 50, л. 72.

² Ср. в письме Андрея Тургенева Кайсарову: «Здравствуй, мой милой друг Андрей Сергеевич! Здорово ли ты доехал? Весело ли тебе в своей деревне? Но как же иначе? Ничего не делаешь, если сидишь, то сидишь с матушкой, если лежишь, то лежишь с ... (многоточие в подлиннике — Ю. Л.). Стой, воображение! Но в том нет никакого сомнения, что тебе гораздо веселее меня. Вообрази себе: откуда я пришел? из церкви; куда опять через час пойду? В церковь; а там? — опять в церковь». (Тургеневский архив, № 570, письмо 1800 г. без даты.)

³ Архив бр. Тургеневых, вып. 2, Истрин, Младший тургеневский кружок, стр. 33.

скую ложу Кайсарова, по всей видимости, привели не мистические увлечения, а поиски форм общественной организации. Мы видели, как постепенно созревшие воззрения Кайсарова подвели его к идее широкой общественно-просветительской деятельности, а это, в свою очередь, толкнуло на путь поисков организационных форм для общественного движения. В этом отношении Кайсаров к 1811 году проделал значительную эволюцию. «Дружеское литературное общество» представляло еще замкнутое в своей внутренней жизни объединение, не ставившее задачи широко влиять на окружающее общество и поэтому не проявлявшее заботы об увеличении своих рядов. В тартуский период Кайсаров охвачен жаждой общественной деятельности; усилия проектируемых им организаций направлены не во внутрь, а на окружающую среду. Это заставляет проявлять интерес к формам организации общественного движения. Кайсаров и в этом отношении чутко отразил характернейшую черту общественной жизни начинающегося десятилетия.

В своем интересе к масонству как организационной форме Кайсаров не был одинок: через это прошло и большинство декабристов на ранней стадии своего развития (Дмитриев-Мамонов, Михаил Орлов, Федор Глинка, Пестель и т. д.)

Увлечение масонством представляло закономерный, но кратковременный этап в развитии декабристских организаций. Н. М. Дружинин пишет по этому поводу: «Масонские формы были быстро отброшены, и развитие тайного общества пошло по самостоятельному организационному пути». ¹ Интерес Кайсарова к масонству, вероятно, возник после неудачи попыток организовать легальные просветительные общества и, по всей видимости, был кратковременным.

Профессорская деятельность Кайсарова развивалась в атмосфере резко усложнившейся международной обстановки. Время обучения Кайсарова в Геттингене совпало с началом антинаполеоновских войн. Кайсаров пристально следил за развитием событий. Кроме общего для передовой молодежи его круга патриотического чувства, у него были и специальные причины интереса: его брат Паисий — в эту пору уже адъютант Кутузова ² — активный участник военных действий и, в частности, Аустерлицкого сражения. Александр Тургенев писал Кайсарову в Геттинген: «Паисий возвратился из сражения жив и здоров, он писал к нам, что государь сказал о нем: «Кайсаров — храбрый офицер». ³

Сражение при Аустерлице потрясло общество и усилило

¹ Н. М. Дружинин, Масонские знаки П. И. Пестеля, М., 1929, стр. 42.

² См. письмо Строганова Чарторыжскому из Ольмюца от 12/24 ноября 1805 в кн. в. к. Николая Михайловича «Гр. П. А. Строганов», т. II, стр. 342. Автор ошибочно полагает, что упоминаемый в тексте письма Кайсаров — Андрей. На самом деле речь идет о Паисии.

³ Архив бр. Тургеневых, вып. 2, стр. 350.

патриотические настроения передовой его части. В неудаче винили царя, и авторитет правительства, даже в консервативной части дворянского общества, значительно пал. Вторжение Наполеона в Пруссию придвинуло театр военных действий непосредственно к русским границам. Впервые после почти векового перерыва возникла угроза перенесения военных действий в пределы России. Нависшая над страной опасность вынудила правительство провести ряд чрезвычайных мер. 30-го ноября 1806 г. был подписан высочайший манифест об образовании народной милиции — «земского войска». Организация ополчения была воспринята в обществе как стремление развязать народную патриотическую инициативу. Характерно, что Александр, «прилепленный, — по выражению одного консервативного критика правительственной линии, — к одному только барабанному бою и солдатской амуниции»,¹ был вынужден в инструкции предписать учить милиционеров фрунту, «без всякой однакож лишней солдатской вытяжки».² Вместе с тем, правительство опасалось чрезвычайных мер, связанных с вооружением народа. Инструкция предписывала «в случае нарушения порядка и спокойствия» «в самом корне отсечь покушения непокорливости», карая крестьян вплоть до «лишения живота».³

Официальный правительственный курс резко повернул вправо. Правительство, сближаясь с настроениями шишковско-растопчинской группы, попыталось направить патриотические настроения общества в реакционно-охранительном духе. В официозном «Санктпетербургском журнале» начали печататься статьи, истолковывавшие борьбу с Наполеоном, как войну против «разрушительных идей» революции, «утверждавших, что все люди от природы равны и что всякой может в равной мере присваивать себе блага, от щедрой руки ее ниспосланные, (. .) что неравная часть имения есть хищение, а неравная власть — угнетение».⁴ Появляются статьи в защиту религии против философского свободомыслия (статья «Нравственное состояние Европы в середине осьмого на десять столетия») и т. д.

Патриотические настроения общества развивались, однако, в направлении, правительством не предусмотренном. Патриотизм окрашивался в свободолобивые тона. В этом отношении не случайно перепечатка стихотворения Андрея Тургенева «К Отечеству». Примечательна также написанная до Тильзитского мира (в России она была перепечатана после, что придавало ей особенную остроту) брошюра «Рассуждение об участии, приемлемом Россиею в нынешней войне, сочиненное другом политической свободы и взаимной независимости народов». На титульном

¹ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собр. и издал П. И. Щукин, ч. V., М., 1900, стр. 278.

² Санктпетербургский журнал, № I, 1807, стр. 49.

³ Там же, стр. 41—42.

⁴ Там же, 1807, ч. II, стр. 97.

листе указано, что брошюра написана в начале 1807 г. и отпечатана в Кельне. Брошюра вышла в 2-х вариантах, с параллельным русским и французским и французским и немецким текстами. Сравнение текстов позволяет предположить, что оригинальным является немецкий, но в составлении русского перевода, очень чистого с точки зрения языка и написанного не без публицистического искусства, бесспорно, принимал участие русский автор. Эта догадка подтверждается фактом отдельной перепечатки только русского текста в том же 1807 г. в Петербурге. Тем не менее авторство брошюры остается загадочным. Можно предположить, что указание на Кельн, как место издания, фиктивно: резко антинаполеоновская брошюра вряд ли могла появиться в пределах Рейнского союза.

Автор брошюры, прежде всего, отделяет справедливые войны Французской республики от захватнических войн Империи. «Французское правительство, решась сделать Рейн естественною границею своего государства, окончило в то же время прежнюю *справедливую* войну и начало новую *завоевательную* (курсив оригинала)». ¹ Войны против революционной Франции вызывают у автора осуждение: «Первая коалиция не имела оной священной цели общего защищения государства, напротив того, она несправедливым образом вмешивалась в права свободной нации». ² Следствием этого явилась «война, предпринятая Франциею для защищения национальной ея свободы от притязаний других держав, но вскоре потерявшая сию благородную цель». ³ В 1807 г. вопросы международной политики «можно решить» лишь «основываясь на том положении, что Франция ведет *войну завоевательную* (курсив оригинала)». ⁴ За вторжением Наполеона в Пруссию последует, предсказывает автор, нападение его на Россию, причем Наполеон втянет в войну против России все население захваченной им Европы, «не заботясь, половина ли сего вынужденного союза или весь он погибнет от жестокости климата, от беспредельных степей или от непреодолимой твердости ея жителей». ⁵ Смысл брошюры — призыв к решительному военному выступлению России против Наполеона. Битва при Прейсиш-Эйлау вызвала новый подъем патриотических настроений. Александр Тургенев писал Я. И. Булгакову: «Победа, победа! Как русской, как европеец, как человек поздравляю ваше превосходительство с победою (. . .) Русские — спасители Европы — воскресли! Смыто пятно аустерлицкое!». ⁶ Тем тяжелее воспринимался в обществе Тильзитский мир. Автори-

¹ Рассуждение об участии. стр. 6—8. (Русский текст занимает четные — французский нечетные страницы).

² Там же, стр. 18—20.

³ Там же, стр. 4.

⁴ Там же, стр. 6.

⁵ Там же, стр. 82.

⁶ Письма Александра Тургенева Булгаковым, Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина, М., 1939, стр. 68.

тет правительства пал как никогда низко, а патриотические настроения передовой части общества начали приобретать осознанно-антиправительственный характер. Навязанный союз с Францией воспринимался как национальное унижение.

В период начала профессорской деятельности Кайсарова в Тарту официальная «дружба» с Наполеоном еще продолжалась. Летом 1810 г. кн. А. Куракин ездил в Париж в качестве чрезвычайного посла с поздравлением в связи с браком Наполеона и Марии-Луизы и был осыпан любезностями со стороны Наполеона, который подарил ему табакерку со своим портретом, богато оправленным в бриллианты. Однако, относительно подлинных намерений французского императора иллюзий ни у кого не было. В то же лето 1810 г. рядовой русский путешественник, приглашая приятеля в Париж, писал: «Коли ехать, так ехать нынешней зимой, ибо у нас с французами война неизбежна».¹

Как показатель общественных настроений, для нас особенно интересна записка, составленная в 1811 г. братом Кайсарова Паисием Сергеевичем. «Не безызвестны, — писал П. С. Кайсаров, — правительству патриотические чувствования, коими все члены целого тела России оживились при едином воззвании отечества (речь идет о распространившихся в 1810 г. слухах о внеочередной мобилизации рекрутов) (. .). Хотя мы еще не находимся в сей крайности, однако же, с одной стороны, упадок финансов и прекращение коммерции, с другой, явные оскорбления и притязания (.) настроили умы гордых Россиян к отважнейшим предприятиям до того, что сильны будучи надеждою на бога, на свое правое дело, селы, города, столицы, одним словом, все состояния, ничего другого не требуют, кроме войны!».² Любопытно, что П. Кайсаров, отметив патриотизм «всех сословий», резко обрушивается на трусость и своекорыстный эгоизм дворян, «коих дети, пользуясь привилегиями, сопряженными с сим званием, передают из рода в род одно только закоренелое невежество и, не чувствуя надобности посвящать себя на пользу отечеству, проводят жизнь свою в тунеядстве и в вящем токмо отягощении крестьян, подпавших под иго их власти».³

Итак, мы видели, что в условиях 1810—1811 гг. тема патриотизма приобрела особую актуальность и сделалась ареной борьбы между противоположными политическими тенденциями. В этих условиях Андрей Кайсаров 11 ноября 1811 года произнес в торжественном собрании университета «Речь о любви к отечеству».

Речь А. Кайсарова была посвящена победам Дунайской

¹ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собр. и издал П. И. Щукин, т. VII, М., 1903, стр. 229.

² Рукописное собрание ГПБ им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, Архив Шильдера, К-2, 1. 6. 13, лл. 213—223-об. См. также отчет ИГБ за 1903 г., СПб., 1910, стр. 116.

³ Там же, л. 223.

армии Кутузова. Выбор темы не был случаен: победы русских войск на Балканах резко меняли международное положение, которое до этого, если учесть возмущенность русско-французских отношений, складывалось для России весьма неблагоприятно. Более того, победа над турками воспринималась как определенный и победоносный этап борьбы с основным врагом — бонапартистской Францией. Симпатии и помощь, которую оказывал Наполеон Турции, ни для кого не были секретом. В 1806 году наполеоновские войска оккупировали Далмацию, после чего началась планомерная подготовка прямого вмешательства Франции в Балканские дела. Победа на Дунае, после поражений 1805 г. и Тильзитского мира, воспринималась как восстановление суворовской традиции. Ал. Тургенев писал брату Сергею: «Мы разбили турок славно. Кутузов времена древние вспомнул». ¹ Однако, выступление Кайсарова имело и другой смысл.

Обстановка в штабе Кутузова была А. С. Кайсарову прекрасно известна. Летом 1811 года он встретился в Петербурге с Паисием Сергеевичем, привезшим в столицу известия о победе и награжденным в связи с этим георгиевским крестом. ² Паисий Сергеевич Кайсаров был не только адъютантом, но и лицом, пользовавшимся любовью и доверием Кутузова, которого он неизменно сопровождал во всех основных кампаниях 1805, 1811 и 1812 гг. А. Кайсаров не мог не знать крайне неприязненного отношения Александра I к Кутузову. Царь длительное время сопротивлялся назначению Кутузова главнокомандующим Дунайской армии. Советский историк военной кампании 1811 года отмечает, что «в силу давнишней неприязни к полководцу, Александр I все время оставлял Кутузова в стороне от руководства армией. И только в 1811 году, когда военные действия зашли в тупик, а внешнеполитическая обстановка требовала эффективных результатов в войне с Турцией, Александр I вынужден был назначить Кутузова главнокомандующим молдавской армией». ³ В этих условиях речь «О любви к Отечеству», героем которой был избран М. И. Кутузов, приобретала особый характер. Если в период диссертации надежды Кайсарова сосредоточились на Александре, то теперь авторитет правительства в его глазах упал: в области просвещения он рассчитывает на самостоятельные усилия общества, в области защиты отечества — на Кутузова, воплощающего суворовское начало, враждебное двору. Представления об интересах родины и правительственной политике не сливаются, а скорее, хотя в скрытой форме, противопоставляются друг другу.

Лейтмотивом речи Кайсарова является мысль о приближающейся войне с Францией. Не высказывая ее прямо, Кайсаров,

¹ Архив бр. Тургеневых, вып. 2, стр. 444.

² Там же, стр. 447.

³ П. А. Жилин, Разгром турецкой армии в 1811 г. М., 1952, стр. 13.

вместе с тем, прозрачно намекает на тильзитский позор, что в контексте похвал Кутузову звучало не только угрозой Наполеону, но и упреком Александру I. Как прямой намек на Тильзитский мир, звучали, например, следующие слова оратора: «Горе! Горе оскорбляющим наше отечество! (. .) Иногда обстоятельства требуют терпения, но вострубит ангел мести — и горе вам, легкомысленные оскорбители иноплеменных народов, оскорбители чуждого отечества (. .) Так, слушатели, отмщение за оскорбление, нанесенные отечеству, связано неразрывною цепью с любовью к нему». Не случайно речь Кайсарова сохранила актуальность в условиях Отечественной войны, что вызвало перепечатку ее полного текста в 1813 г. в «Сыне Отечества» (№ XXVII).

Мы уже видели, что отношение Кайсарова к русскому дворянству еще в период защиты им диссертации было резко критическим. В официальной торжественной речи он не мог высказать своих суждений со всей откровенной прямоотой. Однако, подчеркивая, что защита отечества есть дело всего народа, Кайсаров центр внимания перенес на пример народного патриотизма: «Мать древней Греции идущему на защиту отечества сыну с тем же чувством произносит: «На щите или со щитом», с каким умирающий римлянин издыхает последние слова: «Сладко умереть за отечество». Чувство сие не есть преимущество какого-либо состояния — все сыны отечества им одушевляются». И дальше: «Бросим взор на сего, одного из низких званий в обществе носящего, Минина! Какое чувство одушевляет его при первом известии об опасности отечества? «Если хотим избавить отечество, — восклицает он, — не должно нам жалеть ни нашего имущества, ни жен, ни детей наших».

Потребовались события 1812 года для того, чтобы передовой дворянской интеллигенции стало ясно в такой степени, в какой это выразил Волконский в знаменитой беседе с царем, что подлинным носителем патриотизма является народ. Сознание, заставившее Грибоедова записать в плане трагедии о 1812 году: «всеобщее ополчение без дворян», — могло родиться лишь в ходе осмысления опыта Отечественной войны. Этот опыт Кайсарову еще предстояло приобрести. Тем не менее, важно отметить, что идея войны как международного, а не профессионально-военного дела уже присутствует в тартуской речи Кайсарова.

Вооруженное столкновение открыло перед Кайсаровым новое поле деятельности. 12 июня 1812 г. началась война между Россией и Францией, а 16 июля ректор университета Гриндель доносил попечителю Клингеру о том, что профессора Кайсаров и Рамбах выехали в распоряжение главной квартиры.

Деятельность Андрея Кайсарова в армии в 1812—1813 гг. принадлежит к интересным, но еще не прочитанным страницам истории Отечественной войны 1812 г. Современникам роль его представлялась отнюдь не заурядной. В некрологе, напечатанном в «Сыне Отечества» (перепечатан в 1838 г. в журнале Воейкова

«Русский инвалид» 16-го ноября, № 288, стр. 1151—1152), читаем следующее: «В начале священной войны за отечество главнокомандующий 1-ю Западною армиею генерал Барклай-де-Толли почел нужным завести полевую типографию. Профессор Кайсаров определен был ея директором. Великий воевода русских сил, князь М. И. Кутузов-Смоленский, уважая отличные дарования Кайсарова, поручил ему важные дела в своей канцелярии». Однако в обширной литературе, посвященной Отечественной войне 1812 г., не освещены, насколько нам известно, ни деятельность типографии Кайсарова, ни «важные дела», поручаемые ему в штабе Кутузова. К сожалению, в просмотренных нами архивных документах также не удалось обнаружить материалов, проливающих свет на этот вопрос. Картину деятельности Кайсарова в армии приходится восстанавливать по отдельным упоминаниям и обрывочным документам. И то, что нарисованная таким образом картина оказывается, тем не менее, не лишенной интереса, лучше всего свидетельствует о яркости и значительности военных трудов молодого профессора Тартуского университета.

В литературе, посвященной Кайсарову, о деятельности военной типографии сообщается только то, что она была заведена по инициативе Главной квартиры, распоряжением которой из Тарту были вызваны два профессора и доставлено типографское оборудование, а также и то, что существование типографии было непродолжительным. Обращение к архивным материалам позволяет представить картину в несколько ином свете.

Как мы видели, Кайсаров еще до начала войны рассматривал приближающееся столкновение как общенародное дело, которое не может быть решено усилиями правительственной верхушки. Подобное убеждение подвело его к пониманию необходимости широкого развязывания народной инициативы по образцу глубоко взволновавшей европейское общественное мнение народной войны испанских партизан. Средством к этому Кайсаров считал организацию при штабе армии агитационного центра. Роль его должна была выполнить типография, инициатором которой он явился. Нам не удалось обнаружить письма, в котором Кайсаров мотивировал, обращаясь к царю, необходимость подобной организации, но существование такого обращения не вызывает сомнения. То, что инициатива исходила от Кайсарова и Рамбаха, следует из текста отношения Барклая-де-Толли в Тартуский университет, в котором предлагалось Кайсарова и Рамбаха «немедленно отправить на время в гаупт-квартиру I Западной армии для препоручений *по известному им предположению* (курсив мой — Ю. Л.) удостоенному высочайшего одобрения». Если идея создания типографии исходила не от тартуских профессоров (в первую очередь, видимо, от Кайсарова, поскольку именно он был назначен директором), то необъяснимо, каким образом дело могло быть им известно еще до каких-либо отно-

шений из Главной квартиры в Тартуский университет. Слова «известное предположение», по-видимому, указывают на инициативу тартуских профессоров. В распоряжении Баркляя-де-Толли университетскому Совету предписывалось:

«1. Объявить г г профессорам Рамбаху и Кайсарову, чтобы они постарались как можно поспешнее отправиться в гаупт-квартиру и явились ко мне.

2. Чтоб вместе с собою взяли два стана для русской и немецкой печати, а также пригласили бы с собою двух переводчиков, четырех наборщиков и четырех печатников». В пункте 4-м предписывалось «объясниться с г. г. профессорами насчет известного им поручения и оказывать им такое пособие, какое только нужно им будет к исполнению монаршей воли», причем указывалось на спешный характер поручения: «По возвращении сего фельдъегеря г. г. профессора могут выехать не позже одних суток». ¹

На то, что замысел организации типографии созрел у Кайсарова, указывает и хорошая осведомленность в этом вопросе его ближайшего друга Бурдаха. Это же, в не очень точных воспоминаниях, выделил и Александр Иванович Тургенев, писавший, что «Кутузов (?) по его (Кайсарова — Ю. Л.) предложению устроил походную типографию» ².

Большой интерес для изучения первого периода деятельности типографии представляют воспоминания Г Меркеля. При этом необходимо учитывать резко отрицательное отношение Меркеля к Рамбаху (в какой мере он был знаком с Кайсаровым, трудно установить). Рассматривая организацию типографии как авантюру и стремясь представить своего противника Рамбаха как главное ответственное лицо, Меркель преуменьшает роль Кайсарова, отводя ему место переводчика при не знавшем русского языка Рамбахе. Это вряд ли соответствовало действительности. Тем более интересно (поскольку Меркель склонен скорее отрицать действительную роль типографии, чем приписывать ей вымышленную) свидетельство его о выпуске одного номера армейской газеты — факт, не учтенный в истории русской периодики. Приведем отрывок из воспоминаний Меркеля: «Тот самый Рамбах, который был в Германии более известен по ядовитой насмешливой песне Фалька, чем по собственным тусклым сочинениям, был теперь профессором в Дерпте. Он связался, поскольку не понимал по-русски, с другим профессором, который был русским, и предложил свои услуги военному министру для издания военной газеты с целью ободрения народа и, в особенности, воодушевления войск. Он должен был писать, а его спутник переводить, что он напишет. Его предложение было принято и отпущена большая сумма на приобретение всего необ-

¹ ЦГИАЛ, ф. № 733, опись № 56, дело 146. л. л. 2-об — 3.

² Современник, 1841, № XXI, стр. 51.

ходимого для полевой типографии. Рамбах купил или реквизи-ровал в типографиях Лифляндии шрифты, наборные кассы и типографские прессы». По сообщению Меркеля, было нанято несколько человек типографских рабочих. Рамбах забрал в университетской библиотеке ряд книг, в том числе многотомную «Историю Германии» Шмидта. Несмотря на то, что Меркель недоумевал, «какую можно было извлечь оттуда пользу для полевой газеты, долженствующей воодушевлять русский народ и солдат», последнее показание ценно. Оно указывает на распределение обязанностей между Кайсаровым и Рамбахом. Кроме издания газеты и печатанья воззваний на русском языке, типография в целом была выпускать листовки, адресованные солдатам враждебной стороны. То, что в библиотеке университета Кайсаров взял книги по истории Франции и Польши, а Рамбах — Германии, указывает на определенную направленность деятельности каждого из них и еще раз опровергает утверждение Меркеля о том, что Кайсарову отводилось скромное место переводчика. Ссылаясь на слова самого Рамбаха, который, по его словам, возвратился в Тарту уже в начале октября, Меркель в характерном для всего рассказа недружелюбном тоне сообщает любопытные данные о судьбе типографии. По его словам, Рамбах «вместе со своим спутником профессором Кайсаровым, своими печатниками и своим тяжелым обозом настиг армию, стоящую у Дриссы, отступил с ней к Витебску и выпустил там первый номер (газеты — Ю. Л.) под заглавием «Россиянин» с русским и немецким параллельным текстом и затем сопровождал армию, затерявшись в ее обозе, так и не выпустив второго номера, я полагаю, до Москвы». ¹

Одним из первых трудов типографии, видимо, явилось печатание известной листовки Штейна к населению Германии и германским солдатам в армии Наполеона. Листовка была опубликована в типографии 1-й Западной армии (т. е. в типографии Кайсарова) за подписью Баркляя-де-Толли. Рукопись ее была отредактирована Александром I, который потребовал удаления ряда казавшихся ему опасными мест. В частности, неприемлемым оказалось царю противопоставление патриотизма народа трусости дворян и князей. Он вычеркнул следующее: «Хотя почти все ваши князья предали дело Отечества, вместо того, чтобы проливать за него кровь, хотя большинство ваших дворян и чиновников готово скорее потерять свои права, чем их защищать, подавляющее большинство вашего народа остается, однако, храбрым, набожным, презирающим ярмо иноземца, верным богу и отечеству». ²

¹ G. Merkel, Die Geschichte meiner liefländischen Zeitschriften, Baltische Monatschrift, herausgegeben von Arnold von Tidebühl, XLV Band, Riga, 1898, S. S. 198—200.

² Цит. по книге: G. H. Pertz, Das Leben des Ministers Freiherrn von Stein, Berlin, 1851, S. 602. Пер. с фр. В параллельном немецком тексте сказано мягче: «Многие ваши князья».

Тем не менее, идея народной войны и ссылка на пример Испании в воззвании остались. Содержание листовки, бесспорно, импонировало Кайсарову. Можно предположить о состоявшемся в эту пору его знакомстве с Штейном.

Если обращение к народу Германии вызвало опасение царя, то тем осторожнее относились при дворе к идее превращения войны в пределах России в народную. Деятели типа Багратиона понимали, что «война теперь не обыкновенная, а национальная», но правительство и реакционное дворянство прекрасно создавали, какое обоюдоострое оружие — вооружение народа. Известны слова Растопчина, сказавшего: «Мы еще не знаем, как повернется русский народ».¹ Тем большее значение приобретало опубликование в типографии Кайсарова печатного призыва к крестьянам Псковской, Смоленской и Калужской губерний к развязыванию народной партизанской войны. Называя псковских, смоленских и калужских крестьян «истинными сынами отечества», листовка призывала последовать тем смоленским крестьянам, которые «пробудились уже от страха своего. Они вооружились в домах своих с мужеством, достойным русского, карают злодеев без всякой пощады. Подражайте им все, любящие себя, Отечество и государя!».²

Воззвание подписано Барклаем-де-Толли, однако, это, бесспорно, не указывает на авторство. Ведь и листовка, составленная Штейном, была опубликована за подписью командующего. Подпись в данном случае означала лишь официальный характер обращения. Вполне вероятно предположить, что составление листовки было поручено Кайсарову, который, как человек, не сведущий в типографском деле, и профессор, известный правительству в качестве автора речи «О любви к отечеству» (экземпляр ее был поднесен Александру I), вряд ли был вызван из Тарту для технического руководства типографией.

О том, что Кайсарову была поручена работа по составлению листовок, причем не только на русском языке, свидетельствует одно косвенное указание. На основании распоряжения Барклая-де-Толли, Тартуский университет должен был обеспечить Кайсарова всем, необходимым для выполнения порученного ему дела. В числе этого необходимого оказались не только типографские станки и шрифты, но и значительное количество книг, выданных лично Кайсарову.³ Подбор книг знаменателен: это

¹ С. Глинка, Записки, СПб., 1895, стр. 255.

² Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собр. и издал П. И. Щукин, ч. VII, М., 1903, стр. 246.

³ Этот факт устанавливается на основании прошения проректора Тартуского университета Стикса на имя Барклая-де-Толли: «По высочайшему его императорского величества повелению предписано вашим высокопревосходительством университету от 5 июня прошлого 1812 г., дабы отправить в главную квартиру обоих профессоров, Рамбаха и Кайсарова, снабдив их всем тем, чего они к исполнению высочайшей воли потребуют. Посему поведу отпустил университет сказанным профессорам изъясненные при сем в

литература по истории европейских народов и дипломатической жизни конца XVIII — начала XIX в., которая могла понадобиться при составлении воззваний. Обращает внимание обилие книг по истории Польши, а также тот факт, что Кайсаров подбирал литературу, истолковывавшую антинаполеоновскую борьбу в плане оправдания законного стремления народов к политической и национальной свободе. Среди книг, которые взял из Тарту Кайсаров, следует отметить следующие: Arndt, «Geist der Zeit», 1806 (антикрепостнические выписки из нее он делал еще в Геттингене); Legnitz, «Historia Polona a Lecho in anno 1740»; «Vom Entstehen und Untergange der polnischen Constitution»; «Histoire de la Révolution de Pologne en 1794, par témoin»; Martens, «Recueil de Traités de paix, d'amitié, d'alliance etc. conclus entre la république française et les différentes puissances de l'Europe», 4 vol., Paris, 1803; Martens, «Droit de gens de l'Europe», à Götting., 1801».¹

Оценка роли Кайсарова в истории идеологической войны против Наполеона полностью сможет быть дана только после того, как будут суммированы все летучие издания походной типографии в период Отечественной войны.

Типография Главной квартиры, видимо, уже на первом этапе работала весьма активно. В дневнике Цезаря Ложье читаем: «19 июля (1812 г.). Движение на Березино. Находим по дороге множество печатных прокламаций, оставленных для нас русскими; переписываю несколько отрывков: «Итальянские солдаты! Вас заставляют сражаться с нами (. . .) Вспомните, что вы находитесь за 400 миль от своих подкреплений. Не обманывайте себя относительно наших первых движений; вы слишком хорошо знаете русских, чтобы предположить, что они бегут от вас. Они примут сражение, и ваше отступление будет затруднительно. Как добрые товарищи, советуем вам возвратиться к себе; не верьте уверениям тех, которые говорят вам, что вы сражаетесь во имя мира. Нет, вы сражаетесь во имя ненасытного честолюбия государя, не желающего мира. Иначе он давно заключил бы его. Он играет кровью своих храбрых солдат !.». ²

приложенном списке: казенные вещи, которые господам профессорам Рамбаху и Кайсарову по их просьбе и выданы под их расписку от 17 августа 1812 г. Университет нашел нужным по случаю смерти профессора Кайсарова утрудить ваше высокопревосходительство нынешнюю просьбою, приказать изъясненные в списке казенные вещи возвратить университету как необходимо нужные.

11 июля 1813» (ЦГВИА, ф. 103, оп. 208а, св. 118, д. 8, л. 420 и 420-об.).

На документе собственноручная резолюция Барклая-де-Толли: «Написать брату покойного Кайсарова, г. генерал-майору Кайсарову, чтобы выправился, точно ли остались после покойного книги, Дерптскому университету принадлежащие, и, буде найдутся, доставить сюда для отправления в Дерпт».

¹ Там же, л. 422.

² Цезарь Ложье, Дневник офицера великой армии в 1812 г., Задруга, М., 1912, стр. 38—39. Указание на этот источник было любезно дано мне А. В. Предтеченским.

Вот когда Кайсарову пригодилось его знание итальянского языка, над изучением которого он, вопреки мнению Андрея Тургенева, считавшего, что «не стоит труда учиться по-итал(ьянски)»,¹ упорно работал в Геттингене.

Таким образом, уже в первый период войны наметились те черты, которые станут характерными для листовок типографии Кайсарова в дальнейшем: проповедь народной войны, истолкование войны как освободительной.

Оригинал газеты нам неизвестен, возможно, он и не сохранился. Однако, первый и, видимо, единственный номер этого издания был перепечатан по-немецки в рижской газете «Der «Zuschauer» (1812, 29 августа, № 700)² В виду важности этой заметки и особенно содержащейся в ней перепечатки приводим текст полностью в русском переводе: «Первый номер новой газеты «Россианин», издаваемой по повелению военного министра в Главной Квартире, от 25 июля содержит следующее:

«Россианин (Der Russe)

С нами бог!

За веру, царя и отечество!

Мысль, что мы нашу газету начинаем радостным известием, воодушевляет нас. Упование на бога, на наше мудрое правительство и известную храбрость русских воинов убеждает нас в том, что наши читатели и в дальнейшем постоянно будут получать радостные известия. Мы надеемся заслужить доверие наших соотечественников и заверяем их, что мы также не будем скрывать и горестных происшествий, если им суждено будет произойти. Война не может быть без потерь. Гражданин должен знать положение вещей, чтобы он мог предпринять необходимые действия и быть ко всему готовым. Он должен радоваться нашему продвижению, а в противном случае не малодушествовать, но действовать.

Война с турками закончена. Вопреки коварным интригам французского правительства, которое привыкло бросать между народами факел раздора, мир между Россией и Турцией подписан и ратифицирован обеими сторонами. Еще недавно высмеивали французские газеты возможность мира; точно так же, как незадолго до того они сомневались в том, что Россия сможет отбить насильственное нападение на свою империю и сохранить свои воинские силы. Теперь уничтожительно бросится наша увенчанная лаврами армия с берегов Дуная на нашего вечного врага. Естественно, что ему, который надеялся вооружить против нашего отечества всю вселенную, не может понравиться отпадение Турции. Мир с турками для нас очень важен. Мы приобрели часть турецких владений, которая вклинивалась в нашу границу.

¹ Тургеневский архив, № 840.

² Этим, как и рядом других указаний, я обязан любезности недавно скончавшегося сотрудника библиотеки ТГУ Э. Вигеля, теплая память о котором сохранится у всех, пользовавшихся его доброжелательными указаниями.

Наша Молдавская армия, как мы уже говорили выше, будет использована против нарушителя нашего покоя, и можно с уверенностью утверждать, даже не желая проникнуть в государственные тайны, что и турки вряд ли останутся хладнокровными наблюдателями этой войны. Турецкие владения граничат с французскими, в которых в нынешнем положении не может быть большого количества войск. Нападение на Далмацию может весьма обеспокоить французского императора. На другом конце Европы обстоятельства складываются весьма благоприятно для России. Объединенные английские и португальские войска заняли Бадахос и углубились уже во Францию, в которой из-за голода все более и более распространяется дух недовольства.

Большая часть немцев ожидает лишь счастливого момента, чтобы отмстить своим тиранам за многолетнее иго. Некоторые из них, те, которые находятся в числе французских войск, поворачивают при первом же случае свое оружие против этой, столь им ненавистной, нации. Россия находится в прямо противоположном положении: ее воины не наемники, они защищают свою веру, своего царя, свое отечество. В отдаленнейших уголках России горят ревностью все, все пожертвовать. Враг может победить в одной из битв, но победить Россию он не сможет. Сила бога поразит кровожадного и защитит доверившихся ему».¹

Содержание приведенного номера газеты знаменательно. Отчетливая связь его с речью Кайсарова в Тартуском университете, с одной стороны, и последующими листовками штаба Кутузова, выходившими уже после отъезда Рамбаха, опровергает свидетельство Меркеля (со слов Рамбаха) о Кайсарове как простом переводчике. Знаменательно то, что первый номер был приурочен к подписанию мира с Турцией. Подчеркивание значения этого события, надежды на Молдавскую армию — все это не может быть истолковано иначе, как завуалированная пропаганда идеи приглашения Кутузова в действующую армию. Учитывая отношение Александра к Кутузову (Кайсаров — брат адъютанта Кутузова, вращаясь в самых высоких штабных кругах 1-й армии, конечно, был в курсе закулисной борьбы интересов) и то, что газета выходила как официальный орган штаба Баркляя-де-Толли, следует удивляться не тому, что имя Кутузова не названо, а определенности, с которой редакторы газеты проводили свою идею.

Другая существенная мысль состояла в идее сознательного участия «граждан» России в судьбе своего отечества. Вместе с интересом к военным действиям в Испании это дает первую попытку провозглашения идеи народной войны, которую,

¹ Последний отрывок перепечатан в заметке «Die Felldruckerei und Feldzeitung der Dorpater Professoren Rambach und Kaissarow.» В сб. «1812, Baltische Erinnerungsblätter, herausgegeben von Dr. Fr. Bienemann», Riga, 1912.

как увидим дальше, будут упорно пропагандировать листовки типографии Кайсарова.

Сведения, которыми мы располагаем о внутренней жизни типографии, крайне скудны. Рамбах вскоре вернулся в Тарту. Возвращение его истолковывалось в литературе как признак ликвидации типографии. Так понял это и попечитель университета Клингер, доносивший Разумовскому, что «как профессор Рамбах давно уже возвратился в Университет, то должно думать, что обязанность их кончилась». ¹ Однако, видимо, дело обстояло иначе. По первоначальному замыслу типография должна была печатать обращения к населению пограничных европейских стран (Германии, Польши) и солдатам неприятельской армии, с одной стороны, и к своей армии, а также к населению захваченных неприятелем районов, с другой. В дальнейшем, когда фронт отдалился от западных границ России, листовки к немецкому населению оказалось удобнее печатать не в штабе армии, а в Риге. Видимо, это и вызвало отозвание Рамбаха в Тарту. По крайней мере, известно, что здесь он написал воззвание: «An die Deutsche!», которое было отпечатано в 1812 г. в Риге. Вероятно, с этой листовкой связано письмо Александра I к Паулуччи от 6 декабря 1812 г.: «Я нахожу, что задуманное воззвание к немцам, которое вы мне прислали вместе с вашим рапортом от 25 ноября, может быть с пользой выпущено немедленно. Оно не должно быть подписано Вами». ²

Нет никаких оснований полагать, чтобы деятельность типографии, оставшейся теперь полностью в ведении Кайсарова, прекратилась именно в тот момент, когда необходимость обращения к активности народа становилась все более очевидной.

Новые возможности открылись перед Кайсаровым после назначения М. И. Кутузова на пост главнокомандующего. Переход Кайсарова в штаб Кутузова был обусловлен не только доверенностью главнокомандующего по отношению к брату его Паисию Сергеевичу, хотя, возможно, и это имело известное значение. «Должность адъютанта у главнокомандующего, командующего армией или начальника штаба требовала особой храбрости и презрения к опасности, ибо в ходе боя связь осуществлялась только при их помощи». ³ В период Отечественной войны 1812 г. доверенность Кутузова к своему адъютанту еще более возросла. Это дало даже основание для клеветнических вымыслов Растопчина, писавшего после оставления Москвы, что «Кутузов ничего не видит; Кайсаров за него подписывает». «Судьба России и государь зависят от Кудашева и Кайсарова. Сей последний имеет препоручение подписывать под его руку». ⁴

¹ ЦГИАЛ, ф. № 733, опись № 56, дело 146, л. 14.

² Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собр. и издал П. И. Шукин, ч. IX, стр. 153. Оригинал по-французски.

³ Проф. С. Б. Окунь, История СССР, Л., 1948, стр. 370.

⁴ Памятники новой русской истории, сб. исторических статей и материалов изд. В. Кашпиоровым, т. II, СПб., 1872.

У нас нет почти никаких сведений о деятельности Андрея Кайсарова после образования объединенной армии. Несомненно только одно: в штабе Кутузова Кайсаров попал в атмосферу идей народной войны и оказался в центре непосредственной деятельности по ее организации. «Кутузов являлся не только организатором партизанских отрядов и иррегулярных войск, но и одним из вдохновителей крестьянской партизанской войны».¹

Вместе со штабом Кутузова А. С. Кайсаров проделал самую трудную часть кампании 1812 г. Он принял участие в Бородинской битве. Его характерную фигуру отметил в сцене Бородинского боя Л. Н. Толстой в XXII гл. ч. II третьего тома «Войны и мира» В одной из статей о творчестве Жуковского Н. С. Тихонравов отметил, что Кайсаров встретился с Жуковским во время ночного отступления к Москве. Знакомый Андрея Кайсарова еще по Геттингенскому университету Михайловский-Данилевский встретился с ним вновь в штабе Кутузова. Время совета в Филях и отступления через Москву они провели вместе. «Мы во весь вечер ходили взад и вперед по деревне Филям, плакали как дети». «На другой день, 2-го сентября, злополучнейший, какой я проводил до того во всю мою жизнь, мы встали очень рано; ужас и бледность были на лицах наших, никто не говорил ни слова. Я немедленно поехал в Москву, улицы были запружены всякого рода экипажами и повозками; толпы народные волновались, как волны морские. Когда мы выехали на простор, то зарыдали горько. Нас было пятеро: полковник Кайсаров, брат его Андрей, убитый в следующем году близ Бауцена, граф Сиверс и я; мы вспоминали о прошедшей славе отечества нашего, и все бедствия, нас ожидавшие, казались нам ничтожными в сравнении с потерей Москвы. Мы вошли в Успенский собор, чтобы в последний раз помолиться в нашей древней столице. Нельзя представить верно картины, которую я увидел в церкви; она была наполнена народом, смотревшим на нас с каким-то благоговением, но на лицах всех написано было отчаяние».² Тот же источник сообщает, что А. Кайсаров и его спутники пытались навести порядок в отступающих частях: увидев в арсенале большое количество брошенного оружия, они начали вооружать народ и «заколотили несколько пушек». Далее им пришлось стать свидетелями убийства Верещагина.

Деятельность типографии А. С. Кайсарова, видимо, оживилась в период Тарутинского лагеря. В штабе Кутузова в этот период собрались не только военные руководители, но и значительные литературные силы. Литературным знаменем кружка стал В. А. Жуковский, в агитационно-публицистической деятельности, вероятно, не последнюю роль играл Андрей Сергеевич Кайсаров. Враг крепостного права, доктор философии и меди-

¹ Проф. С. Б. Окунь, цит. соч., стр. 243.

² А. И. Михайловский-Данилевский, Записки, Исторический вестник, 1890, октябрь, стр. 150.

чины, профессор и директор походной типографии, человек огромной эрудиции, владевший почти всеми европейскими языками, он, конечно, был заметной фигурой в жизни штаба Кутузова.

В исследовательской литературе неоднократно рассматривалась публицистика 1812 г., как реакционно-правительственная, так и прогрессивная, «вскрывавшая роль народа в борьбе против Наполеона». ¹ К сожалению, при изучении последней недостаточно обращалось внимание на то, что штаб Кутузова играл роль не только военного центра армии, но и был втянут в напряженную идеологическую жизнь, причем позиция его хотя и ни в коей мере не может быть охарактеризована как антиправительственная (антиправительственного лагеря в передовой публицистике 1812 г не существовало и существовать не могло), однако, являлась самостоятельной и с официозной публицистикой не сливалась.

Прежде всего, необходимо попытаться установить круг документов, на которые историк имеет возможность опираться. Продукция типографии Кайсарова сохранилась плохо, что не вызывает удивления: листовки и воззвания быстро уничтожались в условиях походной жизни; в Петербург и Москву, где они могли бы задержаться в собраниях любителей, летучие издания попадали лишь в виде исключений, распространяясь чаще в виде перепечаток столичных типографий. Личный же архив Кайсарова этих лет бесследно затерялся после перехода его в партизанский отряд и гибели. Показательно, что такие важные документы, как воззвание Кутузова к жителям Смоленской губернии и Барклая-де-Толли к населению Западных губерний, в оригиналах не сохранились. Первая, воспроизведенная впервые в сборнике документов и материалов «Фельдмаршал Кутузов» (ОГИЗ, Госполитиздат, 1947, стр. 176—177), уцелела лишь в копии в составе рукописи Михайловского-Данилевского ² — кстати, видимо, сотрудника Кайсарова в этот период, — вторая воспроизведена в «Материалах» из собрания Щукина, по оригиналу ли печатного издания или копии с него — неизвестно. В обследованных нами книго- и архивохранилищах ни одного экземпляра воззвания Баркляя обнаружить не удалось. Указаний на эти воззвания не находим и в известной книге Н. П. Лихачева «Каталог летучих изданий и перепечаток», СПб., 1895.

Хотя перечисленные документы (равно как и упоминаемая Ложье листовка) и не сохранились, но текст их нам известен, и мы можем отнести их к печатной продукции типографии Кайсарова. Не менее существенно и другое: выделение из числа сохранившихся от 1812 г. летучих листов тех, которые могли быть в ней отпечатаны. К ним, в первую очередь, следует отнести

¹ А. В. Предтеченский, Отражение войн 1812—1814 гг. в сознании современников, Исторические записки, т. 31, стр. 231.

² Хранится в ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3430, ч. III, I л. 1511—1511-об.

документы, подписанные именем Кутузова и помеченные датами и географическими названиями, указывающими на штаб командующего. Это — ряд летучих изданий под названием «Известия из армии» и приказы Кутузова. Подобные сообщения печатались не только на русском языке. Такова листовка «Nouvelles officielles de l'armée en date du 27 août». Известную помощь при определении места напечатания той или иной листовки может оказать изучение шрифта. Так, например, после отъезда Рамбаха, вероятно, отозванного со специальной целью наладить печатанье немецких воззваний в Риге или Тарту, из типографии Кайсарова, видимо, был изъят готический шрифт. По крайней мере, нам не удалось найти за все время существования типографии Кайсарова, ни одной листовки из числа бесспорно принадлежащих штабу Кутузова, которая была бы отпечатана готическим шрифтом. Латинским шрифтом было отпечатано известное воззвание к немцам (Aufruf an die Deutschen), опубликованное 13(25) марта 1813 г. в Калише и подписанное Кутузовым.¹ Поскольку латинский шрифт для воспроизведения немецкого текста был в ту пору еще явлением редким, то для листовок подобного типа, при условии, если анализ содержания также подводит к этому выводу, можно поставить вопрос о принадлежности их к числу напечатанных в штабе Кутузова. Такова, например, брошюра «Rückzug der Franzosen», о которой речь пойдет в дальнейшем. Типография печатала не только агитационную публицистику, но и агитационную поэзию. Так, в ней было впервые отпечатано стихотворение В. А. Жуковского «Вождю победителей». Листовка с текстом стихотворения не сохранилась, однако, она была в руках издателей «Вестника Европы», которые, перепечатывая стихотворение, сопроводили текст пометкой: «С печатного в селе Романове 1812 года, ноября 10 в походной типографии» В примечании к «Певцу во стане русских воинов» П. А. Ефремов писал: «Указывают, будто существует издание 1812 г., сделанное в военно-походной канцелярии кн. Смоленского, но мы этого издания разыскать не могли».² Относительно этого издания Ц. Вольпе полагал, что «существование его маловероятно».³ Однако, если учесть, что во главе типографии находился старинный друг Жуковского, что типография напечатала другое стихотворение Жуковского и что творчество Жуковского этих месяцев несет, как мы постараемся показать, бесспорную печать влияния публицистики штаба Кутузова и лично Кайсарова, факт опубликования последним «Певца во стане русских воинов» не покажется нам маловероятным. Отсутствие экземпляров этого

¹ В «Записках» С. Н. Глинки (СПб., 1895, стр. 264) воззвание пересказано, но в качестве даты его выхода ошибочно указано 15 марта.

² В. А. Жуковский, Сочинения, под ред. П. А. Ефремова, изд. 7-е, т. I, СПб., 1878, стр. 501.

³ В. А. Жуковский, Стихотворения, вст. статья и примечания Ц. Вольпе, Л., 1939, стр. 364.

издания не может служить аргументом: как мы видели, издания типографии Кайсарова вообще сохранились плохо, ведь и экземпляров «Вождя победителей» не сохранилось!

Изучение текстов печатных листовок, выпущенных типографией Кутузова, позволяет установить характерное единство как излагаемых в них мыслей, так и стилистических приемов. Центральными идеями становятся мысль об освободительном и народном характере войны (в связи с этим возникает интерес к «малой войне» — действиям армейских партизан и вооруженных крестьянских отрядов) и прославление М. И. Кутузова, оправдание его тактики, указание на ведущую роль его в деле спасения родины. В условиях настороженного отношения правительства к идее вооружения народа и неприкрытой враждебности царя и придворной камарильи Кутузову, что после оставления Москвы почти не скрывалось, указанная позиция, конечно, не может быть охарактеризована как официозная. «Правительство Александра I не разделяло взглядов Кутузова на партизанскую войну, подолгу задерживало представления Кутузова к награждению и повышению в чинах некоторых партизанских начальников, пыталось использовать некоторые партизанские отряды не для вооружения, а для разоружения крестьян».¹ Однако в дальнейшем, когда народное партизанское движение стало фактом, широко известным в России и вызвавшим отклики за границей, официальные манифесты и правительственные обращения отказались от игнорирования народной инициативы, пытаясь истолковать ее как проявление верноподданнических чувств крестьян. В манифесте от 4 ноября 1812 г Александр I писал: «Сверх того из донесений главнокомандующего и других генералов с сердечным удовольствием видели мы, что во многих губерниях, а особливо в Московской и Калужской поселяне сами собой ополчились».² Отношение к партизанскому движению в листовках штаба Кутузова было принципиально иным. — Не говоря уже о том, что интерес к нему не был случайным и вынужденным, а идея народной войны систематически пропагандировалась, вопрос имел и другую сторону: вооруженное сопротивление крепостных крестьян захватчикам в разбираемых документах рассматривалось не как выполнение слепого долга повиновения, а как сознательный гражданский подвиг. В листовке Барклая крестьяне характеризуются, как «истинные сыны отечества, верные подданные монарху своему и бесстрашные защитники собственности»³ (к последней формуле мы еще вернемся). Почти в тех же выражениях говорит о крестьянах листовка «Известие об армии. Главная квартира, село Леташевка, Сентября 10-го дня

¹ А. Н. Кочетков, Кутузов — организатор армейских партизанских отрядов, сб. «Полководец Кутузов», Госполитиздат, 1955, стр. 353.

² ЦГВИА, ф. ВУА, № 3652, лл. 102—102-об.

³ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собр. и издал П. И. Щукин, ч. VII, стр. 246.

1812 года». Крестьяне «ежедневно приходят в Главную квартиру, прося убедительно огнестрельного оружия и патронов для защиты от врагов; просьбы сих почтенных крестьян — *истинных сынов отечества* — удовлетворяются по мере возможности, и их снабжают ружьями, пистолетами, порохом».¹ В листовках систематически подчеркивалось равенство крестьян с другими сословиями в патриотическом деле спасения отечества. В «Известии из армии Ноября 4 дня, 1812 года» читаем: «Священный пламень любви к отечеству согревает все состояния. Недавно еще уведомили мы наших соотечественников о мужественных усилиях наших честных поселян к истреблению врага; ныне приятным долгом поставляем довести до всеобщего сведения деяния других сословий».² В «Приказе по армиям октября 19-го дня 1812 года» говорилось, что «неприятелю нечего ждать» впереди ничего другого, как «продолжения *ужасной народной войны*, способной в краткое время уничтожить всю его армию». «Видя в каждом жителе воина», «предпринял он поспешное отступление вспять».³ Действия партизан описываются весьма подробно: «Крестьяне, горя любовью к родине, устраивают между собою ополчения; случается, что несколько соседних селений ставят на возвышенных местах и колокольнях часовых, которые, завидя неприятеля, ударяют в набат. При сем знаке крестьяне собираются, нападают на неприятеля с отчаянием и не сходят с места битвы, не одержав конечной победы».⁴ В листовке «Nouvelles officielles .» 27 августа 1812 г. особо выделялась «храбрость ополчений Смоленска и Москвы».⁵ В другой листовке крестьяне названы «почтенными гражданами». В анонимной брошюре «Rückzug der Franzosen» говорилось о том, что во время отступления французов «в лесах и болотах лежали на страже отряды вооруженных крестьян и побивали ежедневно многие сотни неприятелей, а те, кто избегал крестьян, попадал в руки казаков».⁶

Постоянное подчеркивание участия крестьян в освобождении родины как бы уравнивало их в глазах известной части современников в гражданском отношении с другими сословиями и

¹ ЦГВИА, ф. 9190 (молдавская армия), опись 163-6, связка 25, № 14, л. 259-об.

² Там же, ф. ВУА, № 3652, л. 71-об.

³ ЦГВИА, ф. № 9190 (молдавская армия), оп. 163-6, связка 25, № 14, л. 299.

⁴ Там же, л. 259—259-об.

⁵ Там же, ф. ВУА, № 3652, л. 49.

⁶ Там же, Rückzug der Franzosen. Брошюра в 8° на 36 страницах, без указания автора, места и времени издания, шрифт латинский. Брошюра охватывает период от Тарутина до Немана; дальнейший ход событий автору неизвестен. Чрезвычайная осведомленность автора в деталях передвижения войск и хода военных событий, а также подробное и сочувственное изложение тактики Кутузова, равно как наблюдения над характером шрифта, заставляет предположить связь ее с походной типографией объединенной армии. Не имел ли Кайсаров отношения к ее составлению?

перерастало из проблемы военной в политическую. Листовки постоянно говорили о праве народа на борьбу с тиранией за отстояние свободы. Термины «рабство», «самовластие», «тирания», «свобода» повторялись непрестанно. Наполеон — тиран и захватчик, борьба с ним — борьба за освобождение. Если в реакционных «афишках» Растопчина подчеркивалась связь Наполеона и революции, а в упрек императору французов ставилось, что он не «чистой царской крови», то в листовках штаба Кутузова союзники Наполеона именовались «несчастными рабами самовластия».¹ В упомянутой выше немецкой брошюре война характеризовалась как «последняя битва, от которой зависит свобода Европы». В печатном обращении Кутузова к жителям Германии при переходе русскими войсками ее границы мы находим ту же мысль: приближение русских войск возвещает «князьям и народам Германии возвращение свободы и независимости», лозунг русских войск — «честь и свобода».²

Конечно, надо иметь в виду, что в условиях борьбы с Наполеоном подчеркивание тиранического характера власти последнего и освободительного смысла войны входило в официальный курс правительственной пропаганды. Более того, порой самые консервативные силы антинаполеоновской коалиции сознательно оперировали весьма свободлюбивой фразеологией, отчасти даже перекликающейся с языком боевой публицистики революционной эпохи, понимая, как важно лишить Наполеона ореола генерала революции.

Однако война имела действительно освободительный характер, и поэтому то, что было тактической уловкой в словах официального манифеста, наполнялось для передовой части общества глубоким и прогрессивным содержанием. Употребление терминологии, насыщенной гражданственным содержанием, бесспорно, играло для читателя определенную политико-воспитательную роль.

Бросается в глаза и другая особенность: в листовках типографии Кайсарова время от времени появляется аргументация, прямо ведущая к политическим теориям XVIII в. В обращении Баркляя-де-Толли крестьяне названы «бесстрашными защитниками *собственности*» (курсив здесь и далее мой — Ю. Л.). В этой же листовке читаем: «Внемлите гласу, возвышающему вас к *собственному* успокоению вашему, к *собственной* безопасности вашей». Крестьяне призываются «подкреплять действия армии защитой *собственных* домов своих» от неприятеля, а также от «тех воинов наших, кои (. .) дерзнут посягать на *собственность* вашу».³ Такое подчеркивание идеи собственности вытекало не из реально существовавших в России тех лет обще-

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, № 3652, л. 70.

² Там же, ф. 3857, л. 80.

³ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собр. и издал Щукин, ч. VII, М., 1903, стр. 246.

ственных отношений, поскольку крепостной крестьянин не только юридически собственником не являлся, но и фактически часто был ограблен помещиками до последней степени, а из идей просветительской философии XVIII в. о необходимости личной заинтересованности человека в добродетельных поступках и о собственности как священном, неотделимом праве личности.

Призыв бороться с неприятелем во имя защиты собственности естественно подводил и автора, и читателя к важному общественно-политическому вопросу, к праву крестьянина на безраздельное владение тем, что его призывали защищать. Трудно допустить, чтобы враг крепостного права А. С. Кайсаров, имевший прямое отношение к созданию листовки, если не как автор (предположение это нам не кажется лишенным оснований), то как издатель, упустил из виду эту сторону вопроса.

Другой важнейшей темой агитационных произведений, вышедших из типографии Кайсарова, являлась популяризация роли Кутузова, его военной тактики. Так, в чрезвычайно ответственной листовке «Nouvelles officielles de l'armée en date 27 août», сообщавшей о результатах Бородинского сражения, настойчиво проводилась мысль о руководящей роли Кутузова и его популярности в войсках: «Князь Кутузов сразу же по прибытии на позицию собрал генералов и построил войска; он был встречен восклицаниями живейшего энтузиазма». ¹ То же и в названной немецкой брошюре. Естественно, что в тех документах, которые публиковались в качестве официальных сообщений от имени Кутузова, прославление его не могло иметь места. Вместе с тем, именно этот пункт имел первостепенное значение. Понимание войны как народной прочно связывалось с фигурой Кутузова, а, с другой стороны, оставление Москвы было воспринято в придворных кругах как сигнал к началу травли главнокомандующего. В рескрипте на имя Кутузова Александр I писал: «Вспомните, что вы еще обязаны ответом оскорбленному отечеству о потере Москвы». В этих условиях защита авторитета Кутузова в армии лучше всего могла бы быть выполнена изданием литературных произведений, не имевших характера официальной штабной бумаги. Эту роль выполнили стихотворения Жуковского. Кутузов в них именовался «бодрым вождем» (в письме от 20 октября 1812 г. Раstopчин писал: «Кутузов — самый гнусный эгоист, пришедший от лет и от разврата жизни почти в ребячество. Спит, ничего не делает». ²)

Исполненными глубокого смысла были стихи:

«С ним опыт, сын труда и лет,
Он бодр и с сединою,

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, № 3652, л. 48.

² Памятники новой русской истории, сб. исторических статей и материалов, изд. В. Кашпировым, т. II, СПб., 1872, стр. 186.

Ему знаком победы след
Доверенности к герою!»¹

Как и автор брошюры «Rückzug der Franzosen», Жуковский оправдывал оставление Москвы. «Певец во стане русских воинов», написанный в сложное для Кутузова время, упоминал его имя сразу же за Александром. После сражения под Красным, в листовке от 10 ноября 1812 г., Жуковский определил свою позицию решительнее: Кутузов назван вождем победителей, и все стихотворение полностью посвящено ему. Александр вообще не упоминается, если не считать того места в стихотворении, где по контрасту с победами Кутузова вспоминается как

«росс главу под низкий мир склонил».²

Упоминание Тильзитского мира в контексте похвал Кутузову не могло звучать для современников иначе, как осуждение Александра I. Являясь важным этапом в деятельности типографии Кайсарова,³ оба эти стихотворения занимают особое место и в творчестве Жуковского.

Мы видели, как еще в «Дружеском литературном обществе» творческие принципы карамзинизма, отстаиваемые Жуковским, встретили резкую оппозицию со стороны Мерзлякова, Андрея Тургенева и Андрея Кайсарова. Ведущая группа «Общества» защищала идею гражданской, высокой поэзии и резко критиковала субъективный лиризм и приверженность к «безделкам» сторонников Карамзина. Теоретическая позиция Мерзлякова и Андрея Тургенева получила художественное воплощение в таких произведениях, как «К отечеству» Андрея Тургенева, «Слава», «На разрушение Вавилона», переводы из Тиртея Мерзлякова. Стихотворения эти были пронизаны идеей гражданского служения, вершина которого — смерть за отечество. Андрей Тургенев писал:

«Тебя, отечество святое,
Тебя любить, тебе служить,
Вот наше звание прямое!
Мы жизнь свою купить
Твое готовы благоденство,
Погибель за тебя — блаженство».

¹ В. А. Жуковский, Соч., под ред. П. А. Ефремова, Изд. 7-е, СПб, 1878, стр. 254.

См. С. Дурьлин, Русские писатели в Отечественной войне 1812 г., М., 1943, стр. 85—88.

² Там же, стр. 272.

³ Можно поставить вопрос о том, не были ли перепечатаны походной типографией некоторые из басен Крылова. Этим, может быть, объясняется факт широкой распространенности их в действующей армии, зафиксированный в письме Батюшкова Гнедичу от 30 октября 1813 г. Вряд ли можно предположить, что в армии, находящейся в непрерывных боях и походах, сколь-либо широко распространялись рукописные списки стихотворений или журнальные публикации.

Переводы из Тиртея Мерзлякова создавали героический образ «великого в мужах», который «пламенеет завидной страстью встретить смерть». Его «душа отечеством полна».

«Не ждет врагов, он их сретаает,
Не спросит тайно, сколько сил,
Когда отечество взывает —
Пришел, увидел, победил».¹

В период «Дружеского литературного общества» и в ближай-шие последующие годы призывы к гражданской поэзии не увлек-ли Жуковского.

Начало антинаполеоновских войн и вызванный этим патриотический подъем в обществе оказали определенное влияние на Жуковского, заставив его внести коррективы в свою литературную программу. В конце 1806 г. им была написана «Песнь барда над гробом славян-победителей» (опубликовано в 1807 г., в том же году перепечатано стихотворение Андрея Тургенева «К отечеству»). При опубликовании в примечании сообщалось, что стихотворение относится «к военным обстоятельствам того времени». Попытка создать произведение с общественной патриотической тематикой была для Жуковского бесспорным новшеством. Гражданская направленность стихотворения подчеркивалась эпиграфом из Делиля, противопоставлявшим «робкой лире» и «сла-достным песням забав» «воинственного барда, который устрем-лялся от отряда к отряду, воодушевляя юношество, грядущее на битву».² Характерно, что в качестве образца поэта-гражданина называется Тиртей, которого переводил Мерзляков. Однако это еще не означало отхода от принципов карамзинизма. Попытка обращения к народности не пошла далее стремления придать стихотворению «северный», «оссиановский» колорит, а общий характер произведения скорей подготавливал историческую элегию Батюшкова, а не героическую гражданственную поэзию. Показательно, что в 1810 г. Вяземский вынужден был печатно упрекать Жуковского по поводу выхода в свет «Собрания русских стихотворений»: «Зачем не напечатали вы прекрасного перевода Мерзлякова Тиртеевых од».³

Стихотворения периода пребывания Жуковского в штабе Ку-тузова отличаются от его предыдущего творчества весьма резко. Это заставляло, зачастую, исследователей связывать их с влиянием традиции торжественной оды XVIII в. Так, например, Ц. Вольпе считает, что «нетрудно было бы установить (. .) влия-ние на «Певца» одической поэзии XVIII в. Самое построение «Певца» возвращает к принципам хвалебной песни классицизма с характерным для нее антифонным (два перекликающихся го-

¹ А. Ф. Мерзляков, Подражания и переводы, ч. II, М., 1826, стр. 69—70.

² В. Е., 1807, № 24 (в оригинале по-французски).

³ П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. СПб., 1878, стр. 1.

лоса) строением». ¹ Однако, тип подобной «двуголосной» песни мало характерен для русского классицизма XVIII в. и уж никак не может быть связан с одой. Гораздо вероятнее, что Жуковский учел опыты по созданию образцов гражданской поэзии его друзьями из «Дружеского литературного общества» и, в частности, Мерзляковым. Деление на корифея и хор встречается в стихотворении последнего «Слава». Бесспорно ритмическое влияние переводов из Тиртея:

«Друзья! страстям, порокам брань,
Гсните праздность, лесь!
Вся храбрых жизнь — отчизне дань,
Им пища — благо, честь!»

Не случаен и образ поэта-борца, сотрудника воинов. Характерно, что в примечании к имени Бояна, открывающего галерею поэтов, среди которых не найдем ни одного представителя карамзинской традиции, Дашков писал: «Автор соглашается здесь со мнением некоторых писателей, приемлющих Бояна за великого стихотворца, который процветал во мрачные времена истории нашей и *подобно греческому Тиртею* (курсив мой — Ю. Л.) возбуждал песнями своими мужество славянских воинов». Вряд ли прав Ц. Вольпе, когда видит в прославлении Кутузова и замалчивании роли Барклая (имени последнего Жуковский даже не упоминает) проявление того, что «в трактовке Бородина Жуковский целиком следовал за отечественной официозной литературой». ² Представления, о которых говорит исследователь, стали официозными значительно позже, после смерти Кутузова и окончания войны, когда образ его был официально канонизирован. Для времени Тарутинского лагеря подобные настроения свойственны были именно атмосфере ставки Кутузова, а не духу правительственной интерпретации событий. Особенно показательно в этом отношении стихотворение «Вождю победителей».

Общее изменение творческой позиции Жуковского было определено, таким образом, тройственным влиянием общей атмосферы патриотического подъема 1812 г., обстановки штаба главнокомандующего и идейного воздействия сторонника народной, гражданственной, патриотической поэзии Андрея Кайсарова. Недаром стихотворение «Вождю победителей» оказалось включенным в традицию русской политической лирики. ³ В дальней-

¹ В. А. Жуковский, Стихотворения, вступительная статья, ред. и примечания Ц. Вольпе, Л., Советский писатель, 1939, т. I, стр. XX. Правда, тот же автор далее совершенно справедливо отмечает черты сходства «Певца» с гимном «Радости» Шиллера. Можно, однако, видимо, было бы говорить о влиянии шиллеровской традиции в творчестве Мерзлякова.

² Там же.

³ Так строки:

«Еще удар — и всей земле свобода,
И нет следов великого народа», —

шем, попав в иное литературное окружение, Жуковский вернулся к элегической поэзии и более органичным для него карамзинским эстетическим принципам.

Участником литературного кружка штаба Кутузова был и Воейков. Здесь он написал стихотворения «Князю Голенищеву-Кутузову Смоленскому» и «К Отчеству», примечательные патриотическим пафосом. «Будучи при Главной квартире, он добровольно вызвался и находился в отряде генерала-майора Кайсарова». ¹

С переходом армии через границу и прибытием в ставку Александра I атмосфера в штабе изменилась. Изменился и характер документов, публикуемых в типографии. Так, например, в период пребывания в Калише типография печатала приказы подобного рода: «Февраля 28 дня 1813, № 14. За развод сего числа, от гренадерского графа Аракчеева полка бывший, его императорское величество изъявляет высочайшее свое благоволение, нижним же чинам всемилостивейше жалуует по рублю серебром на человека». ² Подобные приказы стали печататься в типографии регулярно. Кайсаров почувствовал себя лишним и перешел в отряд брата, также покинувшего к этому времени штаб и ставшего во главе партизанской «партии».

Активное участие народа в освобождении родины произвело огромное впечатление на передовую дворянскую интеллигенцию, вплотную поставив ее перед вопросом об исторических правах народа. Теоретически еще демократическая общественная мысль XVIII в. поставила вопрос о замене регулярной воинской силы, которая может стать орудием для достижения антинародных замыслов тирана, армией вооруженного народа. Освободительный смысл этой идеи ясен. Не случайно ее так энергично отстаивал Радищев. Революционная война, которую вела Французская республика, а затем освободительные войны народов Европы против Наполеона (прежде всего, испанского народа) одели эту идею плотью живых фактов и чрезвычайно способствовали ее популяризации в передовых кругах общества. Правительство, стремившееся к осуществлению прусско-павловского идеала «механического солдата», нерассуждающего исполнителя приказов, боялось не только этой постановки вопроса, но и стихийно-демократических требований воспитания инициативного и сознательного солдата, выдвинутых суворовской школой. На развязывание народной войны в 1812 г. правительство шло крайне

характерно откликнулись в «Андрее Шенье» Пушкина:

«... день один —
И казней нет, и всем свобода,
И жив великий гражданин
Среди великого народа».

¹ Рукописное собрание ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, Архив Шильдера, К 19, № 2, л. 405.

² ЦГВИА, ф. 103, г. 1813, сп. 208-в., 52, л. 4, л. 152.

неохотно, признавая как факт народное движение, остановить которое оно не имело сил.¹ Иначе относились к ней в среде передового офицерства. Убежденная в том, что «спорные дела государств решаются ныне не боем Горациев и Куриациев, не поединками полководцев (). Ныне народ или народы встают против народов»,² — передовая офицерская молодежь наблюдала рост народного движения, вспоминая освободительную войну испанского народа, когда «размеренные движения регулярной армии заменились, так сказать, *устроенным беспорядком* (курсив автора) вооруженных поселян».³ Если для Кутузова интерес к народной войне был определен мудростью полководца, развивавшего в эпоху национальной угрозы стихийно-демократические принципы суворовской школы, то свободолюбивую молодежь в первую очередь увлекала поэзия «неограниченной страсти к независимости», как определил Д. Давыдов сущность партизанской борьбы. Партизанская война интересовала их не столько как военная, сколько как политическая проблема, причем воспринималась она сквозь призму романтического свободолюбия: «Сие исполненное поэзии поприще требует романтического воображения, страсти к приключениям и не довольствуется сухою прозаическою храбростию — это строфа Байрона».⁴

Энтузиаст и народолюбец А. С. Кайсаров, захваченный «поэзией великих подвигов» (Грибоедов), решил стать партизаном и добился перевода в отряд брата. Своеобразная фигура профессора-партизана, бесспорно, заслуживает внимание военных историков 1812 г. К сожалению, этот период биографии А. С. Кайсарова остается документально неосвещенным. У нас нет даже достоверного описания его героической гибели в битве при Гейнау 14 мая 1813 года. Приведем сохранившиеся данные об этом трагическом событии. Александр Иванович Тургенев, много лет

¹ Опасения правительства имели основания: народная война против Наполеона, сопровождаемая ростом политической активности крестьян, легко могла обернуться и против помещиков. Помещик В. Сойманов в частном письме писал: «Ежели Никольское еще существует, то это единственно по милости Гаврилы Анкудинова (старосты — Ю. Л.), который, к совершенной неожиданности всех нас, сделался таким храбрым наездником и партизаном, что с дворовыми людьми своими и крестьянами убил 300 человек мародеров и фуражиров и 20 взяли в плен. Так что сии побродяги не смели более показываться к нему; в последнем на него нападении было с французами 2 пушки. По выходе однако же неприятеля некоторые из мужичонков подгадили по наущению попа своего; вступили было в наследники заживо старикова имения, вместе с своим наставником». Однако, исправник, «испросив себе 50 казаков, тотчас усмирил шалунов тем, что пересек, а 2-х начинщиков .. (многоточие в тексте — Ю. Л.) Бенкендорф расстрелял». (Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собр. и издал П. И. Щукин, ч. IV, М., 1899, стр. 347.)

² Денис Давыдов Опыт теории партизанского действия, М., 1822, стр. 46—47.

³ Там же, стр. 26.

⁴ Там же, стр. 83.

спустя, вспоминал: «Неодолимое влечение в самом пылу народной войны умчало его от тихих муз в стан воинский, где Кутузов, по его предложению, устроил походную типографию. Но перу еще не было дела в стане русских воинов; в Андрее Кайсарове снова загорелся дух воинский, и в отряде брата взлетел он на воздух с пороховым ящиком». ¹

Воспоминания Бурдаха дают другую, видимо, менее достоверную, картину гибели Кайсарова: «В то время, как Рамбах вернулся в Дерпт, перешел он (Кайсаров — Ю. Л.) в военную службу и когда после битвы у Лютцена и Бауцена началось вновь отступление, он был, как рассказывают, охвачен таким отчаянием, что взорвал себя вместе с артиллерийским обозом, которым он командовал». ²

Смерть А. С. Кайсарова оставила след в официальной военной переписке. 15 мая 1813 г. Барклай-де-Толли доносил Александру: «Генерал-майор Кайсаров, коему предписано действовать с партией в тылу неприятеля, напал вчерашнего числа между Герлицом и Рейхенбахом на неприятельский парк, взял два орудия, заклепал оных шесть, взорвал патронные и пороховые ящики, убил начальника парка полковника Лало и генерала, за парком следовавшего, положил на месте более 300 человек и взял в плен 80 чел(овек). К сожалению, убит в сем деле дерптского университета профессор и московского ополчения майор Кайсаров». ³

Смерть на поле боя оборвала корогкую, но знаменательную деятельность тартуского профессора Андрея Сергеевича Кайсарова.

¹ Современник, 1841, т. XXI, стр. 51.

² Bugdach, цит. соч., стр. 266.

³ Сб. исторических материалов, извлеченных из архива собственной его императ. вел. канц., вып. 13, сост. Н. Дубровин, стр. 153—154. Действия партизанского отряда П. Кайсарова 14 мая 1813 г. должны были быть отражены в донесении последнего Барклаю-де-Толли. Однако, обнаружить его в бумагах ЦГВИА нам не удалось.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	стр.
В в е д е н и е	1
1. «Дружеское литературное общество»	18
2. Формирование общественно-политической программы Кайсарова. Диссертация «О необходимости освобождения рабов в России».	77
3. А. Кайсаров — профессор Тартуского (Дерптского) университета	124



Ю. Лотман

А. С. Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени.

На русском языке.

Тартуский государственный университет.

Тарту, ул. Юликооли 18

Гл. редактор Б. Егоров

Корректор М. Марди

Сдано в набор 8 VII 1957. Сдано в печать 29 IV 1958. Бумага 60×92 1/16.
Печатных листов 12. 1000 экземпляров, МВ 03144.

Типография «Пионер», Тарту, ул. Кастани 38.

Номер заказа 1721.

Цена 7 руб. 20 коп.

Замеченные опечатки.

Страница	Строка	Напечатано	Нужно читать
53	12—13 сверху	Марфа—Посадница»	«Марфа—Посадница»
97	15 снизу	безоговорочного	безоговорочного